

Санкт-Петербург
2004

А.И. Андреев

**ХРАМ БУДДЫ
В СЕВЕРНОЙ
СТОЛИЦЕ**

НАРТАНГ
Санкт-Петербург
2004

Содержание

От автора	7
Глава 1	13
Поклонники Будды в Петербурге	
Глава 2	23
Посланец Далай-ламы – Хамбо Агван Доржиев	
Глава 3	39
«К постройке этой молельни уже приступают...»	
Глава 4	59
Рождение храма	
Глава 5	81
Начало богослужений	
Глава 6	99
Поруганная святыня	
Глава 7	107
Под эгидой чичеринского Наркоминдела	
Глава 8	135
«Золоченый парадокс на берегу реки»	

Глава 9	153
Будда уходит из храма, Будда возвращается ...	
Приложения	
Приложение 1	187
Штат бурятско-калмыцкого духовенства, служившего в Петербургском буддийском храме в 1914-1917 гг.	
Приложение 2.....	188
Письмо А. Доржиева в Восточный отдел НКВД РСФСР, 1 октября 1920 г.	
Приложение 3.....	193
Текст проекта договора о буддийском храме, 1927 г.	
Приложение 4.....	195
Письмо-завещание А. Доржиева, 1 октября 1936 г.	
Приложение 5.....	198
Письмо С.Д. Дылыкова в президиум Ленсовета, 21 марта 1938 г.	
Приложение 6.....	200
Первое обращение ленинградских буддистов к властям, 1988 г.	
Приложение 7	202
В.А.Иванов. Из воспоминаний о Старой Деревне	
Хронология публикаций о храме	211
Указатель имен	215

*Посвящается памяти
буддийских монахов из Старой
Деревни и востоковедов-буддологов,
погибших в Ленинграде
в годы Большого террора*

От автора

«Золоченый парадокс на берегу реки, в стране воинствующего атеизма» – таким увидел в 1930 г. буддийский храм в Ленинграде ныне покойный писатель С.Н. Марков. А наш современник, известный исследователь петербургского зодчества Б.М. Кириков назвал храм «одним из самых экзотических памятников столичной архитектуры периода модерн». Тем не менее, история возникновения этого удивительного памятника и его судьба долгие годы оставались совершенно неизвестными широкой публике.

Первая научная публикация о храме под названием «Самый северный памятник тибетского зодчества» появилась в 1972 г. и принадлежала ленинградскому архитектору Г.В. Пионтеку. Это была небольшая заметка об оригинальной, тибетской архитектуре храма, представлявшая собой тезисы доклада, который автор предполагал прочитать – но так и не прочитал – на научной конференции в Новосибирске. Первым же исследователем собственно истории создания храма был историк архитектуры, сотрудник Государственной инспекции по охране памятников А.Н. Петров. В 1966 г. он подготовил подробную историческую справку о храме (хранится в архиве ГИОП), которая много лет спустя послужила ценным подспорьем для моего собственного исследования. Здесь хотелось бы отметить, что в немногих публикациях 1970-х – 1980-х годов, посвященных храму, основной акцент делался на архитектурно-стилевых особенностях памятника, поскольку их авторов – профессиональных архитекторов – буддийский храм интересовал прежде всего как памятник архитектуры. А потому исторический контекст в этих публикациях был весьма скудным.

Десять лет назад (в 1992 г.) петербургско-уланудэнское издательство «ЭкоАрт» опубликовало мою небольшую книгу о храме под названием «Буддийская святыня Пет-

рограда». В ней я попытался восполнить этот досадный пробел в наших знаниях на основе тщательных архивных разысканий и «устной истории» – живых воспоминаний свидетелей того времени, когда храм еще был действующим. Издание книги было приурочено к юбилейной, хотя и довольно условной, дате – 250-летию официального признания буддизма в России и строительства в стране первых буддийских монастырей. К сожалению, из-за скромного объема книги я был вынужден ограничить свой рассказ изложением лишь основных фактов, опуская многие детали. Книга, по сути, повторяла содержание моей первой публикации о храме, появившейся двумя годами ранее на страницах одного из выпусков исторического альманаха «Минувшее», издававшегося в то время В. Алоем в Париже («Из истории петербургского буддийского храма» // *Atheum*. 1990. Т.9. С.380-405) и практически недоступного для широких читательских кругов в России.

Предлагаемая ныне вниманию читателей книга представляет собой основательно переработанный и значительно расширенный текст «Буддийской святыни». В ней приводится много новых фактов, цитируются ранее неизвестные источники, архивные и литературные, и в целом существенно расширен общий культурно-исторический контекст, что, на мой взгляд, позволяет лучше понять необычную роль храма – не просто буддийского культового сооружения, но одновременно и монастыря (дацана), и своего рода центра индо-тибетской культуры и духовности – единственного на севере Европейской России, и в то же время резиденции полуофициального представителя тибетского Далай-ламы в СССР, Хамбо-ламы Агвана Доржиева. Правда, тот факт, что в 1922-1937 гг. при храме располагалась иностранная – Тибето-монгольская – миссия, находившаяся под особым покровительством Наркоминдела СССР, сделал недосягаемым для исследователей многие документы этого периода, хранящиеся в Архиве

внешней политики Российской Федерации. До сих пор во многом остаются неясными обстоятельства создания этой миссии в конце 1922 г. и её ликвидации в 1937 г., после ареста лам, а также весьма интригующая история «самовольной» передачи храма Доржиевым правительству МНР летом 1926 г. путем подписания соответствующего договора с послом этой страны Боянчулганом. Но, как известно, «нет ничего тайного, что не сделалось бы явным», и потому я искренне надеюсь, что эти и другие тайны храма рано или поздно непременно выйдут на свет.

В заключение я хотел бы выразить благодарность всем тем, кто щедро делился со мной своими знаниями о храме и его обитателях – ламах, что сделало возможным появление на свет этой книги. Прежде всего – петербургским буддистам и буддологам А.А. Терентьеву, А.И. Бреславцу, В.М. Монтлевичу, М.Н. Кожевниковой, О.С. Хижняк, Е.Ю. Харьковской, любителю-краеведу и старожилу Старой Деревни В.А. Иванову, дочери востоковеда-монголиста Б.Я. Владимирцова Л.Б. Владимирцовой, а также ныне покойному проф. С.Д. Дылыкову, близкому родственнику строителя храма, бурятского ламы и тибетского дипломата Агвана Доржиева. В то же время хочу поблагодарить искусствоведа В.В. Скурлова за ценные сведения о некоторых предметах храмовой утвари, изготовленных в петербургских ювелирных мастерских, о связях фирмы Карла Фаберже с сиамской королевской династией и за выписки из дневников русского посланника в Сиаме Г.А. Плансона-Росткова, цитируемые в книге; а также немецкую исследовательницу Исрун Энгельхардт, приложившую немало усилий, чтобы помочь мне установить место изготовления металлической большой алтарной статуи Будды Шакьямуни, привезенной откуда-то с Запада и установленной в главном алтаре храма в середине 1920-х. И наконец, гериховедов В.А. Росова, Е.А. Алексееву, Л.С. Митусову и

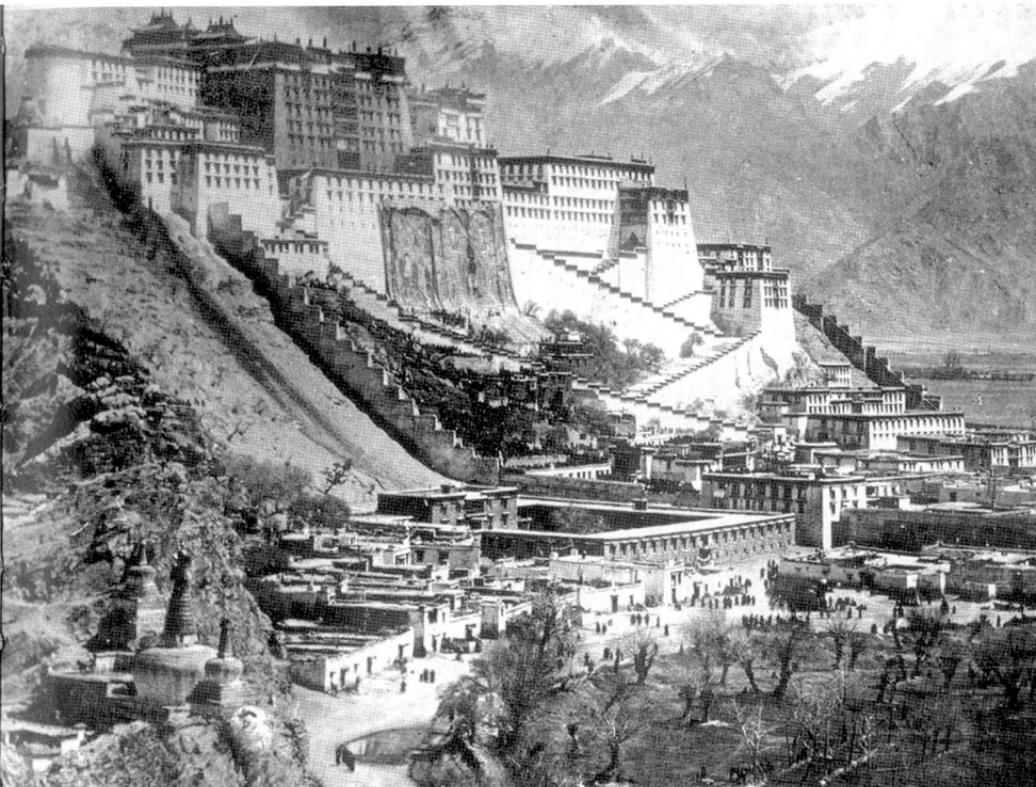
В.Л. Мельникова за сведения о Ю.Н. и С.Н. Рерихах, проявлявших большую озабоченность судьбой буддийского храма и внесших свою посильную лепту в его сохранение как уникального архитектурного и исторического памятника.

*С.-Петербург,
2001 – 2003*

*Справа:
Пotala. Дворец Далай-лам в Лхасе (Тибет).
(Архив В. Монтевича)*

В буддийской тишине
лежит мощеный дворик,
и снится кирпичам
заоблачный Тибет.

С.В. Петров

Глава 1

Поклонники Будды в Петербурге

Хорошо известно, что среди первых строителей Петербурга были волжские калмыки – буддисты по исповеданию, трудившиеся вместе с другими работными людьми над возведением Санкт-Петербургской (впоследствии Петропавловской) крепости. Происходило это, однако, не в год основания города, а несколько позднее, на втором этапе строительства крепости, когда её земляные валы передельвались в каменные. Именно тогда в Петербург стали стекаться десятки тысяч крестьян и мастеровых людей, высланных, по распоряжению Петра I, из разных губерний России и, следовательно, также из окраинного Калмыцкого ханства¹. Жили эти калмыки неподалеку от крепости, в Татарской слободе, расположенной за кронверком (в районе Большой Спасской улицы), «сообразно своим обычаям». Имеется и другая версия появления калмыков в Петербурге: известный историк П.Н.Петров сообщает, что в первые годы по основании крепости вблизи нынешней Большой Спасской зимовали калмыки, «действовавшие в Лифляндии в качестве иррегулярной конницы». «Юрты их, называемые вообще татарским становищем, дали потом и название слободе из лачуг, тянувшейся ломаню линией, с тремя перерывами из-за болотин»². Отсюда можно заключить, что именно эти калмыцкие воины, по-видимому, и использовались на строительных работах. Такая версия кажется более вероятной, нежели предположение о посылке калмыков «черной кости» за тысячи верст, в далекий Петербург, знаменитым ханом Аюкой, чье ханство в ту пору еще не было присоединено к России и имело автономный статус.

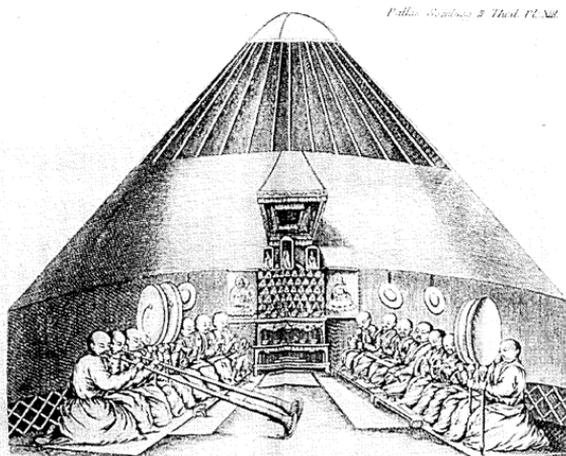
О том, сколько было этих калмыков и как долго они пробыли в Петербурге, сведений не сохранилось. Как сви-

¹ См.: Столпянский П.Н. Старый Петербург. Петропавловская крепость. М.: Л., 1923. С. 14.

² Петров П.Н. История С.-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления, 1703-1782. СПб., 1884. С. 97.

Слева:

Феликс Рагмей. Буддийская служба в Музее восточных искусств в Париже, 27 июня 1898. Лама на троне – Агван Доржиев (из собрания Музея Гимэ)

³ Цит. по: Беспятовых Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С.104. См. также: Луппов С.П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. Л., 1957. С. 89.

детельствует ганноверский резидент в России Фридрих-Христиан Вебер, «очень многие работные люди из татар, русских и калмыков, отработав установленный срок, не захотели отправиться в дальний обратный путь домой, а получили достаточно работы за деньги у многочисленных бояр»³. В более поздних источниках XVIII – середины XIX века среди жителей российской столицы мы, однако, уже не находим упоминаний ни о калмыках, ни о каких-либо других представителях буддийской конфессии.

⁴ С.-Петербург по переписи 10 декабря 1869 г. СПб., 1872. Вып. 1. С. 126-127; Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г.: Город С.-Петербург. СПб., 1903. Т. 37. Тет. 11. С. 50-51; Петроград по переписи 15 декабря 1910 г. Пг., б.г. Ч. 1. Вып. 1. С. 269.

Буддийская община в С.-Петербурге стала складываться лишь в самом конце XIX столетия. Согласно переписи населения 1869 года, в городе проживал лишь один буддист, записавшийся разночинцем. В 1897 году насчитывалось уже 75 буддистов, а в 1910 – 184 (163 мужчины и 21 женщина)⁴. (Для сравнения: в начале XX века в С.-Петербурге проживало более 34 тысяч иудаистов и около семи тысяч мусульман при полутора миллионном христианском населении.)

Что представляла собой петербургская «буддийская

Вверху:

Калмыцкая юрта-храм (из книги акад. П.С. Палласа «Путешествие по различным провинциям Российского государства»)

колония» того времени? В этническом отношении это были в основном буряты и калмыки – выходцы с восточных окраин Российской империи, из мест традиционного исповедания буддизма (Забайкальская область, Астраханская и Ставропольская губернии, область Войска Донского). Приезжая в Петербург по своим делам, они часто подолгу проживали в городе. Но были и такие, кто осел в Северной столице уже более прочно – это, в основном, учащиеся столичных учебных заведений (только в одном университете более двадцати человек) и служившие в казачьих частях, расквартированных в Петербурге. Селились они, как правило, на Петербургской стороне (буряты) и в Литейных частях (калмыки).

Как буряты, так и калмыки традиционно исповедовали буддизм наиболее распространенной в Тибете и Монголии школы «гелуг» («добродетельной» в переводе с тибетского), также называемой «желтошапочной» по цвету монашеских шапок (основана в начале XV века тибетцем Цзонхавой). В Европе и России эту разновидность буддизма обычно называли ламаизмом, а ее последователей – ламаистами, – термины, в настоящее время устаревшие. (Ученые ныне предпочитают говорить об отдельных, национальных формах буддизма – тибетской, монгольской, бурятской, калмыцкой и т.д.) За неимением общего храма бурятские и калмыцкие буддисты собирались для совершения богослужения, как правило, отдельными группами на частных квартирах, перед скромными домашними алтарями с образом (бурханом) Будды Шакьямуни. Те, кто приезжал в Петербург на короткое время, молились прямо в гостиничных номерах.

Наибольшей известностью среди калмыцких буддистов пользовались родовитые нойоны (светские феодалы), титуловавшие себя князьями, – Ц.-Д. Тундутов и С.Д. Тюмень, бывшие владельцы соответственно Малодербетовского и Хошеутовского улусов в Астраханской губернии.

*Нойон Церен-Давид
Тундутов (фото К.Буллы)
(Музей-квартира П.К. Козлова)*

Оба нойона являлись депутатами Государственной думы (Тундутов – 1-ой, а Тюмень – 2-ой). Проживали они вместе с семьями и челядью (также калмыками) в одной из Литейных частей Петербурга.

Потомок Далай Таши Хана, нойон Церен-Давид Тундутов, по воспоминанию Шамбы Балинова, представлял собой «любопытное соединение европейской культуры с глубоким знанием тибетских наук и буддийской философии, будучи сам, как и весь его народ, буддистом».

«<...> Он и его жена княгиня Эльзете ревниво охраняли и поддерживали в народе национальные и религиозные традиции. Как ревностные буддисты они имели оживленную связь с Далай-ламой, духовным главой всех северных буддистов. Для этого они неоднократно посылали в Лхасу своих послов с богатыми дарами. И в Лхасе Тундутовы пользовались особым признанием, а сам Далай-лама, в знак особого своего благоволения, подарил Тундутову свою особую печать («вечная виза»), перед обладателем которой в любое время ворота Лхасы были открыты. Такую печать, вероятно, во всей Европе, кроме Тундутовых, никто не имел»⁵.

⁵ Балинов Ш.
О княжеском роде
Тундутовых //
Ковыльные волны.
Париж. 1936. №
13-14.

После безвременной смерти Ц.-Д.Тундутова, в 1907 году, в Петербурге остался его сын Данзан (Дмитрий), обучавшийся в Пажеском корпусе. Несмотря на вынужденное крещение, в душе Тундутов-младший сохранял верность религии своих великих предков. По выходе из корпуса Данзан женился на Ксении Александровне Бригер, дочери русского генерала А.М.Бригера. Дом Д.Д. и К.А.Тундутовых на фешенебельном Каменноостровском проспекте № 59, неподалеку от Островов, охотно посещали русские аристократы, политические деятели и весьма значительные особы, близкие ко двору. Особенно тесные контакты калмыцкий князь-«нойон» поддерживал с известным русским путешественником, исследователем Центральной Азии П.К.Козловым. В годы 1-ой мировой войны Д.Д.Тундутов служил адъютантом начальника Генштаба генерала Н.Н.Янушкевича, а затем – самого великого князя Николая Николаевича – наместника Кавказа и главнокомандующего Кавказским фронтом.

В городе проживало и немало буддистов-иностранцев – китайцы, японцы, сиамцы, – имевших при своих посольствах небольшие молельни («кумирни»). Число таких лиц постоянно росло по мере расширения политических и торговых связей России со странами буддийского Востока.

Некоторое число адептов буддизма составляли и русские – главным образом представители высшего света и либеральной интеллигенции. Это были своего рода богоискатели, отвергшие ортодоксальное христианство и искавшие новую веру в религиозно-философских учениях Древней Индии и Тибета, таких как веданта и буддизм. С последним знакомились в основном по фундаментальным трудам отечественных и западных востоковедов-буддологов – В.П.Васильева, И.П.Минаева, А.М.Позднеева, Ф.И.Щербатского, Г.Ольденберга, Т.В.Рис-Дэвидса и др.⁶ В то же время следует отметить, что в С.-Петербур-

⁶ См.: Васильев В.П. Дараната. Буддизм, его догматы, история и литература. Т. 1-3. СПб., 1857-1869; Минаев И.П. Буддизм. Т. 1. Вып. 1. СПб., 1887; Позднеев А.М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. СПб., 1887; Щербатской Ф.И. Теория познания и логика по учению позднейших буддистов. Ч. 1-2. СПб., 1903-1909; Ольденберг Г. Будда, его жизнь, учение и община. М., 1905; Рис-Дэвидс Т.В. Буддизм. СПб., 1906. С индийской философией знакомились в основном по книге английского востоковеда Макса Мюллера – Шесть систем индийской философии. М., 1901.

ге в 1830-е – 1880-е годы был опубликован целый ряд специальных работ (памятники буддийской канонической и неканонической литературы, буддийские словари, исследования по истории тибетского буддизма), принадлежавших перу родоначальников русской тибетологии и монголоведения, членов С.-Петербургской Академии наук, академиков Я.И. Шмидта и А.А. Шифнера. Правда, будучи написанными по-немецки и напечатанными в специальных научных журналах, эти труды были малодоступны для широкой публики⁷.

⁷ См.: Азиатский музей – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972. С. 151-154.

Распространению буддизма на западе России немало способствовала также и новомодная теософия, имевшая явную индо-буддийскую подоплеку. От «Тайной доктрины» Е.П. Блаватской легко переходили к буддийскому учению как таковому, видя в нем некую универсальную религию будущего. В целом же, не будет преувеличением сказать, что в Петербурге этого периода теософией и буддизмом увлекались в равной степени, практически, одни и те же люди, что породило даже такое характерное словечко, как «теософо-буддисты». Эти неопиты – по сути интеллектуальные буддисты или необуддисты – тяготели к раннему, этическому, буддизму Хинаяны (Малой Колесницы), с его акцентом на индивидуальном морально-психологическом самосовершенствовании, в отличие от приверженцев позднего «Северного буддизма» Махаяны (Большой Колесницы), для которых конечная цель Учения состояла в общем спасении живых существ. Именно этот вариант буддизма получил распространение в Тибете, Монголии, Китае, Корее и Японии.

Здесь необходимо отметить, что на исходе XIX столетия учение Будды – «Дхарма» – уже пустило корни в главных европейских центрах, таких как Лондон, Париж, Берлин, Рим и Вена. Особенно большого успеха буддизм добился на берегах Сены, где, по оценке французского ориенталиста Леона де Рони, насчитывалось несколько

тысяч буддистов, принадлежащих, в основном, к высшим, аристократическим кругам общества. Широкую популярность «буддийского движения» в Европе ученый объяснял прежде всего тем, что оно стремится сблизить учение Будды как с представлениями современной науки, так и с новыми общественными идеалами.

«На рубеже XX века в [высших] слоях общества (да и в них ли одних?) начинает замечаться сильное стремление заменить старые, рушащиеся идеалы личной и общественной жизни более соответствующими теперешнему развитию человечества, выработать новое мировоззрение, которое давало бы ответы на все тревожащие человека вопросы, наполнило бы его духовную пустоту»⁸.

⁸ Цит. по: Д-ч. Буддизм в Париже // Русский вестник. 1890. 17 мая. № 133

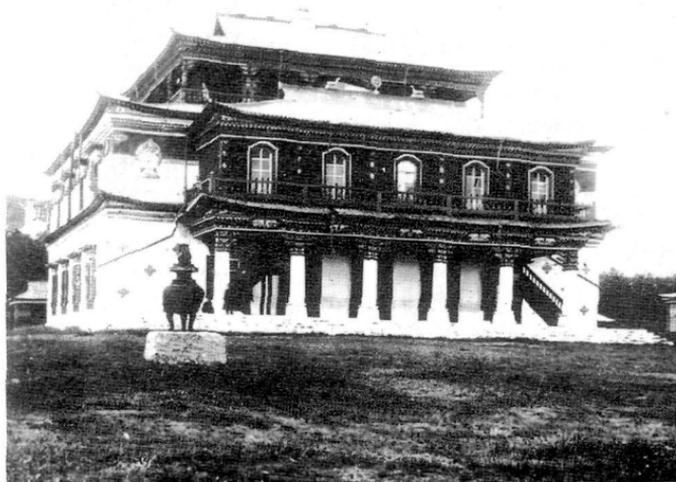
С целью пропаганды буддизма как религии во Франции был издан «Буддийский катехизис», подписанный индийским именем Soubhadra Bhikshou, но составленный, по мнению де Рони, очевидно, кем-то из очень образованных европейцев. Катехизис состоял из трех частей. В первой, в форме вопросов и ответов, рассказывалась жизнь Гаутамы Будды; во второй излагалась религиозная доктрина буддизма – учение о страдании, переселении душ, эволюции миров, нирване и т.д., вместе с правилами и заповедями, «соблюдением которых всего вернее и скорее можно погрузиться в Нирвану»; третья представляла своего рода устав и правила жизни в буддийских общинах.

Интересно, что аналогичные «буддийские катехизисы» распространялись в это же самое время и в России. Наиболее ранний из них, отпечатанный в Харькове в 1888 году, являлся, между прочим, переводом с катехизиса, составленного председателем американского теософического общества полковником Генри Олькотом, сподвижником Блаватской⁹. Огромной популярностью у русских читателей пользовался также перевод эпической поэмы английского поэта и ученого Эдвина Арнольда «Свет Азии»,

⁹ Перевод текста был сделан с немецкого издания, опубликованного в том же году в Лейпциге, священником Т. Буткевичем. См. также: Буддийский катехизис. Перевод с монгольского. СПб., 1902.

¹⁰ Поэма Эдвина Арнольда (1832-1904) «Свет Азии» («The Light of Asia») была впервые опубликована в Англии в 1879. Первый русский перевод, выполненный в прозе А. Анненской, появился в Петербурге в 1890 (перездан в 1893). Известны также переводы И. Юринского (изд. в 1891, 1895), А.М. Федорова (1895 и 1906, первое изд. с предисловием Э. Арнольда, второе – с предисловием и примечаниями академика С.Ф. Ольденбурга) и И. Сабашникова (Свет Мира или Великое Утешение. М., 1917). Поэма издавалась также в пересказе О. Пассек (Свет Азии. Индийское Сказание. М., 1899) и в кратком изложении в серии «Народные издания» (СПб., 1903).

содержащей изложение биографии и учения Будды¹⁰. Все это позволяет говорить о том, что формирование нового, «буддийского мировоззрения» в российском обществе происходило под сильным влиянием Запада. Особенную активность в популяризации буддийского учения среди петербургского «высшего света» проявляла небольшая группа постоянно проживавших в городе буддистов-англичан во главе с неким сэром Эдвардом Чемпли. Таким образом, российская столица в конце XIX – начале XX века оказалась местом встречи двух различных буддийских традиций: одна распространялась с Запада – из Парижа и Лондона, этих главных теософских и в то же время буддийских центров Европы, и представляла собой преимущественно ранний, хинаянский буддизм Южной Индии, воспринятый и опосредованный европейской интеллектуальной средой; другая – с Востока, от приверженцев средневекового реформированного тибето-монгольского буддизма – российских бурят и калмыков.

Вверху:
Агинский дацан, ок. 1900. (Музей-квартира П.К.Козлова)

Внизу:
Монастырь Гумбум (Амдо, Тибет), ок. 1900.
(Музей-квартира П.К.Козлова)

Глава 2

Посланец Далай-ламы — Хамбо Агван Доржиев

Летом 1898 года в одном из номеров петербургского журнала «Строитель» промелькнула крохотная заметка следующего содержания:

«Ввиду большого количества лиц, исповедующих буддийскую религию и проживающих постоянно в Петербурге, как нам передают, возбуждено ходатайство об открытии небольшой буддийской молельни, рассчитанной на 100–120 человек. Молельня будет помещаться в одной из центральных частей столицы»¹.

¹ Строитель. 1898. №13-14. Стб. 540.

Появление этого любопытного объявления совпало с приездом в Россию посланца XIII Далай-ламы Тубтэна Гьяцо, ученого бурятского ламы Агвана Доржиева². Можно думать, что «ходатайство» об устройстве «буддийской молельни» — не где-нибудь, а в самом центре православной столицы Российской империи — было инспирировано не кем иным, как загадочным гостем из заоблачного Тибета, будущим строителем Петербургского буддийского храма.

Родом из хоринских бурят, российскоподданный Агван Лобсан Доржиев (1853/54-1938) в 19-летнем возрасте покинул Забайкалье и отправился вместе со своим учителем в Тибет с целью получения высшего буддийского образования. Вскоре он, правда, вернулся на родину — Лхаса в ту далекую пору являлась запретным городом для иностранцев, в том числе и для бурятских и калмыцких паломников, которые легко могли поплатиться жизнью за нарушение запрета. Несколько лет спустя, впрочем, соб-

² О нем см.: Берлин Л.Е. Хамбо Агван Доржиев // Новый Восток. 1923. № 3; Заятуев Н.-Г. Цаннид Хамбо Агван Доржиев. Улан-Удэ, 1991; John Snelling. Buddhism in Russia: The Story of Agvan Dorjiev, Lhasa's Emissary to the Tsar Shaftsbury. Dorset, 1993.

Слева:

*Агван Доржиев. Санкт-Петербург, ок. 1900.
(Музей-квартира П.К. Козлова)*

рав необходимые для обучения средства, юноша снова отправился в эту буддийскую Мекку, где поступил в одну из школ крупнейшего в Тибете монастыря Дрепунг в окрестностях Лхасы – Гоман дацан. Закончив ее в 1888 году, Доржиев получил высшую ученую степень «лхарампа» и в том же году, благодаря своей блестящей учености, был назначен от этой школы одним из наставников («цаннидхамбо») юного Далай-ламы – фактически, его партнером для традиционных философских («цаннидских») диспутов. Со временем Доржиев приобрел большое влияние на Далай-ламу и стал его ближайшим доверенным лицом и другом. При дворе верховного правителя Тибета он создал русофильскую политическую группировку, определившую на долгие годы характер тибетской внешней политики.

В конце 1897 года Доржиев был отправлен Далай-ламой в Европу – в Россию и Францию – с секретной дипломатической миссией: прозондировать почву отно-

Слева:

*Н.Д. Кожевников. Портрет Далай-ламы XIII (карандаш).
Урга, 1905. (Архив СПФ РАН)*

Вверху:

Далай-лама XIII на троне, нач. 1900-х (из книги: Waddel L.A. Lhasa and its Mysteries. London, 1905)

сительно возможности оказания помощи Тибету этими странами в противостоянии экспансионистской политике Британской империи. Речь в конечном счете шла о том, чтобы склонить прежде всего русское правительство как открыто покровительствующее буддистам (в чем Доржиев старательно пытался убедить тибетцев) к установлению протектората над Тибетом, путем заключения соответствующего договора. В Петербург тибетский посланец прибыл в феврале 1898 года в сопровождении бурятского тайджи (дворянина) Буды Рабданова, в недавнем прошлом участника центральноазиатских экспедиций Г.Н. Потанина. Благодаря протекции одного из великосветских необуддистов князя Э.Э. Ухтомского – ученого, дипломата и путешественника, издателя «Санкт-Петербургских ведомостей», Доржиев без труда получил аудиенцию у Николая II. Будучи убежденным англофобом, император отнесся к призывам Лхасы весьма сочувственно и посоветовал, чтобы Далай-лама обратился к нему с официальной письменной просьбой.

В этот свой первый приезд в Петербург Доржиеву также удалось завязать дружеские отношения с рядом крупнейших русских ученых – востоковедов и географов, таких как С.Ф. Ольденбург и П.П. Семенов (Тян-Шанский), проявлявших живой интерес к ситуации, складывающейся вокруг Тибета. В это же время в Петербурге полным ходом шла подготовка к большой монголо-тибетской экспедиции, снаряжаемой императорским Русским Географическим обществом (далее РГО. – А.А.), которую должен был возглавить ученик и сподвижник Н.М. Пржевальского П.К. Козлов. С приездом Доржиева появилась надежда, что русской экспедиции наконец-то удастся пройти в запретную Лхасу, и по этому случаю были даже заготовлены подарки из средств Министерства двора для поднесения правителю Тибета. В письме помощника начальника экспедиции А.Н. Казнакова Козлову читаем:

«Ухтомский хлопочет усиленно пока, он сегодня был у Государя и объяснил ему, что надо торопиться с подарками, а что Фредерикс тянет дело. Государь обещает «похлопотать». Григорьева (секретарь РГО. – А.А.) об этом извещу, и П.П. Семенов, приехавший вчера, со своей стороны нажмет на Фредерикса. Государь сказал сегодня Ухтомскому, что он непременно хочет, чтобы мы прошли в Лхасу»³.

Находясь в Петербурге, Доржиев также имел возможность познакомиться и со столичной «буддийской колонией» – бурятами, калмыками и русскими великосветскими буддистами и, вероятно, даже совершил по их просьбе не одно богослужение. Именно тогда, очевидно, у него и родилась идея устроить в Петербурге общую буддийскую молельню. Это могло бы, с одной стороны, объединить местных буддистов и дать толчок распространению Дхармы на запад России, туда, где традиционно господствует православная церковь, и в то же время до некоторой степени способствовать политическому сближению России и Тибета.

Летом того же года, заручившись рекомендательными письмами С.Ф.Ольденбурга, Доржиев вместе со своим помощником Рабдановым направился в Париж. Здесь, как и в Петербурге, он вновь пытается соединить политический зондаж с религиозной проповедью. Известно, что 27 июня Доржиев и Рабданов совершили в помещении библиотеки знаменитого Музея восточных искусств (Музей Гимэ) показательное богослужение – «Молебен Будде Шакьямуни и другим буддам о ниспослании всем людям любви и сострадания». На этой необычной службе присутствовало несколько сотен человек – представители парижского «бомонда», дипломаты и политики, включая будущего премьера Жоржа Клемансо, и, конечно же, местные буддисты, среди которых, кстати, было немало русских. В числе последних оказался и поэт Иннокентий Анненский, передавший впоследствии свои переживания

³ Архив Русского Географического общества (РГО). Ф. 18. Оп. 3. Д. 265. Л. 20. Письмо не датировано. В.Б. Фредерикс (1838-1927), граф, ген.-адъют., министр императорского двора (1897-1917).

в стихотворении «Буддийская месса в Париже». Перед началом ритуала Доржиев выступил с короткой лекцией с целью познакомить французскую публику с историей тибетского буддизма, в то время практически неизвестного на Западе.

В 1900 и 1901 годах Доржиев совершил еще две поездки в Петербург, на этот раз во главе официальных миссий к Русскому двору, последняя из которых именовалась «чрезвычайным посольством». Результатом их стало непродолжительное, но интенсивное, «русско-тибетское сближение», которое имело, впрочем, весьма плачевные последствия для Тибета, спровоцировав англо-индийскую военную интервенцию в страну в 1903-1904 годах. В ходе переговоров был поднят вопрос об учреждении «русского консульства в Тибете», на чем особенно настаивал князь Э.Э. Ухтомский, высказывавший даже пожелание самому стать во главе такого представительства. Однако, пос-

Вверху:

А.Доржиев выходит из Большого Петергофского дворца, 23 июня 1901 (Архив А.А.Терентьева)

кольку Тибет формально находился «под сюзеренитетом» Китайской империи и был фактически «закрыт» для европейцев, то в Петербурге решили учредить консульство в городке Кандин (Дацзянлу) в провинции Сычуань, вблизи восточной границы Тибета. (По предложению Доржиева консулом назначили Буду Рабданова, который, впрочем, занимал эту должность недолго – с сентября 1903 по сентябрь/октябрь 1904 года, после чего консульство было ликвидировано российским Министерством иностранных дел.)

Установление дипломатических отношений между Россией и Тибетом позволило Доржиеву вновь заговорить о необходимости устройства «буддийской молельни» в Петербурге, тем более что русское правительство декларировало свое стремление установить «непосредственные и постоянные сношения» не с правительством Тибета, но «с высшими буддийскими властями» этой страны⁴. (Что, разумеется, делалось для того, чтобы закамуфлировать наличие политических интересов у России в отношении Тибета.) «Молельня» в таком случае, помимо своего прямого назначения, становилась также и чем-то вроде неофициального духовного представительства Далай-ламы в России, поскольку правитель Тибета являлся главой тибетской буддийской церкви. В то же время еще со времен Екатерины Великой российские самодержцы также почитались бурятами и калмыками как воплощения одного из высших буддийских божеств – милосердной Цаган Дара-Эхе (Белой Тары). Последнее обстоятельство особенно использовалось Доржиевым в его прорусской политической агитации в Лхасе как один из главных доводов, почему Тибету следует искать покровительства прежде всего России, страны, где правит Великий Белый Царь (Цаган Батор) и где находится легендарная Счастливая Страна северных буддистов – Шамбала. Инициатива Доржиева, однако, поначалу успеха не имела – в своей

⁴ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Китайский стол. Д. 1449. Л. 1.

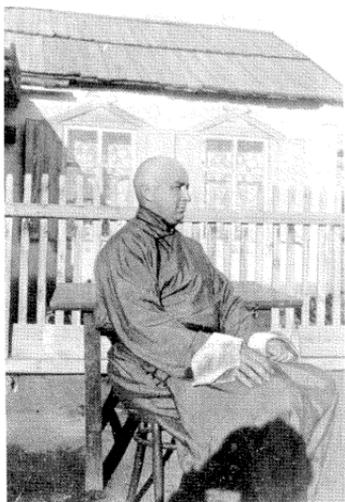

*М. Шарав. Портрет 8-го
Богдо-гегена. Нач. XX в.*

тибетской автобиографии он сообщает, что, хотя царь и дал свое согласие на строительство буддийского храма в Петербурге, этому решительно воспротивились представители православного духовенства («длинноволосые») и затем пришлось отложить до лучших времен⁵.

Эти времена, казалось, наступили в 1905 году, когда Николай II, под влиянием русской революции, был вынужден перейти к более либеральной внутренней политике, в частности издать указ об укреплении начал веротерпимости от 17 апреля, запретивший, между прочим, впредь именовать «ламаитов» в официальных актах «идолопоклонниками» и «язычниками». В том же году (18 мая) Комитет министров учредил Особое совещание по делам веры, которому было поручено тщательно изучить современное положение буддистов в России с целью пересмотра действующего в отношении них законодательства. По удивительному стечению обстоятельств в это же самое

⁵ См.: Предание о кругосветном путешествии или повествование о жизни Агвана Доржиева. Улан-Удэ, 1994. С. 59.

Ф.И. Щербатской в монгольской одежде. Урга, 1905 (архив Русского Географического общества)

время о строительстве буддийского храма в Петербурге начал поговаривать и сам Далай-лама. Бежав в июне 1904 года из Лхасы от англичан и поселившись затем в Урге во Внешней Монголии – «вблизи русских пределов», он как никогда прежде ищет покровительства России. По сообщению Ф.И. Щербатского, посетившего тибетского первосвященника в Ургинском монастыре Гандан летом 1905 года, «в то время Далай-лама стремился лично посетить С.-Петербург и носился уже с мыслью о постройке у нас буддийской молельни»⁶.

Осенью того же года Агван Доржиев окончательно переселился в Россию, в Петербург, где начал выступать в роли конфидента и уполномоченного Далай-ламы. Это позволило ему необычайно активизировать свою политическую, общественную и религиозно-просветительскую деятельность как в столице, так и на окраинах империи, в Бурятии и Калмыкии. Известно, что Доржиев, наряду

⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 133. Д. 448. Л. 19 об. (письмо Ф.И. Щербатского П.А. Столыпину от 7 июня 1909).

с нойоном Ц.-Д. Тундутовым и зайсангом А. Михайловым, принимал участие в работе Особого совещания, которое, между прочим, рассматривало многочисленные петиции бурят и калмыков о разрешении открывать богословские школы, основывать монастыри и устраивать при них типографии для печатания богослужебных книг⁷. 22 февраля 1906 года «посланец Далай-ламы» был удостоен новой высочайшей аудиенции, во время которой вновь завел речь о буддийской молельне в Петербурге. Три дня спустя в популярном в те годы оккультистском журнале «Ребус» появилась любопытная заметка:

«... Весь Петербург охвачен необычайно сильным мистическим движением и в настоящее время там образовался уже целый водоворот маленьких религий, культов и сект. Движение охватывает собою как верхние слои общества, так и нижние. В верхних слоях мы находим теософско-буддийское течение. Любители теософии соединяются вместе и уже начинают обсуждать вопрос об устройстве буддийской ламасерии (обшежития) и теософско-буддийской моленной-храма»⁸.

Эти «обсуждения», однако, ни к чему не привели. Идея строительства буддийского храма-ламасерии определенно наталкивалась на чье-то сильное противодействие. Но Доржиев не терял надежды. Потерпев неудачу в Петербурге, он временно переключил свое внимание на Калмыкию. В 1907 году, стремясь к распространению буддийского просвещения среди калмыков, он построил в Малодербетовском улусе, в урочище Амта Бургуста, буддийское конфессиональное училище – Цаннид чоре. Разрешение на постройку было получено у астраханского губернатора с большим трудом. Помогло лишь то обстоятельство, что инициатива формально исходила от Далай-ламы. На сооружение «чоре» тибетский дипломат потратил около 5000 золотых рублей; кроме того, он участвовал в строительстве 48 домов-келий для учеников. Этому училищу

⁷ См.: Дорджиева Г.Ш. Буддизм и христианство в Калмыкии: Опыт анализа религиозной политики правительства Российской империи (середина XVII-начало XX в.). Элиста, 1995. С. 84-85.

⁸ Ребус. 1906. 25 февраля. №8-9. С. 4.

были затем переданы привезенные Доржиевым из Тибета 300 томов священных канонических текстов Ганджура и Данджура, большое количество позолоченных статуй-бурханов, серебряная и медная утварь и пр.⁹ В начале 1908 года Министерство внутренних дел (МВД) России утвердило устав калмыцкой «Духовной академии», назначив ее директором («чорин-хамбо») самого Доржиева. Училище находилось в ведении Департамента духовных дел иностранных исповеданий (далее ДДД ИИ) под надзором астраханского губернатора. Прототипом для него послужила аналогичная конфессиональная школа для забайкальских бурят при Гусиноозерском дацане – наиболее крупном и престижном монастыре, резиденции Бандидо Хамбо-ламы – главы бурятских буддистов. Вскоре Доржиев учредил еще одно «чоре» в урочище Санзырь Икицохуровского улуса, также в Астраханской губернии.

В самом конце 1907 года калмыцкая диаспора Петербурга – очевидно, по подсказке Доржиева – направила ходатайство директору ДДД, поскольку именно это ведомство, находившееся в структуре МВД, давало санкцию на строительство инославных богослужебных зданий на территории Российской империи:

«Нас, калмыков-буддистов, проживающих здесь, в С.-Петербурге, насчитывается до двух десятков. Кроме нас в С.-Петербурге проживает немало бурят, приезжают монголы, тибетцы и пр., исповедующие буддийскую религию. И мы все не имеем храма для удовлетворения нашего религиозного чувства. Ввиду изложенного, мы, нижеподписавшиеся, сим имеем честь покорнейше ходатайствовать перед Вашим Превосходительством разрешить нам постройку буддийского храма-молельни в С.-Петербурге. Причем считаем нужным доложить, что на первых порах нам придется для этой цели приспособить специально нанятую квартиру. Нам известно, что буряты намерены возбудить аналогичное ходатайство»¹⁰.

⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5263. Оп. 1. Д. 160. Л. 2.

¹⁰ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 393. Л. 179. Петиция датирована 27 декабря 1907.

Петицию подписали более тридцати питерских калмыков, во главе с представителями калмыцкой родовой знати – Тюменями и Тундутовыми. Это ходатайство, однако, было «доложено» директору департамента лишь два месяца спустя (27 февраля 1908 года). В результате принимается решение: производство дела приостановить «за неуказанием просителями ни места жительства, ни представителя, с кем можно было бы всегда объясниться по делу».

А тем временем Агван Доржиев, оставив Петербург, спешил на встречу с Далай-ламой, который после трехлетнего пребывания в Монголии временно поселился в монастыре Утай-шань неподалеку от Пекина. Далай-ламе предстояла высочайшая аудиенция со своим «сюзереном» – императором Китая для обсуждения вопроса о возвращении в Тибет.

По завершении визита Доржиев сообщил своим соотечественникам в Петербурге:

«Время выезда в Тибет еще не установлено. Мне очень хотелось бы скорее вернуться, но, наверное, меня еще скоро не отпустят. Относительно постройки храма посланник (российский посланник в Пекине, Д.Д. Покотилов. – А.А.) говорил: «В начале были некоторые основания опасаться Синода, но теперь этих оснований уже нет и можно приступить к постройке». Прошу передать обо всем изложенном С. Ф-чу /Ольденбургу. – А.А./ с моим душевным приветом. Р.С. Кьямгон (Далай-лама. – А.А.) указал место для храма – на Петербуржской стороне. Подумывайте там заранее о подходящих местах, а также о квартире, чтобы мы все могли поместиться. Да, к тому же, я намерен отсюда привезти с собой тибетцев-учащихся»¹¹.

Итак, судя по этому письму, вопрос о постройке буддийского храма в С.-Петербурге кажется вполне решенным. Более того, Далай-лама – несмотря на то, что он

¹¹ Архив Санкт-Петербургского филиала Российской Академии наук (СПФ РАН). Ф.203. Оп.3. Д. 28. Л. 43. (Перевод содержания письма А. Доржиева кому-то из его друзей в Петербурге. Приложен к письму Б.Б. Барадийна С.Ф. Ольденбургу от 21 октября 1908.) «Кьямгон» (тиб.: skyabs mgon) – Высшее Прибежище, эпитет Далай-ламы.

никогда не был в Петербурге – даже указал место для его возведения в северной части столицы.

Вернувшись в Петербург в начале июня 1908 года, Доржиев немедленно передал в Министерство иностранных дел (далее МИД) новые послания Далай-ламы русскому правительству, на помощь которого – против англичан и китайцев, покушающихся на независимость Тибета – он все еще рассчитывал. Среди них было и ходатайство о постройке в столице молитвенного здания для местных буддистов. Новый глава дипломатического ведомства А.И. Извольский (подписавший с англичанами в 1907 году договор, признавший их преимущественные экономические интересы в Тибете¹²) против постройки храма не возражал. В своем письме от 12 июня с грифом «весьма секретно» на имя министра внутренних дел П.А. Столыпина он писал:

«Принимая в соображение, что Далай-лама дружески расположен к России и что сохранение добрых с ним отношений имеет для нас существенное значение как с точки зрения политических интересов наших в Китае, так и в смысле возможности использовать в благоприятную сторону его влияние на наших подданных ламайского исповедания, я с особым вниманием отнесся к ходатайствам Его Святейшества, исполнение коих находится в моей компетенции. Что же касается просьбы о разрешении сооружения храма, то я считаю долгом поддержать ее пред Вашим Превосходительством, в уверенности, что благосклонное отношение наше к этому желанию Далай-ламы произведет глубокое впечатление в нашу пользу как на него самого, так и на многих ламаистов в пределах России»¹³.

П.А. Столыпин отнесся к просьбе Далай-ламы «вполне сочувственно», разрешив возведение буддийской молельни «при условии соблюдения правил Устава строительного»¹⁴. Инициатива Далай-ламы была затем одобрена и

¹² Речь идет об англо-русской конвенции по делам Персии, Афганистана и Тибета (подписана в С.-Петербурге 18/31 августа 1907). Русский текст этого договора см.: Кулешов Н.С. Россия и Тибет в начале XX века. М., 1992. С. 263-264.

¹³ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 448. Л. 1.

¹⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 448. Л. 2.

лично Николаем II, который заверил Доржиева во время аудиенции в Царскосельском дворце 23 февраля 1909 года, что «буддисты в России могут чувствовать себя как под крылом могучего орла»¹⁵. (В ходе той же аудиенции Доржиев также испросил разрешение на постройку в Иркутской губернии, в местности, откуда вышли его предки и где он имел участок земли, «дугана» (храма) во имя долголетия Наследника Цесаревича.) Таким образом, принципиальное согласие самых высоких инстанций было получено Доржиевым, как кажется, без особого труда.

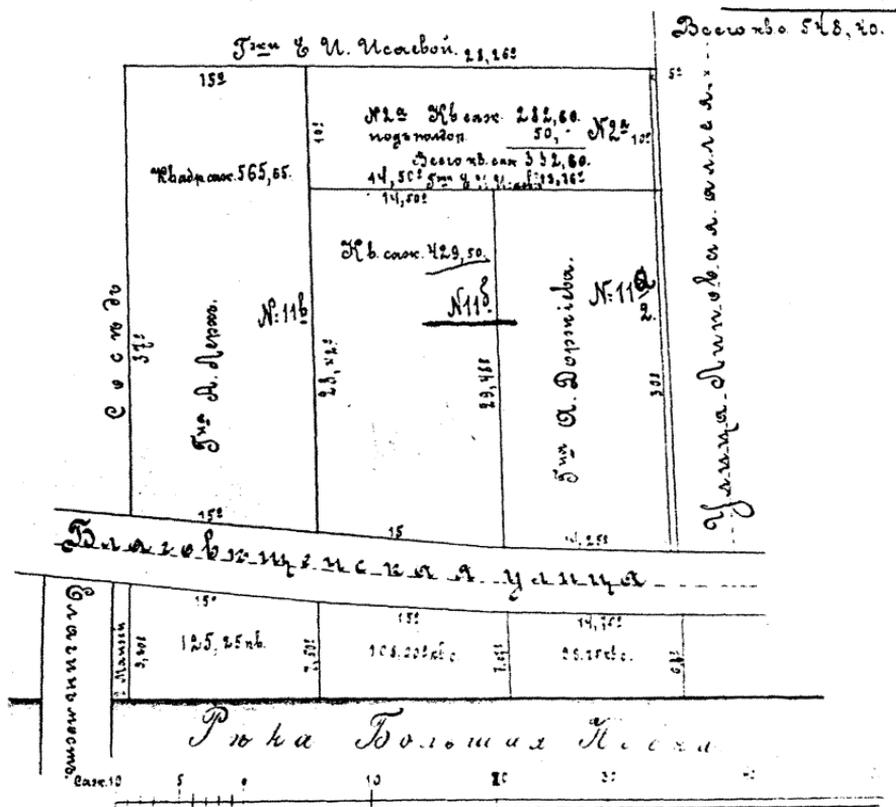
Началась подготовка к строительству.

*Справа:
План участков, закупленных А. Доржиевым для постройки
буддийского храма (архив дацана Гунзэчойнэй)*

¹⁵ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 446. Л. 35.

земли С. Петербургской губернии и уезда
по Благонященской улуце под № 11^б в
Старой Деревни, владения Ивана По-
томственного Починного Гражданина
Екатерины Ивановны Исаевой.

Кварт саж. 429,50.
под борозлом 108,50.

Июль 1861 г. Копия В. Коса

Глава 3

«К постройке этой молельни уже приступают...»

16 марта 1909 года Доржиев приобрел у директора Санкт-Петербургской конторы Московско-купеческого банка, потомственного почетного гражданина И.А. Исаева участок земли площадью 648, 51 кв. саженей, уплатив за него 18 тысяч рублей. [Т.е. 1 кв. сажень обошлась Доржиеву в 2 руб. 77 коп. Для сравнения: в 1909 закладные цены на землю варьировались от 2 руб. за 1 кв. сажень на некоторых окраинных улицах (например, на Гутуевском острове) до 800 руб. на Невском между Мойкой и Фонтанкой.] Участок находился на краю города – почти на взморье – в местности Старая Деревня, на углу Благовещенской улицы (ныне Приморский проспект) и Липовой аллеи¹. Дом самих Исаевых – «Вилла Катри» – находился по соседству. (Сохранился до наших дней по адресу: Приморский пр., д. 89.)

Место, выбранное для постройки храма, по всей видимости, не было случайным. Старая Деревня считалась тихой дачной окраиной Петербурга, купленный участок выходил к реке – Большой Невке, что позволяло соблюсти одно из основных требований древнего буддийского строительного канона, который предписывал возводить монастырскую обитель в уединенном месте, вблизи водного источника. Здесь следует отметить, что сам выбор места для монастыря (или храма) является в буддизме сложным и многоступенчатым ритуалом. Он начинается с молебствий и гаданий, в расчет принимаются особенности ландшафта и астрологические приметы. Строго ритуализованным был и весь строительный процесс. Так, закладка фундамента начинается лишь после «обозначения» на зем-

¹ РГИА. Ф. 1102. Оп. 2. Д. 110. Лл. 1-10. Совершая купчую крепость с Доржиевым, И.А. Исаев действовал по доверенности жены, Е.А. Исаевой, фактической владелицы земли, приобретшей ее в 1896 г. у «вдовы потомственного почетного гражданина О.Г. Лампе». Купленный участок состоял из двух частей: «пустопорожный участок земли, выходящий на Благовещенскую ул. под № 11, а по Липовой аллее под № 2» (548,76 кв. саж.) с «полудорогою» и «береговой участок с полурекою Невки» (99,75 кв. саж.).

Слева:

Члены Астраханской делегации, посетившей С.-Петербург по случаю трехсотлетия добровольного вхождения калмыков в состав России, 17 февраля 1909. Сидят (справа налево): кн. Д. Тундуров младший и генерал-губернатор Астраханской губернии Соколовский. (Фото Л. Шарбера (фрагмент))

ле «квадрата» внешнего периметра здания и зарывания в его центре «бумбы» – сосуда, наполненного разного рода священными драгоценностями, как то: душистые и лекарственные травы, драгоценные металлы и камни – золото, серебро, коралл, жемчуг, опал, рубин и сапфир, а также бумажными листами с написанными на них молитвами и священными заклинаниями².

Земля, приобретенная у Исаевых, некогда принадлежала отставному ротмистру В.М.Шишмареву³. С его дальним родственником Я.П.Шишмаревым, генеральным консулом России в Монголии, Доржиеву неоднократно доводилось встречаться в Урге (совр. Улан-Батор). Возможно, именно Шишмарев и посоветовал выбрать для храма хорошо знакомую ему Старую Деревню. Впрочем, и здесь, на окраине столицы, у буддистов возникли непредвиденные трудности. Неподдалеку находилась старинная православная Благовещенская церковь с прилегающим к ней приходским кладбищем. Противники постройки буддийской молельни – ультраконсервативные круги Петербурга, видевшие в буддизме лишь примитивное идолопоклонство – не преминули воспользоваться этим обстоятельством в качестве довода об оскорблении религиозных чувств христиан. Тем более что в церкви покоились знатные владельцы окрестных имений, многие из которых прославились на поле брани – генерал от кавалерии граф А.П.Никитин (герой Отечественной войны 1812 года), генерал-лейтенант граф. Ф.В.Орлов-Денисов, генерал-лейтенант Ф.С.Чернышев (участник обороны Севастополя) и др. Поэтому не удивительно, что буддистам (в том числе и Доржиеву) официально запрещалось – вплоть до 1913 года – селиться в Старой и Новой Деревнях.

Следующим шагом Доржиева стало создание специального комитета по постройке храма, в который он лично пригласил трех известных ученых: санскритолога и буддолога Ф.И.Щербатского, а также монголистов

² Более подробно о буддийском строительном каноне см.: Позднеев А.М. Очерки быта буддийских монастырей... Элиста, 1993 (репринт. изд.). С. 20-23.

³ См.: Центральный государственный исторический архив С.-Петербурга (ШИА СПб). Ф. 51. Оп. 1. Д. 800. План Санкт-Петербургской мызы Каменный Нос (село Благовещенское). Сост. ок. 1823.

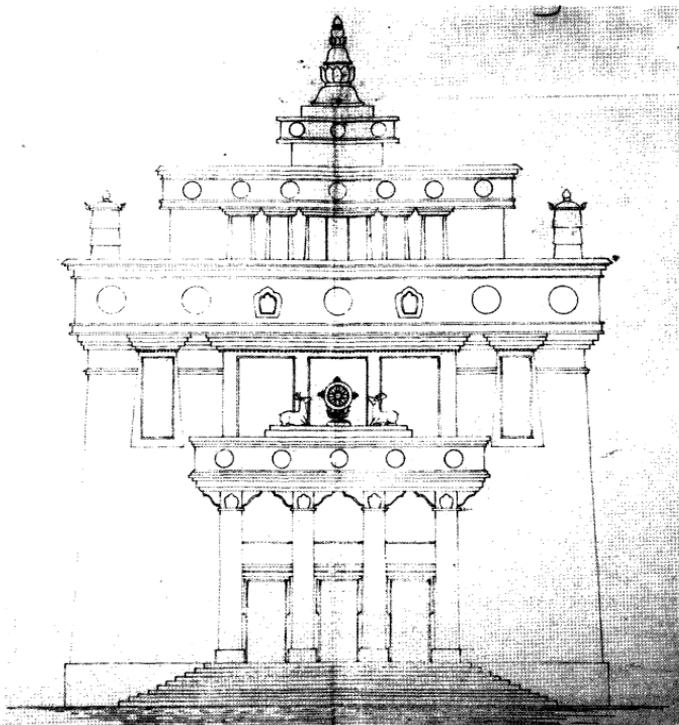
В.Л.Котвича и А.Д.Руднева (все трое приват-доценты С.-Петербургского университета). Затем встал вопрос о составлении архитектурного проекта. Выполнить эту работу взялся студент Института гражданских инженеров (далее ИГИ) Березовский, рекомендованный Доржиеву Ольденбургом⁴.

Н.М.Березовский (1879 – ?) приобрел известность в востоковедных кругах Петербурга благодаря путешествию, вместе со своим двоюродным братом – натуралистом, зоологом и орнитологом М.М.Березовским, в Кучарский оазис Восточного (Китайского) Туркестана в 1905-1906 годах. В эту экспедицию, снаряженную Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии во главе с академиком В.В.Радловым, Николая Березовского пригласили в качестве художника. По возвращении в Петербург Березовский привез много калек и рисунков со стеной живописи древних буддийских монастырей Кучара, которые впоследствии (в 1908 году) с успехом демонстрировались на специальной выставке, устроенной в парадном зале Большого Екатерининского дворца в Царском Селе. Заключая договор со студентом Н.М.Березовским, Доржиев, по-видимому, рассчитывал, что его работа обойдется ему гораздо дешевле, нежели услуги профессионального архитектора.

Проект буддийской молельни Березовский составил довольно короткий срок. Уже 10 апреля 1909 года Доржиев обратился в строительное отделение при Губернском правлении за разрешением на постройку «жилого дома с буддийской молельней при нем, согласно прилагаемым планам и чертежам»⁵. К своему заявлению он приложил заверенное нотариусом «удостоверение», свидетельствующее о наличии у него необходимых средств для строительства. Эти средства, согласно письму Доржиева в МВД (Столыпину) от 4 апреля, составляли 80 тысяч рублей, из которых 50 тысяч жертвовал лично Далай-лама, а 30 – он

⁴ См.: Андреев А.И. Об авторе проекта буддийского храма в Петербурге // Краеведческие записки. СПб. 1995. № 3. С. 44-51; также: Кириков Б.М. Архитектура петербургских храмов периода модерна: Буддийский храм // Краеведческие записки. 2001. № 8. С. 53-55.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 256. Оп. 29. Д. 29. Л. 1.

сам. Кроме этого, Доржиев намеревался организовать сбор добровольных пожертвований в размере недостающей для постройки суммы в 10 тысяч рублей. (Предполагалось, что такие сборы будут производиться в течение трех лет среди забайкальских бурят настоятелями (ширетуями) Ацагатского и Цулгинского дацанов Гармаевым и Соктоевым.)⁶ Правда, как выяснилось затем в ходе переговоров Доржиева с одним из высокопоставленных чиновников ДДД ИИ, пожертвованные Далай-ламой пятьдесят тысяч еще не были получены, хотя Доржиев и заверил департамент, что эти деньги «в случае надобности без затрудне-

⁶ См.: РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 448. Л.4.

Вверху:
Главный (южный) фасад храма
(проект Н.М. Березовского, 1909) (ЦГИА СПб)

ния могут быть переведены из Пекина в С.-Петербург по телеграфу через посредство Русско-Китайского банка⁷. На деле, однако, все обстояло совсем не так гладко, как это пытался представить Доржиев. Известно, что, оказавшись за пределами Тибета, Далай-лама испытывал серьезные финансовые затруднения, что побудило его еще в июне 1908 года (в то время, когда он находился в Утай-шане) обратиться к русскому правительству с просьбой о выдаче ему ссуды – 110 тыс. серебряных лан (таэлей) – сроком на полгода, для расходов по предстоящей поездке в Пекин. (Один лан равнялся приблизительно двум серебряным рублям.) Петербург считал необходимым удовлетворить ходатайство буддийского первосвященника по чисто политическим мотивам. В результате ссуда была тайно выдана Далай-ламе в августе того же года. Несколько месяцев спустя, однако, Далай-лама обратился с просьбой о дополнительной ссуде в размере 250 тысяч лан – средства, необходимые ему для подарков китайским чиновникам и для возвращения в Тибет. Эту новую просьбу Петербург исполнил лишь отчасти, но что особенно примечательно в этой связи, это то, что Далай-лама (очевидно, по согласованию с Доржиевым) намеревался пожертвовать часть этой суммы, а именно 50 тысяч лан, на строительство петербургского храма⁸.

15 апреля 1909 года строительное отделение Губернского правления утвердило проект Березовского «под условием, чтобы по возведении молельни было заявлено губернскому начальству для осмотра прочности и правильности постройки»⁹. Согласно этому проекту, составленному, по-видимому, под непосредственным руководством самого Доржиева, здание молельни должно было состоять из двух основных объемов – южный в три этажа (зал молебствий и расположенные над ним кельи для монахов) и северный (башня, заключающая в себе наиболее сокровенное помещение храма – часовню гения-

⁷ Там же. Л. 8. Докл. записка И. Платонникова от 10 апреля 1909.

⁸ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 406. Л. 71. Эти 50 тысяч Далай-лама собирался перевести Доржиеву в Волжско-Камский банк в Петербурге.

⁹ ЦГИА СПб. Ф. 256. Оп. 29. Д. 29. Л. 4.

хранителя). Образцом для молельни послужил классический тибетский тип храма – «дукан».

«Дукан» (тиб.: 'du khang; бур.: дуган) – это четырехугольное с плоской крышей здание, своего рода храм-школа, где монахи (ламы) собираются для молебствия и занятий. Принадлежит он монастырю, у которого таких храмов-дуканов может быть несколько. В этом случае главный из них называется «цогчен-дукан» (тиб.: tshogs chen 'du khang), что означает «дом большого собрания». Здание тибетского дукана состоит из двух частей – южной, где находится основное помещение для собрания духовных лиц (общий молитвенный зал) и северной, расположенной в задней части дукана и называемой гонканом (тиб.: mgon khang). Южная часть, или собственно дукан, – это просторный зал, расчлененный двумя рядами колонн, между которыми вдоль храма помещаются седалища лам, «чжабданы». Молитвенный зал – всегда одноэтажный – не имеет окон: свет в него проникает сверху, через особую надстройку на крыше, именуемую «рабсалом». Во втором этаже – фактически на крыше дукана – вдоль стен располагались кельи монахов в виде небольших комнатушек с наружными окнами. Стены внутри храма было принято расписывать картинами религиозного содержания. Вдоль северной стены устанавливались статуи божеств, в середине нередко отводилось место для бурхана (образа) Цзонхавы («второго Будды») – основателя гелугпинской школы. Напротив него – трон первенствующего ламы. Из дукана через двери в северной стене можно было войти в гонкан. Это наиболее недоступная, сокровенная часть храмовой постройки, предназначенная для совершения молитв местному божеству. Крышу гонкана, возвышающегося в виде башни над дуканом и обращенного на север, к Шамбале, венчают «ганчжиры» – особой формы декоративные фигуры (своего рода шпили), заполнявшиеся печатными молитвами-«мани» (Ом-мани-падме-хум) на

освящение храма¹⁰.

Аналогичное архитектурно-планировочное решение мы находим и в Петербургском храме, задуманном Доржиевым, как свидетельствуют о том сохранившиеся документы, но просто как отдельно стоящее молитвенное здание, но как небольшой монастырь. Трапезиевидная форма самого здания с характерными, суживающимися кверху наружными стенами, опоясывающий его фриз, украшенный магическими зеркальными дисками, и многие другие элементы декора имеют тибетское происхождение. Однако Петербургский храм испытал и некоторое влияние бурятской традиции – ее следы особенно заметны в архитектурном решении главного фасада. Вместо типичной для тибетского дукана лоджии с балконом на колоннах, втиснутой между двумя ризалитами, в проекте Березовского находим весьма элегантный четырехколонный портик, к которому ведут ступени высокой лестницы, что явно напоминает оформление входов в бурятских дуганах. Вместе с тем восточные (тибетские и бурятские) прототипы храма были в значительной степени переосмыслены в духе европейской архитектуры и строительной техники. «В Петербургском храме, – отмечает искусствовед Л.К. Минерт, – все, начиная от структуры плана, объемного пространственного решения до трактовки декоративных деталей, подверглось явной европеизации. В этом сказалось участие русского архитектора и архитектурно-строительные возможности столицы империи»¹¹.

Интересно, что в то же самое время по проекту русского архитектора Р.А. Берзена в местечке Кермын в Верхотенском уезде Иркутской губернии – также по инициативе Доржиева – велось строительство деревянной молельни, что позволяет Минерту говорить о создании в Петербурге и Прибайкалье «буддийского храма нового типа».

Среди европейских инноваций в проекте Березовского,

¹⁰ См.: Thubten Legshay Gyatsho. Gateway To The Temple. Manual Of Tibetan Monastic Customs. Art, Building And Celebrations. Kathmandu, 1979. См. также: Позднеев А.М. Очерки быта буддийских монастырей...; Бардидин Б.Б. Буддийские монастыри // Богданов М.Н. Очерки истории бурят-монгольского народа. Верхнеудинск, 1926. С. 109-151.

¹¹ Минерт Л.К. Памятники архитектуры Бурятии. Новосибирск, 1983. С. 175.

существенно изменивших тибетскую архитектурную схему, следует прежде всего отметить появление второго и третьего этажей над главным залом молебствий, а также устройство вестибюля, лестничных клеток и подвальных помещений. Нельзя не согласиться с Л.К. Минертом, что архитектору при разработке проекта неизбежно пришлось принять во внимание как особенности петербургского климата, так и то немаловажное обстоятельство, что богослужения в храме, возможно, будут посещать представители столичного «высшего общества». Именно этим объясняется устройство системы центрального отопления – для «обеспечения комфортных температурных условий в интерьере» – и введение в композицию храма небольшого вестибюля с мощными обогревательными колонками¹². Добавим к сказанному, что в храме было также проведено электричество (в главном зале сохранились изящные светильники в виде раковин), а в подвальном этаже устроена паровая кухня, где наряду с едой для монахов готовились приношения для буддийских ритуалов.

Доржиев и комитет консультировавших его востоковедов, очевидно, остались довольными проектом Березовского. Правда, у них неожиданно возникли разногласия с архитектором, когда встал вопрос об оплате его трудов, о чем свидетельствует письмо Доржиева к Ольденбургу:

«Наше дело понемногу подвигается вперед. < ... > Весьма желательно, Сергей Федорович, иметь Ваши советы в комитете; не сомневаюсь в том, что Вы примете непосредственное участие в этом деле, если только не затруднят какие-либо обстоятельства. Подрядчик Синицын вычислил стоимость одного «остова» здания с крышей без всякой отделки в 37 т. руб., но мы думаем, что это будет дороговато. Еще не определили окончательно, во что обойдется вся постройка. Совещание по делу постройки было 2 раза. На последнем, третьем заседании все выяснится, и надеюсь, что выработаем точную смету постройки. Заходила речь о вознаграждении г. Березовского.

¹² Минерт Л.К. Буддийский храм в Петербурге // Рериховские чтения. 1984 год. Материалы конференции. Новосибирск, 1985. С. 336.

Сам г. Березовский запросил 6 % всей постройки, а потом 5 %, но мы попросили Березовского согласиться на 3 %. При наших ограниченных средствах 3 % будет довольно чувствительно, хотя г. Березовский вполне прав, потому что он, по его словам, назначает установленную для архитекторов цену. Не поможете ли Вы, Сергей Федорович, разрешить наше согласие с Березовским»¹³.

Чем окончился спор востоковедов с Березовским, неизвестно. 18 апреля 1909 года Доржиев экстренно выехал в Астраханскую губернию по делам вероисповедных училищ-«чоре». Строительство храма в Петербурге началось уже в его отсутствие, в конце апреля, и велось поначалу стремительными темпами. Уже к середине мая были возведены фундамент и часть цоколя. 8 мая градоначальник генерал-майор Д.В. Драчевский информировал секретной депешей Департамент духовных дел:

«К постройке этой молельни уже приступают. Ответственным по постройке архитектором будет Бальди и заведующим постройкою студент ИГИ Николай Березовский»¹⁴.

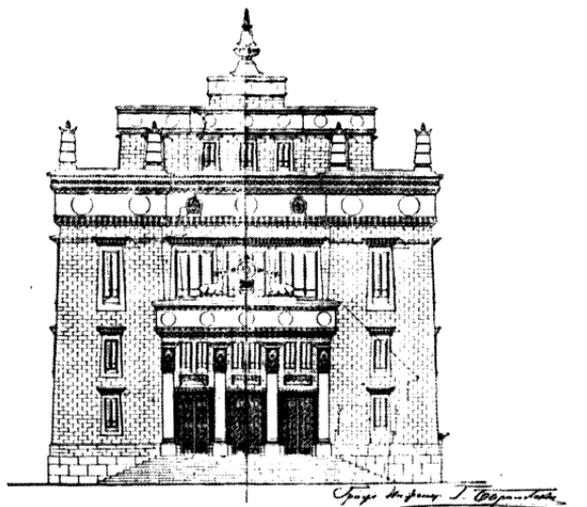
Архитектор-художник и преподаватель ИГИ К.В. Бальди, очевидно, возглавил строительство по просьбе Доржиева и его комитета чисто формально, поскольку составитель проекта Березовский, не имея законченного архитектурного образования, не мог выступать в таком качестве. По-видимому, по той же самой причине подпись Березовского отсутствует и на утвержденном проекте молельни. В то же время именно Березовскому, а не Бальди, 18 апреля пристав Новодеревенского участка вручил «для исполнения» препровожденный из Губернского правления строительным отделением «план на постройку», о чем свидетельствует подпись Березовского на сопроводительном документе после слов: «План получил»¹⁵.

Департамент духовных дел отреагировал на информа-

¹³ Андреев А.И. Об авторе проекта... С. 45. Письмо Доржиева было написано, по-видимому, сразу же после утверждения проекта.

¹⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 448. Л. 12 об.

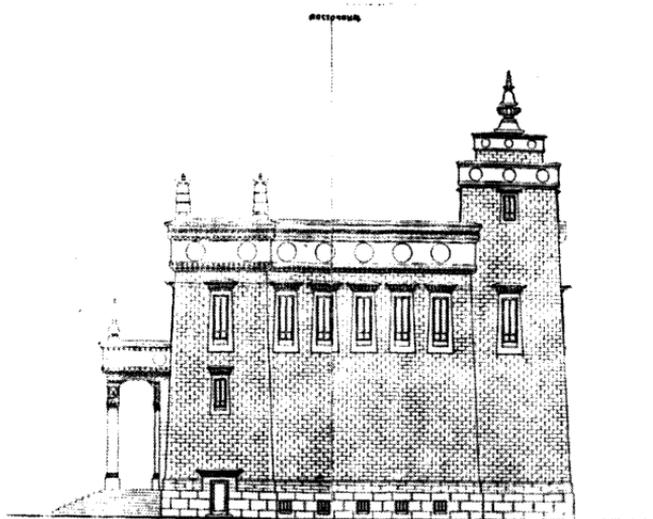
¹⁵ ЦГИА СПб. Ф. 256. Оп. 29. Д. 29. Л. 6 об.

цию градоначальника довольно неожиданным образом. В ответной депеше Драчевскому от 16 мая с грифом «секретно и срочно» директор департамента А.Н.Харузин сообщил, что «по докладе мною Господину Министру (т.е. шефу МВД Столыпину. – А.А.) содержания отзыва Вашего Превосходительства от 8 текущего месяца о постройке буддийской молельни, Его Высокопревосходительство, приняв во внимание, что на возведение этой постройки в указанной местности не было испрошено требуемого законом разрешения подлежащей власти, не признал возможным допустить таковую постройку»¹⁶. В результате последовало немедленное распоряжение градоначальника о приостановке строительных работ в Старой Деревне.

Что побудило Столыпина пересмотреть свое прежнее благожелательное отношение к инициативе Далай-ламы? По всей видимости, министра крайне насторожили планы Доржиева (о чем ему донесли из Департамента духовных

¹⁶ РГИА. Ф. 821.
Оп. 133. Д. 448. Лл.
13-14.

дел) устроить при храме «школу для молодых людей (студентов с.-петербургских учебных заведений) по образцу школ, существующих при дацанах, с преподаванием на монголо-бурятском языке»¹⁷. Это потенциально грозило превратить буддийскую моельню в Старой Деревне в рассадник буддизма и панмонголизма – проводник про-японского влияния. (Унизительное поражение России в войне с Японией все еще давало о себе знать.) Некоторые основания для таких опасений действительно имелись. Так, издававшаяся в Петербурге газета «Petersburger Zeitung» поместила в конце апреля интервью своего корреспондента с одним из сотрудников Китайской миссии. В нем говорилось, в частности, о том, что эта миссия, равно как и Японское посольство, проявляют большой интерес к постройке буддийского храма; священнослужители миссии якобы даже направили соответствующую петицию в МВД: «Мы хотим также иметь при храме школу и монас-

¹⁷ Там же. Л. 8.

Слева:

Главный (южный) фасад храма

(проект Г.В. Барановского, 1909) (ЦГИА СПб)

Вверху:

Боковой (восточный) фасад храма

(проект Г.В. Барановского, 1909) (ЦГИА СПб)

тырь для молодых буддистов, приезжающих в Петербург, чтобы они могли получить (здесь) среднее или высшее образование»¹⁸. В заметке также сообщалось, что Китайская миссия и Японское посольство совместно собирают средства на храм и уже выбрали для него земельный участок в Старой Деревне.

В этой связи чрезвычайно активная религиозно-просветительская деятельность Доржиева в России не могла не вызвать сильных подозрений у властей. Уже в конце января 1909 г. — сразу же после возвращения «посланца Далай-ламы» из второй поездки в Китай — Департамент полиции установил над ним негласный надзор. 22 января 1909 ДДД ИИ направил запрос в МИД о личности Доржиева:

«За последнее время среди забайкальских и иркутских бурят стал играть заметную роль именуемый себя посланцем тибетского Далай-ламы хамбо Агван Доржиев, родом из бурят Забайкальской области. Так как это лицо неоднократно уже выступало ходатаем пред Правительством по религиозным и общественным делам названных инородцев, то я считаю своим долгом покорнейше просить Ваше Высочайшее Превосходительство не отказать в уведомлении, действительно ли Доржиев занимает какое-либо положение при Далай-ламе и в чем именно заключаются его полномочия...»¹⁹.

В своем ответе МИД подтвердил, что Хамбо Агван Доржиев «действительно является посланцем от Далай-ламы»:

«В настоящее время находясь в том же звании цанита-лхамбо, Доржиев является старшим советником Первосвященника и главою тибетцев, дружественно настроенных к России»²⁰.

В то же время МВД в лице своего Департамента духовных дел уведомило Иркутского генерал-губернатора

¹⁸ Petersburger Zeitung. 1909. 26. April. (Заметка «Ein Buddha-Tempel in Petersburg».)

¹⁹ РГИА. Ф. 821. Оп. 138. Д. 115. Л. 7.

²⁰ Там же. Л. 8. Ответ МИД на имя министра внутренних дел от 27 января 1909.

об «учреждении негласного наблюдения» за Доржиевым, ввиду полученных сведений о том, что он занимается «пропагандой буддизма среди православных бурят», а также участвует в «насаждении среди русских буддистов – бурят и калмыков – идей панмонголизма и в распространении среди них японского влияния»²¹.

²¹ Там же. Лл. 9, 9 об.

В течение месяца (с 17 февраля – по 25 марта 1909 года) за «тибетским подданным» по пятам ходили приставленные к нему полицией филеры. Они, однако, не смогли добыть каких-либо сведений, указывающих на то, что он ведет «противороссийскую агитацию и сочувствует Японии». В то же время им удалось установить, что за этот период Доржиева на его квартире по Съезжинской ул. д. 11/5 «посещали многие инородцы: буряты, японцы и китайцы» и что он часто получал деньги по почте – по 200 и более рублей одновременно²².

²² Там же. Лл. 16-20.

Остановка строительства поставила заместителя Доржиева Ф.И. Щербатского в довольно сложное положение. В ходе его переговоров в МВД выяснилось, что помимо официального разрешения на постройку молельни в Старой Деревне от Доржиева также требуют утверждения созданного им комитета и, вторично, самого проекта молельни, на этот раз в подведомственном МВД техническо-строительном комитете. Но это означало, что «анонимный» проект Березовского должен быть «пересоставлен» кем-то из профессиональных архитекторов. Выбор Щербатского и его коллег остановился на Г.В. Барановском (1860-1920).

Талантливый зодчий – автор многих проектов, в том числе торгового дома братьев Елисеевых (на углу Невского и Малой Садовой) и здания Русского Географического общества (пер. Гривцова, 10), преподаватель ИГИ и издатель журнала «Строитель», Барановский состоял еще и одним из пяти штатных членов-руководителей того самого техническо-строительного комитета МВД, что практи-

чески делало его проект неуязвимым для придирчивых чиновников из ведомства Столыпина. Востоковедам он был хорошо известен своей последней работой – новым зданием РГО, которое строилось в 1907-1909 годы. Эта постройка в стиле «модернизированной классики» начала XX века во многом превосходила в своих архитектурно-композиционных и художественно-стилевых решениях следующее творение архитектора – буддийский храм. Достаточно взглянуть на оформление главных фасадов двух зданий – и там и здесь мы находим обработанный гранитными блоками грубой фактуры цокольный этаж, выложенные плиткой стены с крупными окнами, опоясывающие здания поверху «ленты» фризов.

В то же время Щербатской посчитал необходимым в сложившейся ситуации расширить состав комитета по постройке храма путем введения в него ряда авторитетных консультантов – знатоков буддизма, дабы придать больший общественный вес затее Доржиева. Так, в комитет были включены два ординарных академика императорской Академии наук – В.В.Радлов (директор Музея антропологии и этнографии) и С.Ф.Ольденбург, камер-юнкер Высочайшего Двора князь Э.Э.Ухтомский, наиболее высокопоставленный из покровителей Доржиева (про которого, между прочим, ходили слухи, что под влиянием «посланца Далай-ламы» он принял буддизм²³), а также представители архитектурно-художественных кругов – уже упоминавшийся выше гражданский инженер Г.В.Барановский и художники Н.К.Рерих (директор рисовальной школы императорского Общества поощрения художеств) и В.П.Шнейдер (племянница крупнейшего русского индолога И.М.Минаева). Заседания расширенного комитета проходили чаще всего на квартире В.П. Шнейдер и ее сестры А.П.Шнейдер, тоже художницы (Мастерская ул., 3).

7 июня Щербатской обратился к П.А.Столыпину с

²³ См., например, заметку о храме в «Русском слове», от 30 апреля 1909, хотя имя кн. Ухтомского и не называется в ней прямо.

прошением – во-первых, утвердить комитет по постройке молельни в составе девяти лиц, во-вторых, разрешить строительство на купленном месте в Старой Деревне и, в третьих, установить примерный штат буддийского духовенства для служения в молельне. В задачи комитета, по определению Щербатского, входило приглашение архитектора, рассмотрение и утверждение проекта и чертежей строящейся молельни, расходование пожертвованного и собранного на постройку капитала, а также сношение с властями в случае каких-либо затруднений²⁴. Говоря о целях постройки, Щербатской благоразумно умолчал о планах создания при молельне общежития и конфессиональной школы и лишь отметил, что по замыслу Доржиева молельня должна стать чем-то вроде «подворья» буддийских монастырей (дацанов), существующих у бурят и калмыков. Приобретение же земли для ее постройки в Старой Деревне Щербатской объяснил исключительно «неопытностью в делах» Доржиева, который якобы «поторопился с этой покупкой, не выждав надлежащего разрешения на устройство молельни именно в данном месте».

Касаясь не менее щекотливого вопроса о штатах пестербургской молельни, не предусмотренных действующим законодательством²⁵, Щербатской, опять-таки со ссылкой на Доржиева, заявил, что проживающие в ней священнослужители будут числиться по штатам других «русских дацанов». Однако в том случае, если будет признано необходимым «подвести молельню под категорию дацанов и распространить на нее соответствующие законоположения», то он просил утверждения следующего штата «ламайского духовенства»: 1 ширетуй (настоятель), 10 лам-гелонгов, 10 гецулов и хувараков – всего 21 человек. (Гелонг и гецул – высшие степени монашеского посвящения; хувараки – буддийские послушники.) В заключение ученый заверил министра, что технический проект здания будет представлен в МВД «в надлежащем порядке»²⁶.

²⁴ См.: РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 448. Л. 15 об.

²⁵ Правовое положение буддийской церкви в Российской империи было окончательно оформлено в XIX веке посредством двух законодательных актов: «Положение об управлении калмыцким народом» (1847 г.) и «Положение о ламайском духовенстве в Восточной Сибири» (1853 г.). Эти акты строго регламентировали число буддийских монастырей (дацанов и хурулов) у бурят и калмыков и число состоящих при них духовных лиц.

²⁶ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 448. Л. 16, 16 об.

17 июня П.А. Столыпин вошел с «всеподданнейшим» докладом по ходатайству Щербатского к царю, находившемуся на борту любимой яхты «Штандарт». В нем министр «признал» непригодным выбранное для храма место в Старой Деревне «ввиду отдаленности его от центра города и затруднительности установления надзора со стороны гражданской власти за этим общежитием здешних буддистов». А посему предложил – «разрешить в принципе постройку буддийской молельни в С.-Петербурге, отклонив вместе с тем приведенное ходатайство о возведении ее на упомянутом выше участке земли в Старой Деревне и предоставив вопрос о признании подходящим для этой цели другого места решению министра внутренних дел»²⁷. Николай II с предложенным полностью согласился.

Такое решение, однако, едва ли могло удовлетворить строительный комитет. Фактически оно означало запрещение постройки, поскольку Доржиев и столичные буддисты при своих весьма ограниченных средствах были не в состоянии приобрести новый участок, тем более в одной из центральных частей города. В поисках компромисса комитету пришлось отойти от первоначального плана Доржиева. 25 июня В.В. Радлов вновь обратился к Столыпину с просьбой разрешить строительство храма на прежде избранном месте ввиду того, что комитет на заседании 22 июня постановил ограничить свою задачу сооружением «одной лишь молельни, без всякого при ней общежития или иных каких-либо учреждений». А через две недели (7 июля) уже Щербатской подал еще одно прошение на имя министра внутренних дел, в котором просил вновь «повергнуть настоящее дело» на «благовоззрение» императора, принимая во внимание некоторые ранее «не бывшие на усмотрении» обстоятельства. В частности, он пытался убедить Столыпина в том, что удаленность молельни от центра ничуть не затруднила бы «наблюдения властей», ибо «в случае, если встретится надобность

²⁷ РГИА. Ф. 821.
Оп. 133. Д. 448.
Лл. 19 об., 20.

установить за буддистами надзор, то они готовы подчиниться всем требованиям, какие в этом отношении к ним будут предъявлены». Тем более что «буддийское учение не содержит никаких антигосударственных принципов», и поэтому надзор за его последователями «никогда и нигде особенно не обременял светской власти». Щербатской затем дал характеристику Агвану Доржиеву, назвав его «самым влиятельным лицом при Далай-ламе» и подчеркнув его русофильские настроения. Доржиев к тому же оказывал в прошлом большую помощь многим русским путешественникам по Центральной Азии – П.К. Козлову, В.М. Певцову, Д.А. Клеменцу, князю Э.Э. Ухтомскому и лично ему, Щербатскому. Выражая единодушное мнение членов строительного комитета, Щербатской далее указал, что постройка петербургской молельни может укрепить русское влияние в Монголии и Тибете, где уже существует «сильное к нам расположение», в противоположность подозрительному и враждебному отношению к китайцам и японцам. И, наконец, последний довод – «узнав от Доржиева, что последовало Высочайшее разрешение на эту постройку, Далай-лама был в высокой степени доволен и прислал все золотые и бронзовые украшения буддийской молельни. – Не хочется верить, что предметы эти придется отсылать обратно и постройку окончательно прекратить»²⁸.

Аргументы Щербатского поначалу не произвели должного впечатления на Столыпина, как о том свидетельствует его резолюция: «Дело это не так просто. Расположение молельни, при которой сосредоточено общежитие (слово «общежитие» подчеркнуто. – А.А.) и разные посторонние богослужебные учреждения, почти на взморье, денежное участие в этом деле многих иностранцев (последние два слова также подчеркнуты. – А.А.) заставляют относиться к делу осторожно. Прошу С.Е. Крыжановского переговорить». О личности «посланца Далай-ламы» Столыпин

²⁸ РГИА. Ф. 821.
Оп. 133. Д. 448.
Лл. 30-31 об.

отозвался крайне неодобрительно в отдельной помете на полях: «Агван Доржиев известен с совершенно другой стороны и доверия мне не внушает».

И все же, очевидно, под влиянием переговоров со своим заместителем (товарищем министра) сенатором Крыжановским (который, между прочим, являлся родственником жены Щербатского) Столыпин неожиданно меняет свое мнение. 30 сентября он подает новый доклад царю, в котором просит «ввиду изменившихся условий» – отказа строительного комитета от первоначальных «предположений» о сооружении молельни «с общежитием и высшей школой для буддистов» и уже произведенных денежных затрат – разрешить постройку буддийской молельни на прежнем месте. Находившийся в то время на отдыхе в Ливадии Николай II начертил на докладе Столыпина лаконичное «С» – Согласен.

Дальнейшие события развивались вполне предсказуемо. Составленный Г.В. Барановским проект молельни был рассмотрен и одобрен сперва комитетом по постройке во главе с В.В. Радловым (19 октября), а затем (30 октября) технико-строительным комитетом МВД, и окончательно «утвержден к исполнению» товарищем министра (А. Лыконым) 1 ноября 1909 года²⁹. Не отступая принципиально от первоначального образа «скромной молельни», созданного Березовским, Барановский художественно обогатил его, сделал более выразительным и импозантным. Внесенные им коррективы в проект касались, прежде всего, конфигурации северной башни, количества и расположения окон на главном (южном) фасаде, ордера портика и ряда более мелких деталей. Самое существенное изменение, пожалуй, – это отказ Барановского от устройства келий («общежития») во втором этаже и расположение на их месте – вдоль западной и восточной стен и в башне «гонкана» второго яруса – «бурханов» (буддийских статуй). Согласно предположению Л.К. Ми-

²⁹ Архив СПФ РАН. Ф. 4. Оп. 22. Д. 72. Л. 105. Лл. 1-14.

нерта, в Петербургском храме, по аналогии с некоторыми бурятскими дацанами (например, с Цугольским), в большом зале второго этажа Доржиев, возможно, собирался устроить так называемый «деважин» – макет «Западного рая» Сукхавати – в качестве «наглядного пособия для верующих»³⁰. (Сукхавати в буддийской мифологии – это счастливая «Чистая земля», сотворенная буддой Ами-табхой. Здесь живут только бодхисаттвы, мгновенно достигающие нирваны, и люди, удостоившиеся высшего перерождения за свои благие дела.)

Через год Барановскому пришлось слегка подкорректировать свой проект. В новом проекте, утвержденном 2 декабря 1910 года, изменения коснулись исключительно фасада, который чиновники ДДД сочли непозволительно роскошным. В результате двери из золоченой бронзы Барановский заменил на деревянные, а золоченые капители колонн портика – на темно-бронзовые³¹.

³⁰ Минерт Л.К. Буддийский храм в Петербурге. С. 339.

³¹ См.: РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 448. Л. 154.

Храмъ Святого Закона Учителя Будды Шакьямуни
въ Петроградѣ.

Глава 4

Рождение храма

16 ноября 1909 года строительный комитет во главе с В.В. Радловым утвердил составленную архитектором смету на постройку молельни на общую сумму 151694 рубля 77 копеек. Наибольших затрат, согласно этой смете, требовало выполнение каменных работ (34 тысячи) и покупка гранита и других облицовочных материалов (свыше 50 тысяч)¹.

И вновь закипела работа на стройке в Старой Деревне. К концу 1910 года храм был вчерне закончен и наконец-то обрел зримый облик. Единственное отступление от проекта, допущенное строителями, – это чрезмерно вытянутая вверх – по желанию Доржиева – башня «гонкана», которую затем пришлось переделывать по требованию техническо-строительного комитета МВД, следившего за точным соответствием вида здания утвержденному проекту. (Рассказывают, что, приезжая на стройку и глядя на «гонкан», Доржиев постоянно твердил: «Выше! Еще выше!».)

В том же году Хамбо-лама с необычной поспешностью принялся за возведение по соседству с храмом четырехэтажного каменного дома (также по проекту Барановского). Чтобы избежать конфликта с властями, Доржиев объявил, что дом ему необходим в личных целях и не будет превращен в «учреждение» при молельне. В действительности, однако, в нижнем этаже дома он собирался устроить магазин, а в трех верхних – разместить монахов-священнослужителей. 30 ноября 1911 года Доржиев въехал в этот дом, объяснив это необходимостью наблюдать за строительством храма². Вместе с Доржиевым в качестве управляющего домом поселился и его сподвижник,

¹ Архив СПФ РАН. Ф. 761. Оп. 2. Д. 3. Лл. 6-47.

² До переезда Доржиев проживал обычно в Петербургской «части» города (на Петроградской стороне), там где, по-видимому, селились выходцы из Забайкалья. Вот некоторые из его адресов в 1909-1910 гг.: Съезжинская ул. 11, кв. 5 и 32; Большая Пушкарская 43, кв. 5; Большой пр. 92, кв. 18.

Слева:

Храм Святого Закона Учителя Будды Шакьямуни в Петрограде, 1915 (литография) (Архив Музея-квартиры П.К. Козлова)

³ Овше Норзунов совершил три путешествия в Тибет в качестве связного Доржиева в 1898-1901 гг. С его слов, один из буддийствующих парижан, антрополог русского происхождения Джозеф (Иосиф Егорович) Деникер составил рассказ, опубликованный, вместе с фотографиями Норзунова, в журнале «Тур де Монд» (Deniker J. Trois voyages a Lhasa (1898-1901) par O. Norzunoff, pelerin Kalmouk // Tour de Mond. 1904. Т. X. № 19-20). Впервые в России фотографии Норзунова – выполненные фактически одновременно с фотографиями Г. Цыбикова, совершившего свое знаменитое путешествие в Тибет в 1899-1901 гг. – были опубликованы в виде приложения к лекции Цыбикова «О Центральном Тибете» с заглавием «Лхаса и главные монастыри Тибета в фотографиях» в журнале «Известия императорского Географического общества». 1903. Т. XXXIX. Вып. 3. С. 219-227.

⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 448. Лл. 59-60 (письмо Доржиева в строительный комитет от 28 сентября 1910).

калмык-буддист Овше Норзунов, прославившийся как первый фотограф запретной Лхасы³. Позднее (ок. 1916 г.) Доржиев построил дополнительно двухэтажный каменный флигель позади дома-общежития, нижний этаж которого использовался монахами как баня и прачечная, а верхний – как личные апартаменты Доржиева. (Снесен в 1980 году.)

Всеми строительными работами на начальном этапе непосредственно руководил архитектор Г.В. Барановский. Необходимо отметить, однако, что постройка храма, несмотря на ее темпы, в целом велась без должного порядка, хаотично. Сказывались отсутствие опыта у ее организаторов и частые отлучки Доржиева из Петербурга, вызванные его поездками в Бурятию и Калмыкию, где полным ходом шли сборы пожертвований на храм. Так, нередко случались кражи материалов, счета фирм-поставщиков не оплачивались в срок и т.д. Уже осенью 1910 года Доржиев жаловался комитету: «Чувствуется отсутствие надзора за поделенными работами. <...> Желательно было бы назначить человека для надзора за хозяйственной частью. Назначение десятника в качестве такового не достигает цели, как это показывают примеры злоупотреблений в прошлом»⁴. В результате весной 1911 года Доржиев поселил в только что отстроенном доме рядом с храмом, в качестве своего доверенного, бурята-студента университета Б.В. Вампилова, поручив ему наблюдение за ходом строительства. Эта мера, впрочем, не смогла предотвратить кражи ряда бронзовых предметов со стройки, происшедшей несколько месяцев спустя.

К концу 1911 года обнаружилось превышение сметы на 14 тысяч рублей, что привело к серьезному конфликту между строительным комитетом и архитектором. Барановского обвинили в неоправданных расходах и потребовали от него письменных объяснений. Кончилось тем, что в апреле 1912 года комитет постановил освободить Бара-

новского от обязанностей «производителя работ» и пригласил на его место другого архитектора, преподавателя ИГИ Р.А. Берзена. К тому времени Берзен уже довольно активно сотрудничал с комитетом. Так, 16 января он писал Радлову:

«В субботу я обстоятельно осмотрел буддийский храм и с тех пор работаю над сметой расходов по производящимся там работам. Я был очень рад познакомиться в четверг с Комитетом, который ввел меня в курс дел. В действительности, я смог пробыть с его членами только около часа, поскольку должен был вернуться к своим основным обязанностям в Институте гражданских инженеров»⁵.

Впрочем, Берзену пришлось столкнуться во многом с теми же трудностями, что и его предшественнику. Главная из них – недостаток средств у Доржиева для окончания постройки. «Пожертвованные» на Петербургский храм Далай-ламой 50 тысяч Доржиев получил лишь во время последнего свидания с первосвященником в тибетском монастыре Самдинг осенью 1912 года. Поэтому возведение храма в 1910-1912 годах фактически велось на деньги самого Доржиева и добровольные пожертвования бурят и калмыков. Сколь велики они были, позволяет судить, например, следующее свидетельство Г.-Д. Нацова: несостоятельные буряты присылали по 3-5 рублей, одного ягненка или барана, среднесостоятельные – телку, корову, а состоятельные – по несколько голов скота и деньги⁶. В Калмыцких степях сборы происходили несколько иначе – здесь, по донесению в Петербург ставропольского губернатора, «общественных сборов вещами, скотом, хлебом или деньгами не производилось, а жертвовали деньгами отдельные состоятельные калмыки, являвшиеся к Доржиеву за благословением»⁷.

Деньги на храм, очевидно, давали и представители петербургской буддийской колонии (русские, китайцы,

⁵ Архив СПФ РАН. Ф. 177. Оп. 3. Д. 44. Письмо Берзена написано по-немецки.

⁶ См.: Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Улан-Удэ, 1970. Вып. 4. С. 145. Генин-Дарма Нацов (1912-1942) – малоизвестный бурятский этнограф, собиратель материалов по буддизму. См. также: личный фонд Г.-Д. Нацова. Д. 81 (рукопись: О пожертвованиях для постройки буддийского храма в Петербурге. Б.г. и м.) // Рукописный отдел ИМБИТ (бывш. БИОН), БНЦ СО РАН, Улан-Удэ.

⁷ РГИА. Ф. 821. Оп. 138. Д. 115. Л. 32. (Донесение от 26 марта 1911.)

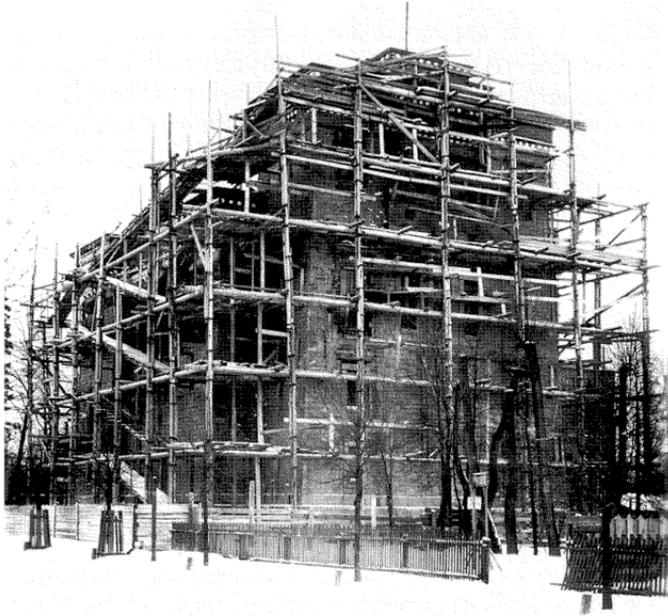
японцы и др.). Так, весной 1909 года несколько столичных газет поместили интервью с англичанином-буддистом Эдвардом Чемпли, который заявил об отъезде на родину якобы для сбора средств на сооружение петербургского храма⁸. Среди жертвователей упоминается и знаменитый «тибетский доктор» П.А.Бадмаев. Правда, будучи крещеным еще в юности, он передавал деньги на храм тайно, не афишируя своих симпатий к буддизму⁹. Но и после того, как Доржиев получил наконец-то обещанную крупную сумму от правителя Тибета, это не решило всех его финансовых проблем. Согласно монгольским дипломатическим источникам, в конце ноября 1913 г. во время визита в Петербург делегации Внешней Монголии (премьер-министра богдоханского правительства Сайн-Ноён Хана Намнансурэна, министра иностранных дел Цэрэндоржа, министра обороны Доноя и др.) Доржиев обратился через нее к VIII Джебзун Дамба Хутухте с просьбой о выделении средств для завершения строительства храма. В результате «Богдо-хан положительно отнесся к данной просьбе, и солидные средства были переправлены Агвану Доржиеву через Бурятию»¹⁰.

Помимо денежных пожертвований, Далай-лама во время встречи с Доржиевым в Пекине летом-осенью 1908 года подарил будущему храму тридцать медных позолоченных «бурханов» (статуй) в рост человека и множество других предметов (все китайской работы). Остальные украшения (в том числе бронзовые диски для фризов, «чжалцаны», фигура ланей с «хурдэ» – «Колесом вечности» и «ганчжир») были заказаны Доржиевым в специальных мастерских Пекина и Долоннора. Небольшую часть храмовой утвари, например набор серебряных сосудов для алтаря, изготовила по рисункам самого Хамбо-ламы петербургская фирма придворного ювелира Николая Линдена. Что касается статуи большого Будды для главного зала молебствий, то её вылепили из гипса,

⁸ См., например: Биржевые ведомости. 1909. 5 мая, а также: Русское слово. 1909. 30 апреля.

⁹ Об этом факте сообщает внук Бадмаева Н.Е. Вишневецкий в своих мемуарах (находятся в семейном архиве).

¹⁰ Записка «Буддийский храм, находящийся в г. Ленинграде»; составлена Монгольским фондом культуры. (Передана автору в 1990 г.)

с последующим покрытием позолотой, по-видимому, прямо «на месте» – т.е. в самом храме. Статуя эта имела около двух с половиной метров в высоту. В дальнейшем предполагалось заменить её более прочным, бронзовым изваянием («бурханом»), которые обычно отливались по заказу бурятских и монгольских монастырей в Долонноре (Внутренняя Монголия)¹¹.

17 октября 1909 года Доржиев направил письмо министру иностранных дел (А.П.Извольскому), в котором просил разрешить беспоплатный провоз «дара Далай-ламы» в Петербург, для чего все вещи (включая и заказанные Доржиевым), в количестве 86 ящиков, должны были направляться через Российскую миссию в Пекине в 1-ый

Вверху:

Буддийский храм в лесах, 1909. (Из фондов Центрального государственного архива кино-, фото-, фонодокументов, ЦГАКФФД.)

¹¹ Долоннор (монг. букв. «Семиозерный», совр. Долунь) – город, расположенный на краю Монгольского плато, севернее Пекина. В описываемое время – важный центр торговли Китая с Монголией; также снискал известность как место изготовления (литья по формам) буддийских бурханов. Здесь же делались многометровые разборные статуи большого Майдари (Майтреи) для бурятских дацанов. Побывавший в 1871 г. в Долонноре Н.М. Пржевальский так писал о нем: «Наибольшую достопримечательность Долоннора составляет отливка различных богов и других принадлежностей кумирен, не только для всей Монголии, но также отчасти и для Тибета. Статуи идолов,готавливаемые из бронзы или чугуна, бывают различной величины и формы. Отделка их большей частью замечательно хороша по исполнению, в особенности если принять во внимание, что вся работа производится руками и притом одиночными мастерами или в отдельных фанзах» (Пржевальский Н.М. Монголия и страна тангутов. Трехлетнее путешествие в восточной нагорной Азии. М., 1946. С. 94-95.). Об изготовлении в Долонноре большого Майдари для Анинского дацана см.: Архив ГМИР. Ф. 1. Оп.1. Д. 497. Лл. 68-69.

¹² АВПРИ. Ф. Китайский стол. Д. 1474. Л. 14.

департамент МИД¹². Извольский, однако, не торопился с ответом. А тем временем доставленные в Петербург по железной дороге статуи и прочие буддийские украшения надолго застряли в таможне. Чтобы востребовать их без уплаты пошлины, Доржиеву пришлось приложить немало усилий, прежде чем власти в конце концов согласились пойти ему навстречу. Ровно через год, находясь в научной командировке в Индии, Ф.И.Щербатской имел возможность вновь встретиться с Далай-ламой и выразить ему благодарность от лица строительного комитета за сделанные подарки. (Буддийский первосвященник в это время проживал в Даржилинге, куда он бежал в начале 1910 года после вторжения в Тибет китайских войск.) Присутствовавший при аудиенции представитель англо-индийского правительства Чарльз Белл так рассказывал об этой встрече:

«В то время, когда я был в Даржилинге с Далай-ламой, приехал русский профессор, чтобы поговорить с Его Святейшеством. Я сопровождал его к последнему и переводил беседу. Профессор поклонился Ламе и положил перед ним белый шелковый шарф, как принято при любых визитах и беседах у тибетцев, и, поскольку он предназначался для Далай-ламы, — самого высокого качества. Он положил также перед Его Святейшеством двадцать рупий. Далай оставался сидящим на своем сиденье под балдахинном во время всей беседы. Профессор был председателем комитета по строительству буддийского храма в С.-Петербурге. Он поблагодарил Далай-ламу за подарки, которые последний преподнес заранее, сказал, что они надеялись построить буддийский странноприимный дом и библиотеку ...»¹³.

¹³ Русско-индийские отношения в 1900-1917 гг. (Сборник архивных документов и материалов). М., 1999. С. 279 (пр. 89).

Особенно много хлопот доставила строительному комитету отделка здания, растянувшаяся на несколько лет. Департамент духовных дел был категорически против каких-либо украшений фасада молельни, опасаясь, что они придадут ей «демонстративный характер» и могут оскор-

бить верующих христиан столицы. Так, весной 1911 года старший техник Санкт-Петербургского градоначальства некто Гейслер, явившись на заседание строительного комитета, заявил от имени своего начальства о необходимости устранения с утвержденного в 1909 году фасада молельни некоторых эмблем. Надо сказать, что строительство храма после его возобновления и вплоть до окончания проходило в крайне враждебной по отношению к буддистам атмосфере. С нападками на буддистов обрушилась не только черносотенная пресса, но и некоторая часть православного духовенства, усмотревшая в сооружении еще одного иноверческого молитвенного здания в столице чуть ли не покушение на основы истинно русской веры. Храм в Старой Деревне был объявлен идольским капищем, с помощью которого буддисты якобы пытаются вернуть язычество на святую Русь. «Наступает власть тьмы и время антихриста, ибо открытое идолослужение в центре России, в столице, при соизволении властей и молчании полуторамиллионного христианского населения, — что это, как не восстание древнего змия — дракона на Христа ...», — гневно писал архимандрит Варлаам. Особенно возмущало иерарха православной церкви то, что «огромное языческое капище» в Петербурге предназначалось, по существу, не для исконных «язычников-буддистов» (т.е. бурят и калмыков), — «оно понадобилось новым буддистам, из христиан, отрекшихся от искупившего их Господа и пошедших вслед богомерзких идолов»¹⁴. (Случаи «уклонения» из христианства в буддизм действительно участились после постановления Государственной думы от 26 мая 1909 года «О праве свободно переходить из христианской религии, не исключая и православия, в религию еврейскую, магометанскую и языческие».) В Департамент духовных дел посыпались петиции с требованием отменить разрешение на постройку храма. Доржиев и другие буддисты стали получать анонимные письма с угрозами

¹⁴ Архимандрит Варлаам. Слово по поводу построения в Петербурге буддийского капища. СПб., 1912. С. 1. См. также брошюру: Катанский Л. В защиту столицы от язычества. СПб., 1910.

убить их и взорвать «идольское капище». Посылали им и всякого рода «заговоренные» амулеты и травы¹⁵.

¹⁵ См., например: Петербургский листок. 1913. 6 февраля (заметка «Угроза разрушить буддийский храм»); Гроза. 1913. 6 февраля («Идольское капище в Стальной Деревне»).

Все явственнее приобретавшая свои характерные очертания буддийская молеельня-дуган являлась постоянным «бельмом на глазу» у городских властей. Побывавший на стройке в августе-сентябре 1910 года по поручению директора Департамента духовных дел иностранных исповеданий губернский секретарь Г. Брониковский докладывал об увиденном:

«По внешнему виду своему здание это далеко не носит характера и вида молеельни: это величественный, горделивый храм – и даже сейчас, прикрытый лесами и неотделанный, он производит импонирующее впечатление. Особенно по сравнению с робко ютящейся в зелени, в 100 с лишним саженях от него, скромной православной церковью»¹⁶.

¹⁶ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 448. Л. 71 об.

Отношение местных жителей к постройке, как и обществу в целом, Брониковский охарактеризовал как «недоуменно-растерянное». Расспросы же строителей показали, что они имеют весьма туманное представление о том, что строят.

«Рабочие на этой постройке – частью местные, частью из Костромской губернии. Словоохотливостью по поводу своей работы не отличаются; по всем признакам, старшие из них снабжены на этот счет определенной инструкцией, которую внушали и младшим. По крайней мере я ни от кого из них не мог добиться прямых ответов на свои вопросы. Гораздо более откровеннее пришлый элемент – подводчики, свозящие сюда из города железный и деревянный материалы. Так, один из них на мой вопрос, что это за здание такое, – ответил: «Да так, сказывают, моленная баптистов что-ли, китайцев, да японцев, значит. Построят им этот храм, вот они и понаедут». Другой оказался еще более несведущим и назвал молеельню «иудейским храмом», но тут же был поправлен товарищем, указавшим, что иудеи веруют в Бога, а это «строится молеельня для идольщиков, что истуканам поклоняются»¹⁷.

¹⁷ Там же. Л. 70.

Впечатление Брониковского, казалось, подтверждало прежние опасения властей. Еще во время приостановки строительства, летом 1909 года, Департаменту полиции путем негласного расследования удалось установить, что организаторы постройки буддийской молельни имеют намерение «вербовать себе адептов из среды с.- петербургского высшего общества, в достаточной степени зараженного «англоманией», а следовательно, и склонного к буддизму». И что с этой целью они предполагают «образовать в С.-Петербурге буддийские общины наподобие лондонских и устроить больших размеров здание дацана, в котором бы совершались торжественные служения с соблюдением всего ритуала индийских буддийских храмов»¹⁸. Надо признать, что, затеявая постройку храма в Петербурге, Доржиев действительно рассчитывал привлечь в лоно ламаистской церкви лиц, принадлежащих к столичному высшему свету, и влиятельных политиков, что в конечном счете должно было способствовать укреплению русско-тибетских связей. Имеются сведения (за достоверность которых, впрочем, нельзя ручаться), что салон покровительствовавших буддистам Тундутовых посещали князь Э.Э. Ухтомский, барон С.Н. Корф, князь Н.П. Урусов, А.Ф. Трепов, Б.В. Штюмер (оба – будущие премьеры), И.Г. Щегловитов, княгини Волконская и Оболенская, фрейлина А.А. Вырубова, а также офицеры-гвардейцы¹⁹. Поэтому, наверное, не случайно Г.В. Барановский изобразил на акварели главного фасада молельни, приложенной к проекту 1909 г., именно европейских «новых буддистов» – мужчину в цилиндре и даму в шляпе и с зонтиком, поднимающихся по ступеням Храма Будды, – очевидно, будущих членов столичной буддийской паствы. Таким образом, заявляя о желании построить в Петербурге «скромную молельню» для удовлетворения религиозных нужд местной бурятско-калмыцкой общины, Доржиев несколько лукавил. Совершивший летом 1909 г.

¹⁸ Там же. Л. 43.

¹⁹ Эти фамилии упоминаются в мемуарах эстонского буддиста, сына ювелира, работавшего у К. Фаберже, Фридриха Люстига: Lustig Friedrich V. A Brief Sketch of my Life (неопубликованная рукопись).

по поручению ДДД поездку в Забайкалье капитан А. Термен оставил нам любопытное свидетельство:

«В Агинской степи мне говорили, что Доржиев там высказывал надежду «развить дело буддизма в Петербурге» и что «он рассчитывает на распространение его в столице России, так как и в Париже и в Лондоне буддизм сильно распространяется».

<...> Постоянным своим пребыванием в Петербурге и ежегодными наездами на окраины с проповедью буддизма он постепенно переносит центр тяжести буддизма в Петербург, чем в глазах населения придает буддизму новую окраску. И теперь слухи о том, что «царь для Доржиева приказал построить великолепный дацан рядом со своим дворцом», и что «у самого царя во дворце живут ламы», и что «царь очень сочувствует ламаизму и хочет, чтобы все буряты были ламаитами», упорно циркулируют в народе»²⁰.

Именно под давлением ДДД ИИ Барановскому и пришлось внести изменения в свой проект в конце 1910 года, устранив с фасада молельни непозволительно роскошную – «демонстративную» – позолоту. Однако лишить молельню вообще каких-либо внешних украшений департамент все же не решился. В.В.Радлову удалось отстоять необходимость буддийских символов на фасаде здания. «Без них, – писал он, – молельня теряет свой стиль, лишаясь важных конструктивных частей, предусмотренных проектом»²¹. Речь, прежде всего, шла о таких неотъемлемых атрибутах тибетского «дукана», как колоколообразные «чжалцаны» (тиб.: *rgyal-mtshan*), ставящиеся по краям крыши; зеркальные диски-«толи» на фризах (монг.: толь), призванные отпугивать злые силы; венчающий башню четырехаршинный пинакль-«ганчжир» и, наконец, главный символ: лани, стоящие по обе стороны восьмирадиусного Колеса вероучения (тиб.: *chos-'khog*) – аллюзия на первую бенаресскую проповедь Будды, – традиционно водружаемые над входом в храм (в данном случае над пор-

²⁰ Термен А. Среди бурят Иркутской губернии и Забайкальской области: Очерки и впечатления. СПб., 1912. С. 107.

²¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 448. Л. 158 об.

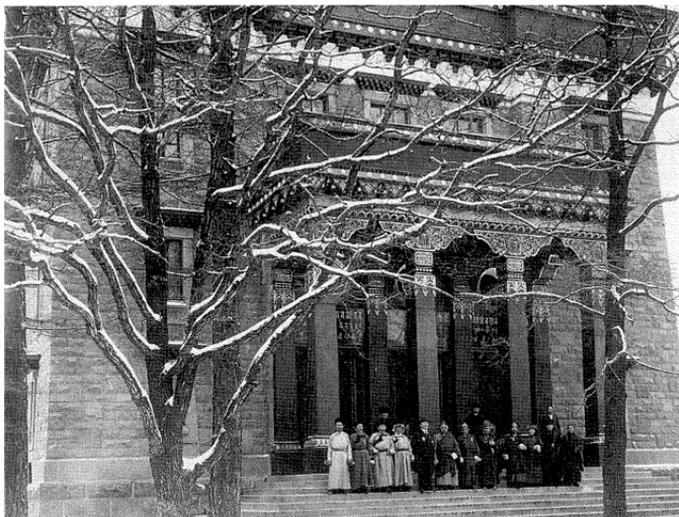

талом). Все эти символические фигуры были установлены по завершении строительства в августе 1915 года, при этом Доржиеву пришлось для этого вновь испрашивать «высочайшего соизволения»²².

Архитекторы Г.В.Барановский и Р.А.Берзен немало

²² Там же. Л. 219. Доржиев получил разрешение на установку символических украшений на моельне 19 августа 1915 г.

*Вверху:
Бакша донских калмыков М.Борманжинов в С.-Петербурге,
1910-е гг. (Из фондов Центрального государственного архива кино-,
фото-, фонодокументов, ЦГАКФФД)*

потрудились, чтобы придать храму более современный европейский облик в духе модного Северного модерна. Именно этот архитектурный стиль в большой степени определил выбор материалов для каменной отделки фасадов (разные сорта грубо колотого гранита, облицовочный кирпич, глазуванная плитка). Эти работы осуществило Восточно-Финляндское гранитное акционерное общество из Выборга. Особенно тщательной была отделка интерьеров, которой в 1914-1915 годы руководил Николай Рерих. Помогали ему приглашенные из Бурятии Доржиевым мастера – ламы-художники (зурачины) Осор Будаев и Гэлэг-Чжамцо Цэвэгийн (Цыбаков), а также выполнявший столярные работы Ринчин Занхатов. Так, например, по эскизам Рериха были выполнены цветные витражи плафона и квадратного ограждения светового проёма. На витражах, обрамляющих световой фонарь (сохранились до наших дней), изображены традиционные буддийские

символы – «Восемь счастливых знаков». Основой для эскизов послужили, очевидно, рисунки бурятских художников, которые западный мастер затем искусно стилизовал в духе модерна. По признанию самого Н.К.Рериха, именно во время строительства храма он впервые услышал от «одного весьма ученого бурятского ламы» легенду о Чанг Шамбале (Северной Шамбале)²³, послужившую впоследствии мощным стимулом для духовных поисков художника и мыслителя. Возможно, это намек на Агвана Доржиева. В то же время информатором Рериха вполне мог быть и Гэлэг-Чжамцо, высокоученый лама, автор трудов по буддийской астрономии и математике. Подобно Доржиеву, Гэлэг-Чжамцо получил образование в Тибете, в лхасском монастыре Дрепунг. Как специалист по астрономии он, конечно же, был хорошо знаком с религиозно-философской системой Калачакры, мистические символы которой играют важную роль в декоре храма. Известно также, что

²³ Roerich N. Himalaya, Abode of Light. Bombay; London, 1947. P. 110.

Слева:

Бурятские и калмыцкие монахи, служившие в храме в 1914-1917 гг. Петроград, 1914 (ЦГАКФФД)

Вверху:

Группа обитателей буддийского общежития, 1914 (ЦГАКФФД)

этот лама занимался росписью и устройством алтаря в Петербургском храме²⁴.

2 мая 1914 года Николай II окончательно утвердил штат духовенства при буддийском храме в составе девяти человек: – пять лам-гелонгов, один из которых должен был исполнять обязанности старшего (ширетуя), и четыре

²⁴ См.: Цыбиктарова С.Д. Осор Будаев – мастер Петроградского буддийского храма // Orient. Вып. 1: Буддизм в России. СПб., 1992. С. 39 и далее.

Вверху:

А. Доржиев с учеником в своей квартире в доме при храме, 1913 (ЦГАКФФД)

прислужника-«бандия», с подчинением их «ближайшему наблюдению с.-петербургского градоначальника». Содержание «духовных лиц» предполагалось за счет существующих у бурят и калмыков монастырей (дацанов и хурулов), что, фактически, превращало Петербургский храм в их «подворье». Ходатайствуя перед императором об утверждении именно такого штата, новый министр внутренних дел Н.А.Маклаков отмечал, что «таким путем прихожане молельни получили бы возможность надлежащего удовлетворения своих религиозных нужд и вместе с тем предупреждено было бы нежелательное с государственной точки зрения привлечение к совершению богомолений иностранных (монгольских, тибетских) лам»²⁵. Этим же девяти лицам разрешалось проживать в самом здании молельни, с неременной оговоркой – «без учреждения, однако, при ней монашеского общежития по правилам ламаитского культа». Такое решение позволило Доржиеву вернуться к первоначально планировавшемуся устройству во втором этаже храма келий для монахов. Любопытно, что строительный комитет обратился к властям за разрешением об «установке деревянных перегородок» во втором этаже молельни еще осенью 1913 года. Эти помещения, согласно поданной петиции, должны были служить для хранения богослужебных книг, различной утвари и предметов, жертвуемых буддистами, культовых предметов («священные изображения и картины») и музыкальных инструментов, используемых во время ритуалов, а также – «для жилья штатного духовенства, в том случае, если на установление такового будет выдано соответственное разрешение»²⁶. Санкция МВД последовала 6 марта 1914 года. В том же году в С.-Петербург прибыло девять буддийских священнослужителей – трое из Забайкалья, четверо из Астраханской губернии и двое из Ставропольской. Один из них, правда, уже в следующем году был вынужден по болезни оставить столицу.

²⁵ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 448. Лл. 241-243.

²⁶ Там же. Л. 193.

Вверху:

Бурятские и калмыцкие монахи, служившие в храме в 1914-1917 гг., на ступенях храма вместе с Бандидо Хамбо-ламой Д.Итигеловым (сидит 2-ой справа), 1914 (ЦГАКФФД)

Вместе с ламами в храме поселился и латышский буддист Карл-Август Теннисон (1873-1962), завсегдатай салона Тундутовых, пользовавшийся особым расположением Доржиева. Таким образом, Доржиеву в конечном счете удалось добиться своей главной цели – построить в столице Российской империи не просто буддийскую молельню, но, по существу, маленький монастырь-дацан, состоящий из храма и надворных строений и тесно связанный с проживающей здесь же монашеской общиной, в соответствии с общепринятой в буддийском мире практикой.

Постройка петербургского буддийского храма – такая долгая и трудная – благополучно завершилась в 1915 году, в самый разгар мировой войны. 10 августа здание было освящено цаннид-хамбо Агваном Доржиевым посредством совершения особого ритуала. В своей тибетской автобиографии Доржиев рассказывает об этом так:

«После завершения оставшейся работы по строительству храма я совершил краткую церемонию его освящения и учредил ритуалы покаяния, проводившиеся раз в две недели, регулярные религиозные службы, посвященные архатам, особые летние обеты монахов и ритуалы, освобождавшие от этих обетов»²⁷.

По освящении новый храм получил тибетское название: *kun la brtse mdzad thub dbang dam chos 'byung ba'i gnas*, что означает «Источник Святого Учения Всесострадающего Владыки-Отшельника» (т.е. Будды). В память о событии Петроградский монетный двор, очевидно по заказу Доржиева, отчеканил специальные латунные жетоны-медали с силуэтом храма (на лицевой стороне) и его названием на тибетском и монгольском языках (на оборотной). А типография Р. Голике и А. Вильборга отпечатала черно-белые фоторепродукции с упоминавшейся выше акварели главного фасада Г.В. Барановского (размером 22,5 см на 28 см) – той самой, на которой изображены

²⁷ Русский перевод автора по тексту: Norbu Thubten J. Dorjiev: Memoirs of a Tibetan Diplomat // Hokke Bunka Kenkyu. № 17. March 1991. P. 39.

европейцы на ступенях храма. Под рисунком следовала подпись: Храм Святого Закона Учителя Будды Шакьямуни в Петрограде. Как жетоны, так и репродукции предназначались Доржиевым, по-видимому, в качестве подарков посетителям храма и друзьям.

Посетившие Старую Деревню по случаю открытия храма корреспонденты столичных газет были немало удивлены, обнаружив на самом краю города, вблизи стрелки Елагина – «Царского» – острова, монументальное и вместе с тем необычайно экзотическое здание «буддийской пагоды». Его внешняя форма с мощными, суживающимися

Вверху:

Вход в храм с наддверными мантрами, 1920-е гг. (ЦГАКФФД)

кверху стенами, отделанными красно-фиолетовым пютерлахтским гранитом, напоминала неприступную крепость. Это впечатление еще более усиливала окружающая храм по периметру высокая кирпичная (оштукатуренная) ограда с железными коваными воротами. Внутри храма вели три массивные деревянные двери, скрывавшиеся в глубине изящно орнаментированного портала с колоннами. Над каждой из дверей – доски с загадочными восточными письменами – золотом по синему. Это были священные буддийские мантры, начертанные на трех языках – санскритском, тибетском и старомонгольском: *Ом арапачана дхи* (мантра Манджушри – бодхисаттвы Мудрости), *Ом мани падме хум* (мантра Авалокитешвары – бодхисаттвы Сострадания), *Ом ваджрапани хум пхат* (мантра Ваджрапани – бодхисаттвы Уничтожения заблуждений). Эти три бодхисаттвы пользуются особым почитанием в Ваджраяне, одном из направлений Махаяны, которое на Западе принято называть тантрическим буддизмом. Капители колонн портала и верхний фриз основного объема здания украшали позолоченные «щиты» с эмблемой-монogramмой Намчу-вандан (тиб.: *gnam-bcu dbang-ldan*) – формулой «Десяти могуществ» (см. фото на с. 186). Эта эмблема, представляющая собой причудливое соединение мистических санскритских знаков – «анусвара», «бинду», «нада» и слогов хам кша ма ла ва ра ям, играет особенно важную роль в религиозно-философской системе Калачакра, происходящей, по убеждению буддистов, из Шамбалы. Считается, что в символике Намчу-вандан закодирована глубинная связь макро-, и микрокосма, Вселенной и человека, ибо каждый из знаков-слогов имеет два смысла – космический и человеческий. По преданию, символ «Десяти могуществ» был изображен на воротах знаменитого буддийского монастыря Наланда, одного из первейших центров учености Древней Индии.

Основной алтарь храма с 2,5-метровой статуей Будды,

изваянной из алебаstra бурятскими мастерами, находился в просторной нише в главном молитвенном зале – фактически, в нижнем этаже северной башни «гонкана» по оси здания. Попадая из вестибюля в этот зал, едва освещенный квадратом «светового фонаря» в потолке, посетители невольно упирались взглядом в потаенное в полумраке позолоченное изваяние большого Будды. Проём алтарной ниши обрамляла узкая лента надписи, выполненной монгольским квадратным письмом Пагба-ламы (позолоченные буквы на синем фоне): Да победит добродетель! Да пребудет счастье! (слева по вертикали) – Иду под защиту Трех Истинных Драгоценностей! Пусть пребудут в спокойствии все живые существа! (горизонтальная строка по центру) – Пусть вечно множатся заслуги! Поклоняюсь Трем Драгоценностям! (справа по вертикали)^{27а}. [Три Драгоценности – это Будда, его Учение (Дхарма) и Община (Сангха)] Во втором этаже «гонкана», прямо над основным алтарем, был устроен еще один алтарь, в котором помещались две небольшие позолоченные статуи Будды Шакьямуни. Первую подарил храму в 1914 году сиамский король Рама VI Вачиравуд, вторую – русский консул в Бангкоке, известный коллекционер Г.А. Плансон-Ростков. Наконец, в верхнем ярусе «гонкана», в крохотной комнатке, находился наиболее сокровенный третий алтарь, доступный лишь для узкого круга священнослужителей, с бурханом охранителя храма, так называемого «сахюсана» (тиб.: «sgup ma»). По воспоминанию внучатого племянника Доржиева, известного монголиста С.Д. Дылыкова, это была глиняная статуя «сурового трехглазого божества, скачущего на каком-то животном, длиной 50-60 см и высотой около 40 см»²⁸. По мнению петербургского буддолога А.А. Терентьева, речь скорее всего идет о богине Лхамо, восседающей на муле. Лхамо традиционно считается покровительницей священной Лхасы и одной из покровительниц школы Гелуг.

^{27а} Перевод надписи сделан Н. Цыремпиловым.

²⁸ Эту информацию сообщил автору С.Д. Дылыков в письме от 26 ноября 1989 г.

Не менее сильное впечатление производили и интерьеры храма, создававшие особую мистическую атмосферу. Прежде всего поражало отсутствие окон – свет в основное помещение храма, как уже отмечалось, проникал сверху, через остекленную часть крыши и потолка (световой фонарь), и падал на восьмилепестковый лотос, выложенный цветными плитками в полу и воспроизводивший символические очертания Шамбалы; чуть ниже лотоса, у самых дверей, из тех же плиток была составлена свастика – древний арийский (индо-буддийский) символ счастья. В центре зала, как раз под квадратным световым проёмом в потолке, стояли два длинных стола, на которых были разложены ритуальные принадлежности – колокольчики, раковины, «ваджры», чашечки с рисом, обычно разбрасываемым во время службы, священные тибетские книги в виде длинных бумажных полос в ярких шелковых обертках. Завораживало и богатое убранство молитвенного зала – писанные на ткани буддийские иконы – «танка» (тиб.: *thang ka*), среди которых было и изображение Блистающей Шамбалы, различные декоративные аксессуары – сшитые из разноцветных парчовых лоскутов цилиндрические «баданы» и «чжалцаны», развешанные между колоннами и перед алтарной нишей. «Внутреннее украшение храма вообще роскошное, – сообщал своим читателям «Колокол». – Всюду видна густая позолота, яркие цвета всех красок и крупных размеров восточные иероглифы, взятые из буддийских религиозных поучений; они унижают собою весь барельеф колонн, идущих двумя рядами вдоль всего храма»²⁹.

Мало кто предполагал в то время, впрочем, какие суровые испытания ожидают этот удивительный, единственный не только в России, но и во всей Европе памятник.

²⁹ Колокол. 1915. 21 августа.

Глава 5

Начало богослужений

Первое богослужение в храме состоялось 21 февраля 1913 года, в день, когда вся Россия праздновала 300-летие Дома Романовых. Это событие имело особенно большое значение для буддистов, видевших в русских монархах воплощение милосердной Белой Тары. На юбилейные торжества в С.-Петербург прибыли глава буддийского духовенства Восточной Сибири Бандидо Хамбо-лама Даши-Доржи Итигелов и представители автономного монгольского правительства – Дайцин-ван Ханда Дорджи и Сайн-Ноён Хан. Почетных гостей Доржиев поселил в своем доме-резиденции при храме.

По случаю праздника портал храма был украшен русскими триколорами, а также знаменами Монголии и Тибета с национальными символами – эмблемой «соёмбо» (монгольский) и изображением двух мифических снежных львов на фоне пирамидальной белой горы и солнечного диска со стреловидными сине-красными лучами (тибетский). То, что оба этих буддийских государства недавно объявили о своей независимости от Китайской империи (где в 1911-1913 гг. произошла революция), несомненно послужило дополнительным стимулом для ликования. Вход в храм был драпирован также монгольскими и тибетскими кирпично-красными и желтыми шелками. Поскольку внутренняя отделка храма еще не была окончена, алтарь установили в вестибюле здания, где и происходило богослужение.

«21 февраля в 10 ч. утра на обычно пустынной Благовещенской улице в Новой Деревне стали останавливаться около здания кумирни моторы и собственные экипажи, – говорилось в заметке корреспондента одной из популярных петербургских газет, очевидно, перепутавшего

Слева:

Первая служба в храме по случаю 300-летия Дома Романовых, 21 февраля 1913. Стоят в 1-м ряду слева направо: Е.В. Козлова-Пушкарева (2-я), П.К. Козлов (3-й), А. Доржиев (6-ой), Бандидо Хамба-лама Итигелов (7-ой), Ханда-ван Дорж (8-ой), Сайн-Ноён Хан (9-й), кн. Д. Тундуртов (10-й). (Архив РГО.)

¹ Старая Деревня, строго говоря, заканчивалась кладбищем Благовещенской церкви, за которым начиналась Новая Деревня, простиравшаяся до Строгановского – ныне Ушаковского – моста. Эта ошибка нередко встречается и в официальных документах.

² Петербургский листок. 1913. 22 февраля (заметка «В буддийской кумирне»). См. также отклики в других столичных газетах: Новое время. 1913. 22 февраля (заметка «В буддийском храме»); Колокол. 1913. 28 февраля (заметка «Идолослужение в Петербурге»).

³ Архив РГО. Ф. 18. Оп. 7. Д. 123 (Праздник открытия Буддийского храма, 1913). Аналогичная фотография, правда значительно худшего качества, сделанная А.Д. Рудневым, была опубликована журналом Всемирная панорама. 1913. № 202-9. С. 14.

Старую Деревню с Новой¹. – К началу богослужения в помещении собралось до 70 человек столичных буддистов, исключительно из интеллигенции. В числе молящихся находились чрезвычайный посланник, министр иностранных дел светлейший князь Цин-ван Ханда Дорджи, советник-министр Эрдени-Дамдин, секретарь посланника Верен Вирчжи, княгиня Дундукова, несколько офицеров во главе с полковником генштаба И., два воспитанника училища правоведения, много студентов различных учебных заведений и др.»². Сделанная кем-то на память фотография (хранящаяся ныне в архиве Русского Географического общества) запечатлела стоящих на ступенях храма известного путешественника П.К. Козлова с женой Е.В. Пушкаревой-Козловой, князя Данзана Тундутова и А.Д. Руднева³. Но большинство присутствовавших на службе – это все же буряты и калмыки, местные и приезжие.

«Впереди аналая на постаменте, – читаем мы дальше в той же газете, – стояла бронзовая статуя Будды, около 1 аршина высоты. Вокруг на столах помещались 7 сосудов, в виде жертвенных курительниц, наполненных благовонными маслами, которые горели фиолетовым пламенем. На аналое стоял небольшой фонарик с золотой оправой. В фонаре горела свеча из темного воска». (Это описание следует дополнить одной важной деталью – на стене, над импровизированным алтарем, висели портреты императорской четы и наследника престола Алексея. Про последнего, между прочим, среди буддистов втайне распространялись слухи, что он якобы является воплощением бодхисаттвы, до сих пор не крещен и при каждой попытке совершить крещение впадает в обморок; что Далай-лама признал в нем будущего «просветителя иноверцев Севера» и т.п.)

«В 10 ч. утра старший цанит Дорджиев вместе с другим священником Лама Хамбо (Бандидо Хамбо-ламой

Итигеловым. – А.А.), в сопровождении до 15 человек младших лам-священников и старцев, тибетских монахов появились из-за занавески в золоченых желтых ризах. Высшим духовным лицам служители подали мягкие тюфяки, на которые уселись Агван Дорджиев и несколько священников. Остальные манахи сели прямо на пол. Из публики заняли особые подушки лишь светлейший князь Цин-ван Ханда Дорчжи, его советник и секретарь. Все ламы запели весьма заунывным напевом одну и ту же молитву, прерываемую звоном колокольчиков замечательного музыкального тона. Пение продолжалось около 40 минут. Затем священники ламы распростерлись ниц, а потом совершили благословение публики, и молебен закончился.

В молитвах ламы упоминали имена Государя Императора и членов Его Августейшей семьи, призывая благословение небесных сил на Царствующий Род».

Второе большое буддийское богослужение в Петербурге состоялось 9 июня 1914 года по случаю торжественного внесения в храм и освящения двух уже упоминавшихся выше сиамских будд. Необходимо отметить, что Сиам (совр. Тайланд), подобно Тибету, испытывал дружественное расположение к России, несмотря на огромное расстояние, разделявшее обе страны. Дипломатические отношения между Россией и Сиамом были установлены сравнительно недавно, в 1897 году. Известно, что наследный принц Чакрабон (сын короля Чулалонгкорна) получил образование в Петербурге, где обучался в Пажеском корпусе, и был женат на русской женщине (Е.И. Десницкой). По возвращении на родину возглавлял Генеральный штаб сиамской армии и являлся начальником военно-учебных заведений. В России к Сиаму особенно большой интерес проявляли бурятские буддисты, которым сиамский король прислал через Чакрабона особо ценную реликвию – частицы костей Будды. Весной 1901 года священную буддий-

Торжество у буддистовъ въ Петербургѣ.

1) Статуя Будды въ постъ размѣщеніи, даръ сиамскаго короля Мага-Ваджиравудда египетскому буддистскому храму. Наверху: сиамскаго королевскій штандартъ съ изображеніемъ „Крута“ (индійскія священной птицы „Гаруда“), ниже: портретъ короля Мага-Ваджиравудда, в. Антаръ съ изображеніемъ Будды въ постъ соорженіи. Вънизу: статуя Будды, представляющая въ постъ ограниченіи всего раннего. Даръ шикито посланнаго в. Слѣдъ Е. А. де-Вильсона. У входа: 1) статуя ламы въ кимоно. Агарико (Агванъ-Дарданелъ) 2) ламы Сиддонъ-Джонно-Ингинитовъ.

По фотографіямъ г-на „Отечественнаго“ В. Булгакова и П. Петрова.

скую страну посетил с кратковременным визитом Бандидо Хамбо-лама Ч.-Д.Иролтуев, познакомивший сиамского правителя с тибетскими буддийскими обрядами. После смерти Чулалонгкорна (в 1910 году) на престол Сиамского королевства взошел его старший сын Вачиравуд (родной брат Чакрабона), также бывавший в России. Являясь большим поклонником русского ювелирного искусства, новый король, между прочим, заказал Карлу Фаберже большую статую Будды из сибирского нефрита для украшения усыпальницы почившего монарха.

В конце 1911 года царское правительство командировало в Бангкок на публичные коронационные торжества своих представителей – великого князя Бориса Владимировича и флигель-адъютанта полковника графа М.Н.Граббе 2-го. (По традиции монарх в Сиаме короновался дважды: первый раз в тесном кругу приближенных и второй – всенародно.) Во время встречи с главой сиамской буддийской церкви Пия Ваджираваном граф Граббе

просил его послать строящемуся в Петербурге буддийскому храму статую Будды, однако его просьба осталась без ответа. Два года спустя уже российский генеральный консул в Сиаме Г.А.Плансон-Ростков просил о том же принца Чакрабона, Пия Ваджиравана и наконец самого короля Мага Вачиравуда. Вот как он рассказывает об этом в своем дневнике:

«3/16 июня 1913 г. Разговор с Чакрабонем о буддизме. Я говорил, что теперь строится буддийский храм в Петербурге, но я не знаю, в каком он положении. Чакрабон отвечал, что интересовался этим вопросом, когда был в Петербурге, но тогда дело мало подвинулось, были препятствия. Я говорил, что одно из препятствий исходило из Департамента духовных дел иностранных исповеданий, который боялся, что с буддийским храмом проникнет японское влияние.

Чакрабон рассказывал, что русские буддисты получили статую Будды и таможня не впустила ее в Россию, потому что это был «идол». Я говорил, что Король Сиамский признается

Слева:

Торжество у буддистов в Петербурге (фото К. Буллы и П. Оцуна из журнала «Огонек», 1914)

Вверху:

Российский посланник в Сиаме Г.А. Плансон-Ростков (крайний справа) с членами Сиамского посольства в С.-Петербурге (в цилиндрах) у входа в храм, 1914.

3-й справа – первый ширетуй храма С.-Д. Жигжитов (ЦГАКФФД)

в России как глава буддизма вообще и эти связи следовало бы поддерживать, например, посылкой русским буддистам какого-нибудь письма.

Чакрабон добавил, что можно было бы послать для нового храма изображение Будды. Но надо, чтобы инициатива исходила из России, от тамошних буддистов. Например, чтобы они хотя бы сообщили, в каком положении находится постройка храма.

23 июля/5 августа 1913 г. Посещение Храма Wat Bowonniwet. Я спросил Патриарха Пия Ваджиравана, был ли он в этом храме в 1901 г., когда в апреле 1901 г. сюда приезжал глава русских буддистов Хамбо Лама Чойндзон Иролтуев. Пия Ваджираван вспомнил, что видел Иролтуева, который, к сожалению, не говорил ни на каком языке, кроме русского, поэтому Оларовский служил переводчиком.

Далее я прочел Пия Ваджиравану речь Иролтуева Королю. Я вспомнил, что буддисты в России считают Сиам источником буддизма, чем и объясняется визит Иролтуева. Я просил Патриарха дать письмо или хотя бы карточку с какой-нибудь припиской, чтобы показать русским буддистам. Ваджираван отвечал, что карточки у него нет, а фотографию он, пожалуй, даст.

<...> Он упомянул, что у него были великий князь Борис Владимирович и граф Граббе. Граббе просил статую Будды для русских буддистов, живущих в его городе. Остается неясным, дал ли он Будду графу Граббе. По-видимому, нет. Также и мне ничего не обещал, кроме портрета для русских буддистов. Я говорил, что теперь строится храм для буддистов в самом Петербурге, что это стоило больших хлопот и русская администрация боялась, что под предлогом буддийского храма в Петербург проникнет японское влияние. Наконец, все улеглось, и храм строится. Я намекал, что было бы желательным послать что-нибудь по такому случаю, например статую Будды, но Ваджираван делал sourde oreille (фр.: и ухом не повел. — А.А.).

«13/26 августа 1913 г. О буддизме и постройке храма в Петербурге. Король обещал переговорить с министром народного просвещения, чтобы послать статую Будды в новый храм в Петербурге»⁴.

⁴ ГАРФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 717 (Дневники Г.А. Плансона). Лл. 17, 42 и 108-109. Чойнзон-Даши Иролтуев был Бандидо Хамбо-ламою в 1895-1910 гг.

Таким образом, именно благодаря стараниям Плансона петербургским буддистам удалось заполучить для своего храма две прекрасные сямские статуи. Первая из них, подаренная сямским королем Мага Вачиравудом, представляла собой медное позолоченное изваяние Будды

Вверху:

Сямские будды в верхнем алтаре храма, 1914 (ЦГАКФФД)

Шакьямуни, сидящего в позе медитации. Вторая – того же Будды, стоящего в полный рост («Будда, умиротворяющий океан», по определению О.П. Дешпанде), подарок русского консула Г.А. Плансона – была отлита из бронзы и заполнена для прочности гипсом. Обе статуи или «бурхана», как уже говорилось, установили в верхнем алтаре храма. Сиамский король также прислал буддистам свою фотографию.

Церемония поднесения даров проходила при непосредственном участии Г.А. Плансона и двух сиамских дипломатов – посланника Пра Висан-Бочанокута и первого советника посольства страны-дарительницы. Последовавшее за ней молебствие совершил Агван Доржиев «в услужении» с бурятским ламой из Агинского дацана Содном-Джамцо (Жигжитовым), будущим настоятелем (ширетьеум) Петербургского храма. В благодарственном адресе, направленном затем Доржиевым сиамскому королю через Плансона, говорилось:

«Ваше Величество,
Состоящий при дворе Вашего Величества Российский Посланник, камергер Плансон, доставил в С.-Петербург пожалованное Вами для сооружения здесь буддийского храма священное изображение Будды, и ныне изображение это с подобающим церемониалом, в присутствии Посланника Вашего Величества при Российском Дворе и всех пребывающих в С.-Петербурге буддистов помещено на троне в нашем храме.

Столь высокий знак внимания Августейшего покровителя буддизма к храму, возникшему по моей скромной инициативе, глубоко тронул как меня лично, так и всех буддистов, которым стало известно о столь радостном событии, и я решаюсь почтительнейше принести Вашему Величеству глубочайшую благодарность за Ваши неустанные заботы о процветании нашей Священной веры даже в столь отдаленных от Вашего счастливого государства местностях.

Память о Милостивом внимании Вашего Величества к нашим духовным нуждам вечно будет жить в наших сердцах»⁵.

⁵ Архив СПФ РАН.
Ф. 176. Оп. 2. Д.
3. Л. 3.

Группа петербургских буддистов у входа в храм, 1914.
Слева-направо 1 ряд: Е.В. Козлова-Пушкарева (3-я), П.К. Козлов, А. Доржиев, кн. Д.Ц. Тундуртов,
стуленинской выше кн. К.А. Тундуртова; 2-й ряд: Г.А. Плансон, барон А.А. Сталь-Гольштейн,
А.Д. Руднев, Ф.И. Щербатской, С.-Д. Жигжитов, Р.А. Берзен (позади Тундуртова). Фото К. Буллы
(из журнала «Весь мир»)

Это второе большое богослужение в храме вновь привлекло к себе внимание петербургской общественности. Некоторые журналы и газеты даже поместили на своих страницах фотографии с изображением сиамских будд, водруженных на алтарь в «верхнем притворе» буддийского храма, и тех, кто присутствовал на «буддийском торжестве». В первом ряду пестрой толпы, позирующей перед камерой на ступенях портала, мы легко узнаем рядом с Доржиевым – «главой русских буддистов» (как сообщил своим читателям журнал «Огонек») – его ближайших друзей и сподвижников: две супружеские четы – Тундутовых и Козловых, а также членов строительного комитета – Ф.И. Щербатского, А.Д. Руднева, и Р.А. Берзена⁶.

В первые годы после открытия храма одним из наиболее частых богослужений в нем был эзотерический «джуд-хурал» – молебствие о «победе русского оружия» в кровавой мировой войне. Аналогичные молебствия устраивались и в забайкальских буддийских монастырях (дацанах). Известно также, что Агван Доржиев и Бандидо Хамбо-лама Д.-Д. Итигелов организовали в 1914 году при храме Общебурятский комитет для сбора пожертвований на нужды действующей армии. Примечательно, что в буддийский храм поначалу заглядывали многие русские и вообще европейцы – кто-то из чистого любопытства, посмотреть на диковинную буддийскую «кумирню», а кто-то из вполне искренних религиозных побуждений. В числе последних можно упомянуть, например, ювелира Агафона Фаберже (сына знаменитого Карла Фаберже), который проявлял большой интерес к буддизму⁷. Или эстляндского барона Унгерна (Р.Ф. Унгерн Штернберга), прославившегося впоследствии (в 1920-1921 годах) своим жестоким походом на Ургу для изгнания китайских интервентов-«гаминов», за что монгольские ламы объявили его воплощением Махакалы – грозного буддийского божества, защитника «желтой веры»⁸.

⁶ См.: Биржевые ведомости. 1914. 11 июня и журналы: Весь мир. 1914. № 25. С. 8 и Огонек. 1914. 22 июня. № 25. С. 15. Эти снимки были сделаны известными фотографами К. Буллоу и П. Оцупом.

⁷ Этот факт упоминается в мемуарах Татьяны Фаберже, внучки Агафона Карловича (сведения В.В. Скурлова).

⁸ Об этом сообщает писатель С.Н. Марков в очерке «Гамбургский Будда» // Красная Нива. 1930. № 2. С. 14.

⁹ Цыренжап Бадмажапов – коллежский асессор, прибыл в Петроград весной 1915 г. в качестве уполномоченного Верхнеудинского съезда буддийского духовенства и бурят-

Особенно часто захаживал в храм один из «новых буддистов», отставной штабс-капитан М.Я. Орлов. Уроженец Пятигорска, он участвовал в 1900 году, в составе русского экспедиционного корпуса, в осаде Тяньцзиня во время подавления Боксерского восстания и затем остался в Порт-Артуре; плавал на судах вокруг света, почти 12 лет прожил в Ставрополе. После выхода на пенсию переселился в Петроград. Регулярно посещая буддийский храм, Орлов особенно близко сошелся с его настоятелем, ламой Агинского дацана Содном-Джамцо Жигжитовым, Ц.Бадмажаповым⁹ и тибетским лекарем Жахве (Жабэ). Очевидно, по совету кого-то из них осенью 1916 года он обратился с письмом к Далай-ламе, прося позволения поселиться «навечно» в священной Лхасе, «чтобы постичь мудрость веков», которое, однако, не дошло до адресата, а попало в руки к англичанам. В этом письме русский моряк сетовал на то, что он не имеет возможности посещать службы в храме, а может лишь молиться там, поскольку в обители Будды остался лишь один монах, и по этой причине «Храм ни коим образом не может выполнять свое высокое назначение»¹⁰.

В эти суровые годы немногочисленная, преимущественно бурятская, паства храма также сильно поредела — многие из прихожан были мобилизованы на тыловые работы в Архангельск. В доме-общезитии буряты на собственные средства оборудовали лазарет, врачом в котором работал знаменитый впоследствии доктор Лыксок Жабэ (Жахве). Бывший лама Агинского дацана, Жабэ окончил частные медицинские курсы при Юрьевском университете и с успехом использовал в своей лечебной практике методы как традиционной тибетской, так и новейшей европейской медицины¹¹.

Известный монголист Б.Я. Владимирцов писал в декабре 1916 года своему коллеге А.В. Бурдукову в Монголию:

прихожан дацанов Забайкальской области, чтобы ходатайствовать перед царем и высшими инстанциями о наделении усадебными угодьями бурятских дацанов сообразно с их нуждами.

¹⁰ Oriental and India Office Collection (London). L/P&S/11/117. Письмо М.Я. Орлова (сохранившееся в английском переводе) датировано 14 сентября 1916.

¹¹ Лыксок Жабэ (1881-1937), бурятский врач, организатор здравоохранения на территории Агинского Бурятского национального округа. См.: Батоев Д.Б. Первый доктор в Агинской степи // Советское здравоохранение. 1972. № 6. О петербургском периоде жизни Л. Жабэ Д.Б. Батоев сообщает следующее: «В Петербурге на Благовещенской ул. в 1915 г. был организован лазарет для бурят № 245. Жабэ стал работать в нем. 28 октября 1915 он, не оставляя работы, обратился в Юрьевский университет с просьбой о зачислении его в список экзаменуемых на звание лекаря. В 1916 Жабэ стал врачом» (С. 74).

«Наши буряты действуют молодецки. Заботятся о своих родичах, призванных на работы, образцово. У них и комитеты, и уполномоченные, правильная организация. Приехал сюда и их Бандидо Хамбо-лама Иролтуев, 79-летний старец; объезжал он бурят на фронтах, побывал и в Архангельске. 6 декабря он совершил торжественную службу в храме: день рождения Государя совпал с Зул-сар (первый зимний месяц у бурят и монголов. – А.А.); были поэтому две службы, затем – угощение гостей и речи, и все на русском языке ...»¹².

¹² Бурдуков А.В.
В старой и новой
Монголии. М., 1969.
С. 358.

Из этого любопытного сообщения можно заключить, что в конце 1916 года в Старой Деревне появилась новая группа буддийских монахов (вероятно, приехавших вместе с Иролтуевым), ибо в противном случае богослужение в храме не могло бы состояться. Впрочем, тяготы военного времени оказались непосильным бременем и для этих лам, – все они, как и их предшественники, покинули в 17-ом голодный и неудобный, охваченный вихрем революции Петроград.

Сразу же после Февральской революции находившиеся в городе представители бурятской и калмыцкой интеллигенции, сторонники неотложных политических и религиозных реформ, создали особый комитет, под председательством Н.А. Ханхасаева, взявший на себя руководство национально-культурным строительством в Бурятии и Калмыкии. Членами этого комитета стали А. Доржиев, ширетуй храма С.-Д. Жигжитов, управляющий храмом Намсараев, габжа Санжиев, известный калмыцкий вероучитель (бакша) Бадма Боваев, незадолго до того сменивший Доржиева на посту директора «Цаннид чоре», и др.¹³. В то же время в Петрограде по инициативе Временного правительства была сформирована Комиссия по пересмотру действующего законодательства о буддистах в России под председательством зам. министра исповеданий проф. С.А. Котляревского. В состав ее вошли, с одной стороны, крупнейшие ученые, знатоки буддизма, такие как

¹³ См.: Герасимова
К.М. Обновленческое
движение бурятского
ламаистского духо-
венства, 1917-1930.
Улан-Удэ, 1964.
С.20; Национальное
движение в Бурятии
в 1917-1919 гг. Доку-
менты и материалы.
Улан-Удэ, 1994. С.9.

С.Ф. Ольденбург, князь Э.Э. Ухтомский, А.М. Позднеев, А.Д. Руднев, В.Л. Котвич, с другой – бурятские и калмыцкие буддийские деятели, в их числе А. Доржиев, С.-Д. Жигжитов и Б. Боваев. С Боваевым, однако, случилось несчастье – в конце 1917 года он трагически погиб под колесами трамвая. «Когда его гроб провозили по улицам Петрограда, – вспоминал позднее в лекции, прочитанной на буддийской выставке в Русском музее, Б.Я. Владимирцов, – многие встречающие крестились, и, конечно, никому в голову не приходило, что провозят останки славного буддийского монаха». Боваев представлял собой редкий образец высокообразованного буддийского деятеля, не чуждого новым либерально-реформаторским веяниям. По словам того же Владимирцова, еще во время обучения в Тибете он увлекся математикой и астрономией и теперь, в Петербурге, мечтал расширить свои познания: «... мечтал и стремился овладеть европейской наукой и совмещать в себе ученого буддийского монаха и европейского образованного человека»¹⁴.

Летом того же года 2-ой Общебурятский съезд в Гусиндозерском дацане (состоялся 10-15 июля) объявил Петроградский буддийский храм достоянием бурятского и калмыцкого народов, дома при нем было решено превратить в общежитие для учащейся бурятско-калмыцкой молодежи. Осуществление принятых решений взял на себя Бурятский национальный комитет (Бурнацком) в Чите – центральный орган местного самоуправления в Бурятии, назначивший особую комиссию для приема храма и его имущества, с тем чтобы в дальнейшем предоставить А. Доржиеву «право возведения построек на принятом участке земли»¹⁵. Буддийский храм с устроенным при нем лазаретом продолжали оставаться в поле зрения Бурнацкома и после Октябрьского переворота. Так, 27 января 1918 года комитет вынес постановление о «ликвидации Петроградского бурятского лазарета и об охране

¹⁴ Владимирцов Б.Я. Буддизм в Монголии и Тибете. Пг., 1919. С. 52.

¹⁵ См.: Национальное движение в Бурятии... С. 55.

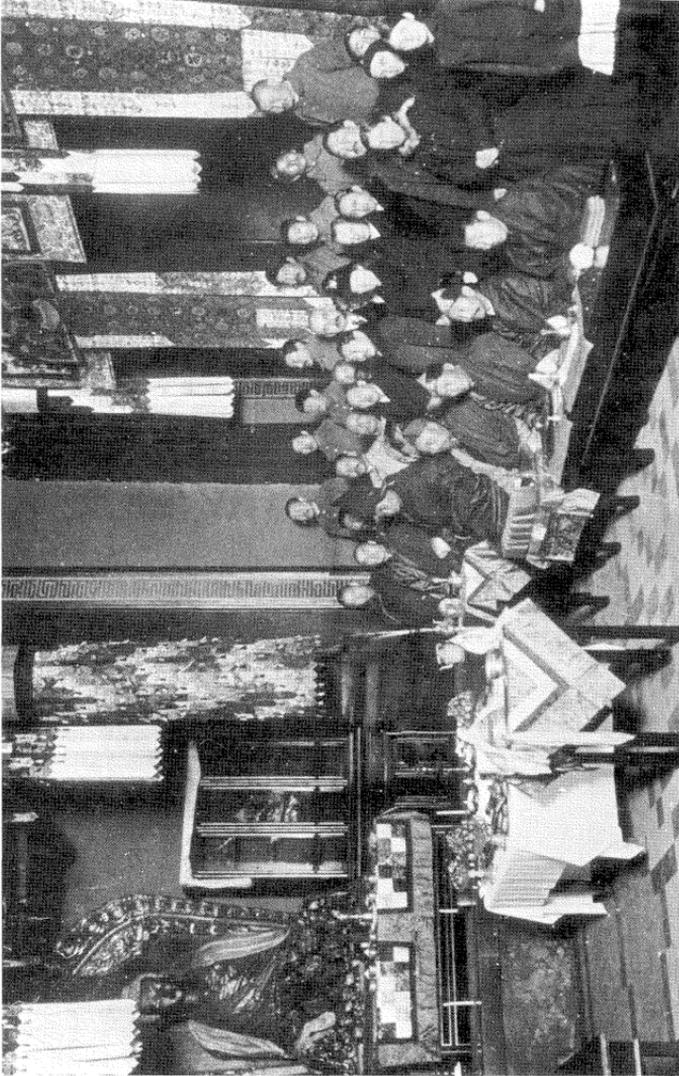
имущества лазарета и буддийского храма в Петрограде, как общенационального достояния»¹⁶. А вскоре пользовавшийся поддержкой бурнацкомовцев А. Доржиев арендовал на участке позади храма пустовавший двухэтажный каменный дом (принадлежавший Исаевым), с намерением устроить в нем общежитие. В то же время он вступил в переговоры с архитектором Р.А. Берзеном о постройке неподалеку от храма крематория. Все это говорит о планах Доржиева превратить Петроградский дацан в крупный религиозно-просветительский центр. Однако летом 1918 года к работам приступить не удалось, и Доржиев с двумя спутниками отправился в Калмыкию для сбора дополнительных средств на строительство. На станции Урбах (Саратовской губернии) – уже на обратном пути из Калмыкии – все трое были арестованы красноармейцами и переданы в руки ЧК, обвинившей их в попытке вывоза ценностей за пределы России. Инцидент этот едва не стоил Доржиеву жизни – о страшных днях, проведенных в Бутырках, он рассказал впоследствии в своей тибетской автобиографии. Освободили его лишь благодаря энергичному вмешательству членов строительного комитета, в его обновленном составе – Ф.И. Щербатской (председатель), В.Л. Котвич, С.Ф. Ольденбург, О.О. Розенберг и Б.Я. Владимирцов¹⁷. Известна телеграмма Ольденбурга, отправленная экстренно в Кремль секретарю Совнаркома (и одновременно личному секретарю Ленина) Н.П. Горбуну: «Беспокоюсь (о) хамбо-ламе Доржиеве, выпущен ли. Если необходимо, немедленно может выехать (в) Москву монголист доцент Владимирцов. Прошу ответа. Ольденбург»¹⁸.

В конце концов в дело вмешался Наркомат по иностранным делам (НКВД) РСФСР, возглавляемый Г.В. Чичериным и Л.М. Караханом, которым и удалось добиться освобождения бурятского деятеля. В упомянутой выше автобиографии Доржиева читаем:

¹⁶ См.: Национальное движение в Бурятии... С. 98.

¹⁷ См.: Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Ф. 100. Оп. 1. Пап. 1. Д. 1. Л. 1 (выписка из заседания строительного комитета под председательством Ф.И. Щербатского от 10 сентября 1918).

¹⁸ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 657. Л. 49. Телеграмма от 23 августа 1918.

Служба в храме, ок. 1915. 7-ой слева во втором ряду Ф.И. Щербатской (архив Музея истории религии)

«Я дал тюремному надзирателю взятку, чтобы отправить письмо крупному ученому Котвичу. Когда он получил его, несколько ученых сделали страстные заявления, говоря: «Он занимался только тибетскими делами и не вмешивался во внутреннюю политику» и т.д. Будет трудно отплатить доброту ученых Ольденбурга, Котвича, Щербатского и Владимирцова. Я был знаком и с министром иностранных дел. Я встречался с ним и также полагался на его помощь»¹⁹.

¹⁹ Цит. по русскому переводу: Предание о кругосветном путешествии... С. 69.

*Цам Калачакры в Петербургском храме, 1930 (1935?)
(Архив А. Терентьева)*

Глава 6

Поруганная святыня

Условием освобождения Доржиева, очевидно, стало его согласие сотрудничать с внешнеполитическим ведомством большевиков. Речь, в частности, шла об оказании помощи Советскому правительству в установлении дружественных отношений со странами буддийского Востока, прежде всего с соседней Монголией и Тибетом. Уже в октябре 1918 года – когда власть большевиков фактически висела на волоске – Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии, находившийся в ведении НКВД, обсуждал предложенный Ф.И. Щербатским проект научной экспедиции в Центральный Тибет¹. Проект этот получил одобрение НКВД, поскольку путешествие ученого – свободно владевшего тибетским языком и, главное, лично известного Далай-ламе, позволяло Москве завязать контакты с последним. Чичерин не сомневался, что при посредничестве Доржиева Советской России, взявшей курс на поддержку национально-освободительного движения восточных народов, будет не трудно завоевать симпатии правящих кругов Тибета. В то же время нарком собирался командировать бывшего тибетского дипломата во Внешнюю Монголию, для ведения там просоветской агитации среди местных князей и высшего буддийского духовенства. Эти планы, однако, были расстроены гражданской войной, отрезавшей Восточную Сибирь от Центра, и потому Доржиева решили отправить вместо Монголии в Калмыцкие степи. В июле 1919 года газета «Жизнь национальностей» сообщила:

«Гражданин Доржиев, ныне являясь убежденным сторонником Советской России, еще осенью прошлого года получил мандат от комиссариата по иностранным делам для беспрепятствен-

¹ См.: Архив СПФ РАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 97. Лл. 84-87. Заседание комитета, на котором обсуждался проект Щербатского, состоялось 19 октября 1918.

Слева:

*Фрагменты статуй Будды, нач. 90-х гг.
(фото А.Усова). (Архив А.И. Андреева)*

ного проезда на Восток, не мог пробраться в Монголию из-за чехословацкого мятежа и в настоящее время находится в Калмыцкой степи. Не подлежит сомнению, что этот большой знаток Востока с удовольствием вновь примется за свой старый вопрос – сближение Монголии теперь уже с Советской Россией»².

² Ойратский [А. Чапчаева]. Монголия как ворота буддийского Востока // Жизнь национальностей. 1919. 13 июля. № 26 (34).

Та же газета выступила ранее с весьма неожиданной инициативой, исходившей, по всей видимости, от Доржиева, – использовать калмыцких буддистов-паломников в деле революционирования буддийских народов Центральной Азии, монголов и тибетцев. И не только их. Через Тибет сопредельная с ним Индия – оплот британских империалистов – могла бы установить связь с «очагом мировой революции», Советской Россией. Автор заметки, известный деятель Наркомата по делам национальностей калмыцкий коммунист А. Амур-Санан расточал похвалы Доржиеву, отмечая, между прочим, что основанный им буддийский храм в Петербурге «строился с политическим расчетом, чтобы отвлечь внимание как Монголии, так и Тибета от «заигрываний» Англии»³. Совершенно очевидно, что в новых условиях храму также предстояло сыграть важную политическую роль – а именно, привлечь «пробуждающийся» многомиллионный буддийский Восток к Красной России, другу и защитнице всех угнетенных народов⁴.

³ Амур-Санан. Ключи Востока // Жизнь национальностей. 1919. 26 мая. № 19 (27).

⁴ О роли буддийского храма в деле советско-тибетского политического сближения см.: Andreyev A. The Buddhist Temple in Petersburg and the Russo-Tibetan Rapprochement // Tibetan Studies. Proceedings of the 6th Seminar of the International Association for Tibetan Studies. Fagernes 1992 (ed. Per Kvaern.) Vol. 1. Oslo, 1994. Pp. 1-6.

Тем временем покинутый ламами храм в Старой Деревне пребывал в вынужденном запустении. После отъезда Доржиева из Петрограда в доме-общежитии поселился недавно ставший академиком Ф.И. Щербатской, которому Хамбо-лама поручил присматривать за «общевосточной святыней». Однако осенью 1919 года во время наступления Юденича на Петроград на территории храма – несмотря на протесты Щербатского – разместилась красноармейская часть. Её командир выселил ученого из

занимаемой квартиры, заверив его, впрочем, что постой красноармейцев не нанесет храмовой усадьбе никакого ущерба. Храм в присутствии ученого был заперт на ключ и опечатан. Тем не менее, вскоре после этого он подвергся страшному разгрому и осквернению. Похищены были практически все предметы, имевшие какую-либо ценность, вплоть до металлических дверных ручек и гвоздей – медные, бронзовые и позолоченные статуэтки-«бурханы», серебряные жертвенные сосуды, драпировки из китайской парчи, посуда и мебель, меха и материи. У статуи большого Будды погромщики отбили голову и проломили отверстие в груди, надеясь найти спрятанные внутри драгоценности; варварски уничтожили храмовую библиотеку, состоящую в основном из монгольских и тибетских книг. Бесследно исчезла и собранная Доржиевым коллекция ценнейших документов, относящихся к его многолетней дипломатической деятельности и освещавших характер взаимоотношений с Тибетом в 1890-1910 годы трех соперничающих держав – России, Англии и Китая.

Первым, кто узнал о погроме в храме и забил тревогу, был Карл Теннисон, вернувшийся в Петроград в июне 1920 года. Он незамедлительно заявил о происшедшем в Губчека и поставил в известность Доржиева, в то время всё ещё находившегося в Калмыкии. Добраться до Петрограда Хамбо-лама смог, однако, лишь в сентябре. Потрясенный увиденным, он тут же направляет протест в НКВД РСФСР. Заявление Доржиева, датированное 1 октября, в котором он рассказывает о случившемся и подробно перечисляет все понесенные храмом утраты, а также называет имена виновных – красноармейскую часть и ее командира⁵, уже через три дня было передано председателю Петроградского Совета Г.И. Зиновьеву. В сопроводительной записке за подписью заместителя наркома Л.М. Карахана и заведующего отделом Востока Я.Д. Янсона внимание Зиновьева обращалось на «возму-

⁵ См.: ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 2567а. Лл. 13-15. Заявление Доржиева на имя зав. отделом Востока НКВД Я.Д. Янсона датировано 1 октября 1920.

тительное расхищение и разрушение буддийского храма; факт его разрушения преступен не только по отношению к исторической ценности, но подорвет всякое доверие буддистов к Советской России, если до их слуха дойдет известие о гибели храма»⁶.

⁶ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 2567а. Л. 3.

Несколько дней спустя (7 октября) здание храма тщательно осмотрела созданная НКВД специальная комиссия при участии С.Ф.Ольденбурга, члена недавно прибывшей в Москву «чрезвычайной Монгольской миссии» С.Жамбалона, заведующего хозяйственным отделом НКВД Э.М.Михайлова и двух инженеров технического подотдела С.С.Кричинского и И.Н.Брусова. Результаты обследования оказались весьма неутешительными. В составленном тогда же комиссией акте содержалось подробное описание повреждений храма:

«У центральной статуи Будды, сделанной из гипса, отбита голова и грудь, повреждены позолота и окраска.

Стены в притворе у алтаря покрыты плесенью и разрушаются от сырости. Штукатурка стен местами сильно попорчена – истыкана штыками и изрублена топорами; повреждена также и стильная окраска стен.

Водопроводная сеть и приборы приведены в совершенно негодное состояние. Центральное отопление не действует; котел, обслуживающий отопление, находящийся в подвальном помещении, сильно попорчен – арматура снята и увезена, верхний кожух помят и сильно проржавлен.

В окнах частью выбиты стекла. Во всех дверях и частично в окнах похищены ручки, шпингалеты и другие приборы.

Центральный фонарь, размером около 3 саж. в квадрате, служащий для дневного освещения храма, совершенно лишен стекол, вследствие чего дождь и снег, проникая в храм, разрушают внутреннюю отделку.

Подвальный этаж загрязнен и требует очистки, так как такое состояние подвала крайне вредно отражается на санитарном состоянии храма и жилых помещений при нем (келий для монахов).

Крыши и вентиляционные трубы сильно разрушены – железом похищено, частью сильно проржавлено.

Фасад храма сохранился вполне удовлетворительно, так как гранитная облицовка стен спасла его от разрушений. Сточные дождевые трубы частью похищены, деревянная стилизная отделка дверей портала – канелюры, местами сильно попорчена.

На основании изложенного Комиссия находит необходимым в целях сохранения буддийского храма от дальнейших разрушений произвести в срочном порядке ремонт его»⁷.

⁷ Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. 643. Д. 1. Л. 18.

Побывавший затем (26 октября) в храме «для расследования дела по заявлению представителя Тибета Агвана Доржиева» старший инспектор бюро жалоб и заявлений при Рабоче-крестьянской инспекции в Петрограде Г.Л.Пинкус подтвердил факт разграбления храма. В составленном им акте, со ссылкой на Теннисона, приводились некоторые довольно любопытные подробности. Так, выяснилось, что из храма, помимо прочего, было похищено «около 300 штук серебряных и золотых карманных часов», предназначенных в качестве подарков рабочим. Теннисон также рассказал инспектору Рабкрину, что в первые дни после его возвращения в Петроград в храм пыталась проникнуть группа людей из местных жителей, вооруженных пилами и топорами – «очевидно, собиравшихся разбить двери и вообще деревянные части храма», – однако он оказал им сопротивление и впоследствии подобные попытки более не повторялись. Что касается собственного расследования ПЧК, которое, как удалось выяснить латышскому буддисту, вел следователь С. Матвеев, то оно не дало никаких результатов «в смысле обнаружения виновных или расхищенного имущества»⁸. А. Доржиев, однако, в своем заявлении говорит о том, что ЧК задержала семерых красноармейцев и даже «отстранила от должности» их командира. Но эти меры, разумеется, не могли возместить храму понесенных утрат.

⁸ ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 2567а. Лл. 8-12.

Тот же Доржиев рассказывает, между прочим, что извлеченные из статуи Будды «свитки священных изречений и молитв» появились затем на городских рынках, где ими бойко торговали в качестве папиросной бумаги.

*Алтарь храма после демонтажа статуи большого Будды,
1938 (архив А.И.Бреславца)*

Глава 7

Под эгидой чичеринского Наркоминдела

В конце октября того же 1920 года вопрос о Петроградском буддийском храме оживленно обсуждался в стенах НКИД на Кузнецком мосту при участии Щербатского и Доржиева. Было принято решение: Наркоминдел берет храм под свое покровительство, выделит необходимые средства на его ремонт и осуществит таковой своими силами в кратчайшие сроки. Спешка в данном случае объяснялась большими тибетскими и монгольскими планами НКИД – намерением в ближайшем будущем отправить в Лхасу дипломатическую миссию (которой, несомненно, пришлось бы информировать Далай-ламу о состоянии храма) и ожиданием приезда в Петроград делегаций из буддийских стран, прежде всего из Монголии и Тибета. Именно по этой причине Наркоминдел, в отличие от царского МИД, считал необходимым официально признать А. Доржиева «представителем Тибета в РСФСР» и выдать ему соответствующий мандат, гарантирующий его личную неприкосновенность «как Почетного гостя Советской России»¹.

Доржиеву, однако, пришлось приложить немало усилий, чтобы добиться выселения красноармейской части – 7-ой батареи 3-го отдельного противосамолетного дивизиона АОН (Армии особого назначения) – из занятых ею домов при храме. 20 августа 1921 года его заместитель – секретарь «Представительства Тибетского Правительства в РСФСР» Галан Галзотов – обратился с письмом в управление Петроградской городской военнотехнической дистанции (так наз. Петровид), в котором, в частности, говорилось:

¹ Удостоверение НКИД за подписью Карахана и Янсона было выдано Доржиеву 22 октября 1920. См.: Страницы из жизни Агвана Доржиева. Архивные документы. Улан-Удэ, 1993. С. 100.

слева:

*Статуя большого Будды в нижнем алтаре, 1930-е гг.
(архив В.А. Иванова)*

«В настоящее время при возобновлении сношений России с Монголией и Тибетом предполагается открыть в этих домах интернаты для учащихся, намеревающихся прибыть для получения образования в Петроград из Монголии, Тибета и Д.В.Р. Прибытие первой партии учеников ожидается в скором будущем. Поэтому необходимо освобождение этих домов от воинских частей и приведение их в жилой вид»².

² Страницы из жизни Агвана Доржиева. Архивные документы. Улан-Удэ, 1993. С. 70-71

В письме также содержалось требование вернуть заведующему храмом (Карлу Теннисону) экспроприированную военными мебель. В результате осенью 1921 года храмовая усадьба, хотя и в сильно поврежденном виде, вновь оказалась в руках Доржиева.

Тем временем Наркоминделу удалось осуществить кое-какие ремонтные работы в храме, которые, однако, мало удовлетворили Доржиева. Летом того же года он писал Чичерину:

«Теперь за мою последнюю поездку в Петроград при осмотре буддийского храма выяснилось, что с октября месяца прошлого года работа по ремонту храма велась весьма несистематично и не дала желаемых результатов, лишь истрачено около двух миллионов рублей без существенной пользы. За все это время вставлены несколько дверных замков, вычищен подвал, начата в некоторых местах окраска стен и верхний фонарь, освещающий внутренность храма, вместо остекления закрыт кое-как досками, так что при сильном дожде вода свободно проникает во внутренность и разрушает внутреннюю отделку храма. Хотя центральная статуя Будды исправлена, но, благодаря незнанию и неопытности мастера, сделана очень неумело, поэтому голову статуи придется переделать заново»³.

³ Там же. С. 67. Копия письма Доржиева, датирована 18 июля 1921.

В этом письме Доржиев, будучи искусным дипломатом, вновь делает акцент на значении храма для «политики Советской России сближения и установления тесной связи с Монголией и Тибетом». А потому «разгромленное

и оскверненное состояние Петроградского буддийского храма, находящегося под особым покровительством Далай-ламы... несомненно будет иметь отрицательное значение для окончательного укрепления желаемых связей с буддийским миром. Тем более, когда ожидается оживленный приток монгольских представителей и к весне ожидается Тибетская миссия, среди которых будет немало влиятельных лиц, приглядывающихся к Советской России...» Доржиев далее не преминул сообщить наркомму, что он до сих пор неоднократно писал этим «влиятельным лицам» о «целости и сохранности храма и о его ремонте Советской властью ввиду мелких повреждений». Поэтому, заключал он, «необходимо до мая месяца будущего (т.е. 1922) года привести храм в порядок как внутри, так и снаружи и заполнить его надлежащими статуями, рисунками, парчовыми и шелковыми украшениями и обстановкой». Такие статуи и рисунки уже были заказаны им в Тибете. Что касается самого ремонта, то, как утверждал Доржиев, он «мог бы взять его на себя, не затрудняя этим Наркоминдел», если бы не прерванная связь с тибетским правительством, лишившая его «средств не только на ремонт храма, но и на свое личное содержание». Письмо Доржиева заканчивалось рядом конкретных просьб к Чичерину:

«На основании изложенного имею честь просить во имя общих интересов укрепления дружества Советской России и народов Востока:

1. Дать твердое распоряжение уполномоченному Наркоминдела в Петрограде срочно произвести ремонт буддийского храма, поручив производство работ инженеру Наркоминдела Кричинскому. В помощь Кричинскому дать гражданского инженера Берзена, архитектора, строившего этот храм, как человека, знакомого со всеми деталями постройки и архитектуры храма, для объяснения и дачи архитектору Кричинскому необходимых указаний. Так как

и петроградский уполномоченный рекомендовал Кричинского как лучшего архитектора и вполне соглашался с мыслью о необходимости при нем человека, знакомого со стилем и деталями постройки храма.

2. Снабдить архитектора всеми необходимыми для срочного производства работ средствами, материалами и рабочими.

3. Отпустить 832 аршина парчи для заказа внутренних украшений»⁴.

⁴ Страницы из жизни Агвана Доржиева... С. 68-69.

В тот же день (18 июля) Доржиев подал еще одну докладную записку в НКВД, в которой предлагал создать при буддийском храме в Петрограде нечто вроде базы подготовки национальных кадров – специалистов в разных областях знаний для Бурятии, Калмыкии, Монголии и Тибета. Необходимость такого шага мотивировалась желанием народов названных стран приступить к строительству своими силами новой жизни, на революционных началах. Более конкретно речь шла об устройстве общежития-интерната для учащихся только что открытого в Петрограде Института живых восточных языков (ПИЖВЯ, после 1924 года ЛИЖВЯ) в двух принадлежащих храму домах, после их ремонта. То, что местом для создания такой базы был выбран именно Петроград, Доржиев объяснял двумя факторами – во-первых, тем, что город традиционно является крупнейшим востоковедным центром России, и, во-вторых, потому, что «там находится единственный в Западной Европе настоящий буддийский храм», – «факт, служащий для темного пока бурят-монгольского населения особенно убедительным стимулом для отправки своей молодежи на чужбину для приобретения знаний»⁵. Эту свою идею Доржиев далее развивает в очередном письме к руководству Наркоминдела от 19 октября. (Отметим, что произошло это вскоре после отправки Чичериным секретной советской миссии в Лхасу, в организации которой Доржиев принимал самое деятельное участие.) В целях создания наиболее благоприятных условий проживания

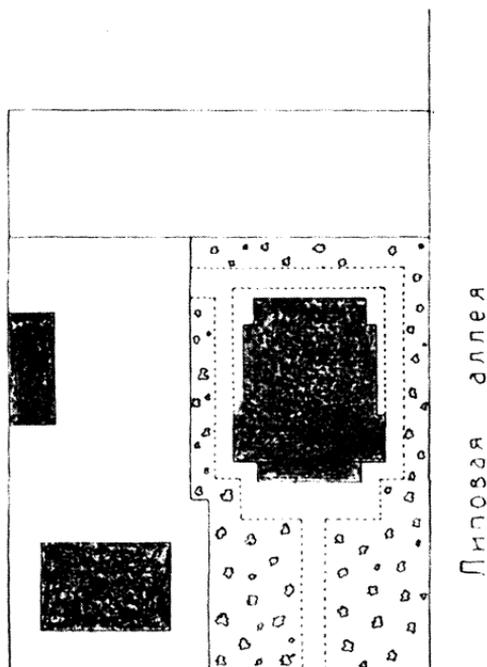
⁵ Там же. С. 34-36.

Справа:

План тибетской миссии, 1922 г. (?). (Архив СПФ РАН)

ПЛАН

дворового места, принадлежащего Тибетской миссии, находящегося в Поводеревенском районе по Благовещенск. ул. № 13 и 15 и по Липовой ал. № 4.

- а - храм
- б - дом для жилья
- в - надворный флигель

План с натурою верен

Гражданский Инженер *Григорьев*

Благовещенская улица

Сим удостоверяется, что указанные на плане участки принадлежат Тибетской миссии

р. Малая Невка

«курсантов» из восточных стран в Петрограде он предлагает организовать регулярную доставку продовольствия для них, «для чего необходимо будет иметь особый вагон, который будет постоянно курсировать между Петроградом и Верхнеудинском», а также говорит о необходимости устройства небольшого огорода при храме. По мере увеличения числа учащихся потребуется дополнительная площадь, поэтому Доржиев также просил «предоставить храму» пустующую соседнюю дачу Исаева⁶.

⁶ Страницы из жизни
Агвана Доржиева...
С. 37-38.

В Наркоминделе к предложениям Доржиева в целом отнеслись положительно, хотя некоторые из них, как, например, регулярные поставки продовольствия из Забайкалья, были явно нереалистичными. А вскоре после возвращения из Лхасы советских эмиссаров во главе с калмыком-коммунистом В.А. Хомутниковым, в конце 1922 года, Доржиев, с одобрения НКВД, учреждает при буддийском храме неофициальную Тибетскую миссию. По существу, это было дипломатическое представительство Тибетского государства – не признанного пока что остальным мировым сообществом – на территории РСФСР.

Одновременно – опять же с ведома и под эгидой НКИД – Доржиев создает Монгольскую миссию, в дополнение к уже действовавшему в Москве официальному представительству Автономной Монголии. Обе новоиспеченные миссии Доржиева в дальнейшем будут главным образом заведовать делами прибывающих в Петроград для обучения в ИЖВЯ монгольских и тибетских студентов. Тогда же Наркоминдел передал в распоряжение Тибетской и Монгольской миссий храмовую усадьбу со всеми её строениями – тремя каменными домами, не зная, однако, что один из домов (тот, который принадлежал Исаеву) был ранее (29 сентября 1922 года) отдан Губоткомхозом в пожизненную аренду некоему Макарову, заведующему дровяным складом Петровида. 23 июня 1923 года президиум Петрогубисполкома закрепил за буддийским храмом земельный участок в Старой Деревне (сроком до 1 ноября 1934 года), однако отказался расторгнуть заключенный ранее с Макаровым арендный договор. Наркоминдел решительно воспротивился такому решению. В письме Л.М. Карахана, направленном в этот высший административный орган Петроградской губернии, говорилось:

«НКИД не может согласиться с фактом неправильной передачи гр. Макарову д. № 4 по Липовой аллее Старой Деревни в Петрограде, принадлежащего буддийскому храму и закрепленного за последним в лице Монгольской миссии по распоряжению наркома земледелия Яковенко еще в конце прошлого года, согласно переписке с наркомом т. Чичериным.

Дом № 4 по Липовой аллее в Старой Деревне, а также № 15 по Благовещенской ул. и служебный дом с прачечной и баней и дом с кухней в буддийском храме принадлежат последнему и закреплены за Монгольско-Тибетской миссиями, о чем Петроградскому губземотделу должно быть известно, ввиду имевшихся по этому поводу с ним переговоров и переписки с НКИД и НКЗ»⁷.

⁷ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 7. Д. 49. Л. 152об, 155.

Слева:

Группа востоковедов вместе с руководителями Тибето-Монгольской миссии на террасе буддийского храма, 1925 г.

Слева направо: Б.Я. Владимирцов, П.И. Воробьев, И.Н. Бороздин, А. Доржиев, В.М. Алексеев, Б.Н. Очиров (архив М.В. Баньковской)

«Демарш» Карахана, однако, не возымел действия. В то же время Доржиеву удалось добиться того, что буддийский храм был взят под охрану государством как уникальный памятник искусства, что до некоторой степени гарантировало ему сохранность. Доржиев обратился с ходатайством в Коллегию по делам музеев фактически еще в сентябре 1920 года.

«В настоящее время позволю себе, как представителю многомиллионных буддистов, — писал он в нём, — просить Коллегию о принятии соответствующих мер по охране храма, который мы желали бы превратить в храм-музей буддизма. <...> Мы, буддисты, питаем надежду, что новый строй России оберегает нам наши духовные и художественные ценности, и поэтому просим о действительной охране нашего храма-музея от порчи и дальнейшего разгрома»⁸.

⁸ Страницы из жизни
Агвана Доржиева...
С. 72-73.

В результате управление Государственного музейного фонда включило храм в список подведомственных ему учреждений (составлен 3 июля 1922 года), наряду со знаменитыми петербургскими дворцами (Михайловским, Елагиным, Мариинским, Летним, Аничковым), Петропавловским собором и Домиком Петра Великого. Произошло это вопреки заключению Реставрационного отдела Главнауки в Петрограде, который не признал буддийский храм «заслуживающим охраны как памятник искусства»⁹.

К этому времени НКИДу удалось завершить реставрацию храма, которая в основном носила характер косметического ремонта, — в первую очередь были произведены работы «для предохранения храма от дальнейшей порчи» и устранения следов вандализма. Руководили ремонтом С.С. Кричинский и И.Н. Брусов. Внешний надзор за работами осуществлял академик С.Ф. Ольденбург. Предметы буддийского культа для разоренного храма Доржиеву

⁹ ЦГА СПб. Ф. 2555.
Оп. 1. Д. 486. Л. 30.
Письмо в управление
ГМФ от 26 июня
1922.

удалось собрать среди бурят и калмыков в тяжелейших условиях голода и разрухи. И.Д. Хлопина, вспоминая это нелегкое для страны время, писала в кратком очерке, посвященном семье Ольденбургов:

«Он (С.Ф. Ольденбург) считался не только лучшим санскритологом, но и лучшим знатоком буддизма. Мы были уверены, что он буддист, да и не только мы. Буддисты Тибета почитали его за бодисаттву, ездили к нему на поклонение, привозили ему ароматические курительные свечи и голубые шали из шелка-сырца, легкие, как одуванчики, и цеплявшие за пальцы. Привозили ему рис, он ел его каждый день.

Он покровительствовал буддийскому храму, что в Старой Деревне; по делам этого храма к нему постоянно приходил буддийский монах, некто Теннисон, зимой и летом босиком, с длинной путаной бородой и взлохмаченными волосами. Я бывала в этом храме с огромной свастикой, выложенной на каменном полу, множеством будд всех размеров, с подаяниями риса на их вывернутых ладонях и курительными свечами, с громадными метровыми трубами на полу и с большими раковинами того же назначения, в которые дудели при богослужениях, и молитвенными трещотками»¹⁰.

¹⁰ Хлопина И.Д. У Ольденбургов. Рукопись. Машинописная копия (из архива автора).

Наряду с Ольденбургом самое горячее участие в реставрации храма принимал и Карл Теннисон, исполнявший в 1920–1922 годах по поручению Доржиева должность его настоятеля – по существу, завхоза. О Теннисоне следует рассказать чуть подробнее. Приверженец учения Л.Н. Толстого (как и Ольденбург), он в то же время был и ревностным буддистом. В воспоминаниях уже упоминавшегося нами Фридриха Люстига он предстает как весьма эксцентричный, не от мира сего человек, одержимый буддийскими идеями кармы и необходимости искупления своих грехов. Любопытна и зарисовка Б. Филиппова, относящаяся к тому же времени: «Забегал в Восточный институт (ПИЖВЯ. – А.А.) в те годы всегда – в лето и в зиму – босой и в одном ветхом балахоне рыжий эстонец

или прибалтийский немец Теннисон, вообразивший себя буддийским монахом высокого посвящения и самовольно вселившийся в жилой дом буддийского монастыря в Новой Деревне (окраина Питера). Бегавший пешком по всему городу, всегда радостно улыбающийся, он не знал ни одного из языков буддийского мира, но искренне по-

Вверху:

А. Доржиев в Бурятии, сер. 1920-х (архив Музея истории Бурятии, Улан-Удэ)

читался приезжими калмыцкими и бурятскими ламами за подлинный крайний аскетизм. Они охотно принимали и его благословения и его посвящения»¹¹. В конце 1922 года, однако, Теннисон неожиданно и навсегда покинул Петроград. Через некоторое время «балтийский Махатма» (как его впоследствии станут называть) объявился в Риге, в буддийском храме Иманта. Там-то Теннисон и познакомился с другим буддистом, своим будущим учеником эстонцем Фридрихом Люстигом. Вместе они затем (в конце 1930 года) отправились в Париж, где Люстиг поступил в Сорбонну. Однако уже через год оба прибалта покинули Францию. После долгих скитаний по странам Восточной Азии Теннисон и Люстиг окончательно осели в столице Бирмы, поселившись при знаменитой Большой Шведагонской пагоде в Рангуне. Здесь в 1962 году 89-летним старцем Теннисон и завершил очередной круг своей земной жизни, прожитой в облики буддийского монаха.

¹¹ Филиппов Б.
Всплывшее в памяти
Лондон, 1990. С. 161

Летом 1923 года журнал «Новый Восток», издававшийся Всесоюзной ассоциацией востоковедения, опубликовал пространную статью референта Восточного отдела НКВД Л.Е. Берлина, посвященную А. Доржиеву. Статья называлась «Хамбо Агван Доржиев. (К борьбе Тибета за независимость.)» и была фактически приурочена к 70-летию тибетского дипломата. В ней Берлин давал довольно высокую оценку работе Доржиева в области внешней политики, отмечая, что ее результатом стало «фактическое освобождение Тибета от векового господства над ним Китая и длительная задержка Англии в деле захвата Тибета». О нынешнем тесном сотрудничестве Доржиева с НКВД Берлин, разумеется, умалчал, хотя в то же время он счел возможным поведать советским читателям о его прогрессивной общественной и религиозной деятельности. Так, в 1921 году, в период голода в Калмыцкой степи, Доржиев, направившись в Монголию и в бурятские авто-

номные области РСФСР и бывшей ДВР, «содействовал своей исключительной энергией и инициативой сбору пожертвований для калмыков и отправке им продовольствия и денежных сумм». Следующий 1922 год Хамбо-лама провел в основном среди своих сородичей-бурят, «проповедуя начала новой буддийской церкви применительно к течению, захватившему русскую православную церковь, и к новым политическим и экономическим условиям русской жизни»¹². (Речь идет об обновленческом движении.)

¹² Берлин Л.Е. Хамбо Агван Доржиев. (К борьбе Тибета за независимость.) // Новый Восток. 1923. № 3. С. 155.

И всё же Доржиеву, несмотря на его большие успехи на дипломатическом и общественном поприщах, не удалось сделать главного – вернуть жизнь в буддийский храм. Ни в Бурятии, ни в Калмыкии не нашлось монахов, которые согласились бы отправиться в голодный и запустелый Петроград. Прежний же настоятель храма Содном-Джамцо умер в начале 1920-х годов от тифа в Аге (поселок Агинский в Читинской обл.), откуда был родом. Известно, что Доржиев в первые годы после гражданской войны пытался устроить в храме международную выставку с лекциями, аналогичную знаменитой 1-ой Петербургской буддийской выставке, проходившей в Русском музее в августе – сентябре 1919 года. С лекциями на ней тогда выступили академики С.Ф.Ольденбург и Ф.И.Щербатской, профессора О.О.Розенберг, Б.Я.Владимирцов и В.М.Алексеев. Впервые о новой выставке Доржиев заговорил в 1922 году, в связи с начатым им движением за реформирование («обновление») буддийской церкви. Она, по его мысли, должна была показать, что буддизм не сопоставим с другими мировыми религиями, поскольку в своей основе является вовсе не религией, а философской доктриной. (Буддизм, утверждал Доржиев, «есть учение об освобождении от темноты и невежества путем познания и достижения высшей степени интеллектуального развития»¹³.) Из его затеи, однако, ничего не вышло. Три года спустя Доржиев вновь хлопочет о буддийской

¹³ Герасимова К.М. Обновленческое движение бурятского ламанского духовенства. С. 162.

выставке, пытаясь приурочить ее к 200-летию юбилею Российской Академии наук. И снова его ожидала неудача. В письме к Бандидо Хамбо-ламе – всего за два месяца до начала юбилейных торжеств – он писал:

«С целью иллюстрации и дачи толчка многим ученым судить то, что божественная буддийская религия не подвдима под аналогию других религий, постановлено устроить в Питерском храме выставку. Предложено подготовить и обставить выставку весьма именовито, но за отсутствием средств и пустотой нахожусь в удивленном затруднении»¹⁴.

Судьба храма – на фоне закрытия властями многих православных и инославных церквей в городе^{14а}, – несомненно, вызывала определенную тревогу у Доржиева. Именно этим, вероятно, можно объяснить его довольно странный, на первый взгляд, поступок – 19 января 1924 года он обратился к монгольскому правительству с предложением передать Петроградский храм во владение Монголии. В исторической справке о храме, составленной Монгольским фондом культуры, этот шаг мотивировался тем, что «к 1924 году он (Доржиев) остался почти один, и не стало возможным вести богослужения»¹⁵. И действительно, находясь в преклонном возрасте, Доржиев не мог не задумываться о будущем своего любимого детища, буддийского храма. Стоит напомнить читателю в этой связи о том, что в Бурят-Монгольской АССР в это время уже приступили к национализации дацанов и их имущества и обложению лам подоходным налогом. Побывавший летом 1924 года в Забайкалье академик Щербатской оставил нам довольно красноречивое свидетельство о том времени:

«Для буддизма обстоятельства складываются неблагоприятно. Из трех дацанов, стараниями Агвана не так давно открытых в Иркутской губ., два уже закрылись, ламы разбежались,

¹⁴ Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 657. Письмо Доржиева датировано 25 июня 1925.

^{14а} Согласно официальным данным, в Петрограде – Ленинграде в период с 1917 по 1927 год было закрыто 334 церкви, как православных, так и инославных. (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 23.)

¹⁵ Эта справка вместе с копиями других документов из архива МИД МНР была передана в 1989 году монгольским писателем, секретарем Монгольского фонда культуры Л. Дарьсурэном Музею истории религии и атеизма (МИРА) и некоторым частным лицам в Ленинграде.

а строения национализированы. Сначала уходят «хуваки» (буддийские послушники. — А.А.), и в особых школах им открывают глаза, только на противоречия буддийского учения современной науке, юноши принимаются в комсомол и как комсомольцы возвращаются агитаторами к дацану. При всех торжествах и праздниках устраивают митинги, напр. в Ацагатском дацане процессия с Майдари направляется слева направо, а навстречу идет с красными флагами комсомольская процессия, и при встрече устраивается митинг, на котором ламы поносятся как тунеядцы и эксплуататоры народной темноты. «Хуварак», по-видимому, накануне исчезновения как тип, ибо и закон запрещает прием в религиозные школы юношей до 18 лет. Дацаны, с точки зрения закона, рассматриваются как доходные предприятия, каждый лама облагается налогом от 20 до 90 р. по рангу, чего теперь большинство заплатит не может, и покидают дацаны. <...> Агван ведет какую-то политику и, по-видимому, не теряет надежды. Он в хороших отношениях с правителями, сейчас он в Урге, на каком-то съезде, по приглашению Жамцарано. Его значение усиливается тем, что он представляет Тибет и состоит под особым покровительством Наркоминдела»¹⁶.

¹⁶ Архив СПФ РАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 685. Л. 166. Письмо Шербатского Ольденбургу из Верхнеудинска от 1 сентября 1924.

*Вверху:
Монгольские студенты на ступенях храма, 1925 (ЦГАКФФД)*

В этой зарисовке Щербатского, возможно, кроется разгадка непатриотичного поступка Доржиева.

А тем временем в соседней Монголии происходили события эпохального значения. В мае 1924 года в Урге умирает престарелый Богдо-гэгэн (8-ой Джебзун-Дамба Хутухта) – «конституционный монарх» и глава буддийской церкви Монголии, и страна в одночасье, с благословения Москвы и Коминтерна, становится «народной республикой». Доржиев, на правах представителя дружественного и единоверческого Тибета, приветствовал 1-ый Великий Хурулдан, узаконивший новый общественный строй монгольских аратов. Доржиеву, очевидно, не могли не импонировать заявления новых правителей Монголии о намерении оказывать покровительство «делу религии», поскольку монгольский народ искони исповедует «учение великого Сакия-Муни». Поэтому уже в следующем году одна треть конфискованного личного имущества Богдо-гэгэна по распоряжению властей была передана на нужды церкви. (Что, разумеется, было вынужденной уступкой влиятельному монгольскому ламству.)

Вскоре после окончания Хурулдана – 18 ноября – министр иностранных дел МНР Амор, идя навстречу пожеланиям Доржиева, вручил ему следующее удостоверение:

«Выдано сие Хамбо Агван Доржиеву в том, что сооруженный по инициативе Далай-ламы и Чжебзун-Дамба-Хутухты в г. Ленинграде буддийский храм с пристройками ныне передан в распоряжение Монгольского Правительства, которое передало [его] своему Ученому Комитету.

Каковыми могут пользоваться все учащиеся Монголии, находящиеся в названном городе, а равно все лица, командируемые туда Монгольским Правительством.

Заведующим названным храмом и пристройками, а равно наставником над монгольскими учащимися в названном городе назначается Хамбо Агван Доржиев.

А посему должностные лица и учреждения СССР бла-

говолят в потребных случаях оказывать ему, А. Доржиеву, законное содействие.

Ради сего выдано настоящее Министерством иностранных дел за надлежащими подписями и приложением печати»¹⁷.

(Отметим здесь, что главой Ученого комитета был хорошо знакомый Доржиеву бурятский ученый и просветитель Цыбен Жамцарано, эмигрировавший в 1921 году, как и многие другие представители бурятской интеллигенции, в Монголию.)

¹⁷ НАРБ. Ф. 643. Д. 7. Л. 62. Монгольский Ученый комитет (Монучком) был создан постановлением правительства Монголии от 9 ноября 1921. В 1930 переименован в Комитет наук МНР, в 1961 преобразован в Академию наук МНР.

В самом конце 1924 года из Урги в Ленинград – на учебу – отправилась первая группа монгольской молодежи, в составе 15 человек. По прибытии их зачислили на двухгодичное подготовительное отделение ЛИЖВЯ и поселили в доме-общежитии при храме в Старой Деревне, под бдительным присмотром заместителя Доржиева, бурята Бадмы Намжила Очирова. Бывший лама, он около десяти лет обучался буддийским наукам в Лхасе и вернулся в Россию осенью 1922 года, по-видимому вместе с Советской миссией. Очиров и калмык Лувсан Шараб Тепкин, в прошлом личный секретарь Далай-ламы, также вернувшийся на родину в 1922 году, стали затем помощниками Доржиева по управлению делами Монгольской и Тибетской миссий. Оба они в 1923-1924 годах преподавали в том же институте, где пользовались большим уважением своих русских коллег¹⁸. Немецкий буддолог В. Ункриг в очерке «Последние десятилетия ламаизма в России» упоминает о своем посещении храма в этот период и о встрече с Очировым и Тепкиным, которые поразили его своей ученостью. «Петербургские ламы известны мне как тихие и дружелюбные люди. Двое из них проявляли огромный интерес к санскритской буддийской терминологии, практически утраченной вероучением, и они записали несколько выражений, которые я продиктовал им. Поводом для контакта, так сказать, послужили культовые

¹⁸ Об Очирове и Тепкине см.: Андреев А.И. Буддийские ламы из Старой Деревни // Невский архив. Москва; С.-Петербург, 1993. С. 327-328.

предметы и статуэтки богов в зале, находившиеся в небольшом шкафу»¹⁹. (Возможно, речь идет о застекленном шкафчике из красного дерева с множеством миниатюрных будд, стоявшем рядом с главным алтарем.) Рассказывая о храме, Ункриг, между прочим, сообщает, что несколько комнат, расположенных на втором этаже, над порталом здания, были отведены для бывшего Бандидо Хамбо-ламы Д.-Д.Итигелова, который вскоре (в 1927) скончался в Забайкалье. (Его немумифицированное тело, не тронутое тлением, было извлечено из земли осенью 2002 года, вызвав настоящую сенсацию среди российских буддистов.)

В 1925 году в Ленинград по путевкам МНРП и ревсомола (монгольский аналог комсомола) прибыла еще одна группа монголов, а также четверо тибетских юношей, «командированных» в СССР лично Далай-ламой (как утверждал Доржиев). Преподававший в институте Б.Я.Владимирцов сообщал в начале 1925 года В.Л.Котвичу, недавно эмигрировавшему в Польшу:

«Бесконечная возня в Восточном институте, куда приехала масса монголов. <...> Монгольское правительство командировало сюда в Институт 15 халхасов (северных монголов. – А.А.) и 5 бурят для подготовки из них переводчиков русского и английского языков. Все молодые ребята, среди них Мерген гун (сын известного монгольского князя – «гуна» – Мергена. – А.А.). Кроме того, в настоящем году поступит много бурят и калмыков, причем есть несколько человек, довольно хорошо подготовленных»²⁰.

Владимирцов и другие востоковеды в эти годы продолжали поддерживать теплые дружеские отношения с «Хамбо» (буквально Настоятелем), как они уважительно величали Доржиева. Благодаря ему им удалось завязать контакты с учеными ламами, этими живыми носителями древней буддийской традиции, и получать их ценные советы и консультации, столь необходимые при работе

¹⁹ Unkrieg W.A. Aus den Letzten Jahrzehnten des Lamaismus in Russland // Zeitschrift für Buddhismus und verwandte Gebeite. № VII. München-Neuberg, 1926. S. 146.

²⁰ Архив СПФ ИВ РАН. Ф. 761. Оп. 1. Д. 5. Л. 21. Письмо Владимирцова Котвичу, 4 января 1925.

над труднейшими монгольскими и тибетскими текстами. Так, летом 1923 года тот же Владимирцов поселился вместе с семьей при храме, о чем не преминул сообщить В.Л. Котвичу: «Прошрое лето мы провели в доме при буддийском храме; приезжал Хамбо и много лам, среди которых было несколько очень ученых и бывалых, проживших долго в Тибете. Удалось довольно много позаниматься с ними. Летом же я закончил Index verborum и Boddhicaryavatara: тибето-монгольско-русский»²¹.

Летом того же года в том же самом «буддийском доме» с разрешения Доржиева поселился еще один русский ученый А.В. Барченко, имя которого в начале 1990-х годов довольно неожиданно привлекло к себе всеобщее внимание. Биолог и парапсихолог, Барченко также много общался с приезжими ламами, от которых узнал о религиозно-философской системе Калачакры, что подвигло его на создание собственного эзотерического учения «Дюнхор», с помощью которого он пытался затем просветить большевистскую элиту в Москве. Известно, что весной-летом 1925 года А.В. Барченко предпринял попытку организовать – при поддержке ОГПУ и НКВД – экспедицию в Западный Афганистан и Тибет для отыскания остатков древнейшей доисторической культуры, которую он отождествлял с легендарной Шамбалой северных буддистов²².

А между тем у Доржиева, который находился в постоянных разъездах между Ленинградом, Москвой, Бурятией и Монголией, появилась новая идея – передать храм МНР и Тибету «на правах condominiuma» (т.е. совместного владения), закрепив таковую передачу юридически, посредством заключения соответствующего договора. Во время поездки в Монголию в 1925 году он заручился одобрением своего плана монгольским правительством, где у него, как мы знаем, имелось немало друзей. В начале мая 1926 года Доржиев договорился об оформлении документов с посетившим Ленинград секретарем посла МНР Гурсэдом, а за-

²¹ Архив СПФ ИВ РАН. Ф. 761. Оп. 1. Д. 5. Л. 16. Письмо Владимирцова Котвичу от 28 сентября – 12 октября 1924.

²² Об этом см.: Андреев А.И. А.В. Барченко – русский искатель Шамбалы // Невский архив. 2001; Он же. Жизнь и искания ученого и эзотерика А.В. Барченко в кн.: Андреев А.И. Время Шамбалы. Оккультизм, наука и политика в Советской России. Спб.: М., 2002.

тем (26 мая) – уже в Москве – обратился с официальным письмом к новому полпреду МНР в СССР Боянчулгану. В нем он сообщал, что «в настоящее время ввиду неналаженности регулярных сношений между СССР и Тибетом стало довольно затруднительно постоянное наблюдение и содержание храма и находящихся при нем зданий, а также осуществление правовой охраны этого достояния. Кроме того, постоянное проживание в зданиях при храме учащихся из Монголии усилило и расширило заботы и расходы по содержанию в порядке соответствующих зданий. Полагаю, что при таком положении вещей будет вполне справедливо, если к заведованию и охране храма и прочих зданий будет привлечена в той или иной форме Монгольская Народная Республика».

В том же письме Доржиева о буддийском храме говорилось как о фактически «принадлежащем Далай-ламе, главе Тибетского государства и его правительству» и, соответственно, находящемся в его, Доржиева, ведении как представителя Далай-ламы²³. А еще через несколько дней – 1 июня – Боянчулган и Хамбо Агван Доржиев подписали договор о храме. По этому договору храм вместе с надворными постройками (двумя домами) и усадебным местом объявлялся «общим достоянием Тибета и Монголии» (ст. 1), при этом, как указывалось в примечании к этой статье, «Тибет и Монголия не имеют права разделить между собой это общее имущество, а также одна из сторон не имеет права без согласия другой передавать свое право на общее имущество третьей стороне». Согласно 2-ой статье договора, Полпредство Монголии немедленно вступало в полное владение «указанным имуществом» и брало на себя заботу как по оформлению своих прав на него, «согласно законам СССР», так и «по заведованию, охране, ремонту и содержанию такового». Полпредству же МНР принадлежали и все доходы, могущие поступить от храмового имущества (ст.3). В статье

²³ Ломакина И.И. Из истории Петербургского храма // Буддизм России. 1997. № 27. С. 39.

4 декларировалось назначение храма: «Имея в виду, что задачей храма является содействие к установлению культурной связи между Буддийским Востоком и СССР, храм должен быть доступен для всех верующих буддистов для изучения в нем учения Будды и совершения богослужения и обрядов, а также постоянного проживания в храме монахов, причем Полпредство Монголии не может требовать платы за пользование храмом и принимает на себя все расходы по содержанию храма, как то отопление, освещение и проч.». В остальных пунктах соглашения оговаривались права сторон на эксплуатацию прилегающих к храмовой усадьбе домов и особо подчеркивалась необходимость возмещения Полпредством Тибета половины всех расходов, понесенных Полпредством Монголии, в течение 10 лет со дня подписания договора. Однако, «если в течение этого срока Тибет не возместит указанных расходов, то теряет свое право совладельца всего имущества»²⁴.

²⁴ Чит. по копии с текста договора (см. прим. 15).

²⁵ Документ МИД МНР № 172 (см. прим. 15).

Несколько дней спустя (5 июня) Боянчулган, согласно монгольским источникам²⁵, отправил текст договора вместе с копией письма Агвана Доржиева (Агвандоржа) в НКИД. В своем сопроводительном письме он отметил, что монгольская сторона считает, что «передача МНР данного храма и его построек не противоречит положениям законов СССР», и выражает надежду на то, что «вопрос будет решен в пользу интересов трех стран (Монголии, Тибета и СССР)». А еще через два дня он же, по информации советских источников, направил в НКИД ноту с просьбой «об оказании любезного содействия при вводе во владение [Монгольского] Представительства указанным участком (буддийского храма) согласно законам СССР»²⁶. Наркоминдел (который, как кажется, поначалу не возражал против заключения договора о храме), вероятно, пошел бы навстречу монгольской стороне, если бы неожиданно в дело не вмешалось представительство БМ АССР при Президиуме ВЦИК, заявившее о сво-

²⁶ Ломакина И.И. Из истории... С. 40.

их претензиях. 16 июня его глава Ченкиров направил письмо с грифом «сов. секретно» председателю ЦИК Бурят-Монголии М.Н.Ербанову и секретарю Бурбкома М.М.Сахьяновой. В нем он, в частности, сообщал руководителям Бурреспублики, что все попытки договориться – «найти соответствующий модус» – с Доржиевым не дали никаких результатов. Ченкиров далее привел «основные мотивы» Доржиева для передачи храма Монголии: «1) все имущество, находясь в ведении Монголии, как иностранного государства, будет освобождено от всяких налогов и сборов, 2) монголы больше обеспечивают и гарантируют сохранность и целостность имеющегося имущества» и «3) что буряты и калмыки не принимают участия в расходах по содержанию этих зданий и не смогут производить необходимые затраты, а также включение в договор бурят и калмыков вызовет обложение [храмового имущества] налогами и сборами на общих основаниях». В заключение Ченкиров отмечал, что НКВД от утверждения договора пока воздерживается «впредь до получения от нас и калмыков определенных мнений», и предлагал: «Необходимо, по-моему, совершенно секретно вмешаться, ибо после смерти Агвана полновластными хозяевами дацана будут монголы, а буряты и калмыки, которые фактически дали деньги на постройку, не смогут совершенно [на него] претендовать»²⁷.

Руководство Калмыкии со своей стороны также протестовало против передачи храма Монголии. 13 января 1927 года этот вопрос обсуждался на президиуме облисполкома Калмыцкой автономной области. Участвовавшие в обсуждении отметили, что храм строился «исключительно на средства бурят и калмыков, являющихся жителями Советского Союза», поэтому он «бесспорно должен быть собственностью этого государства, и никакие имущественные сделки, связанные с этим храмом, без ведома СССР законными быть не могут». Любопытно, что партийное ру-

²⁷ НАРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 872. Лл. 19 и 19 об.

ководство Калмыкии не сомневалось в том, что договор с Монголией был заключен Доржиевым «помимо Союзного правительства», которое таким образом оказалось поставленным «перед совершившимся фактом». Высказывались также опасения, что передача храма Монголии и Тибету может вызвать нежелательные политические осложнения, ибо «эта передача может развязать руки врагам Советского Союза в их клеветах о преследовании буддийской религии и клевете о неспособности Советского государства охранять археологические ценности (?!), что может отразиться на наших дружеских отношениях со странами Востока». Вследствие этого Калмоблисполком просил НКВД принять все меры «к оставлению буддийского храма как собственности СССР»²⁸.

²⁸ АВПРФ. Ф. 100г. Оп. 1. Пап. 4. Д. 36. Л. 3.

Тем временем посол Монголии Боянчулган, очевидно не знаящий о протестах бурятских и калмыцких партийцев, уведомил МИД МНР о договоре, заключенном с Агвандоржем, и просил выделить средства на ремонт буддийского храма. Такие средства в размере 3000 китайских янчаней были выделены монгольским правительством в начале августа из конфискованной казны умершего Богдо-гэгэна и переведены в СССР через Монголпромбанк²⁹. Эта сумма, правда, оказалась недостаточной, и потому намеченные Доржиевым ремонтные работы в полном объеме осуществить не удалось. К тому же у «тибетского представителя» возникли новые трудности, после того как районная касса состраха потребовала от него в начале 1927 года уплаты 20% стоимости всего ремонта на страхование рабочих. Доржиев от уплаты этой суммы отказался, заявив при этом, что храм не приносит ему доходов: «Моя деятельность вообще, и в частности ремонт храма и поддержание его существования, совершенно не преследует личной пользы, а имеет некоторое политическое значение, разделяемое НКВД»³⁰.

²⁹ Документ МИД МНР № 255 от 10 августа 1926. Подписан министром народного просвещения Дашдоржем (см. прим. 15).

³⁰ АВПРФ. Ф. 100г. Оп. 1. Пап. 4. Д. 36. Л. 4.

В то же время к решению судьбы ленинградского

дацана подключилось и ОГПУ, вставшее на защиту интересов советских бурят и калмыков. 7 января 1927 года это учреждение обратилось с письмом к заведующему отделом Дальнего Востока НКВД Б.Н. Мельникову. Его авторы – заместитель начальника восточного отдела ОГПУ Н.Л. Волленберг и помощник начальника 1-го отделения Б.А. Бак – изложили собственную, довольно оригинальную, версию постройки храма. Согласно этой версии, в 1905 году находившийся в Урге Далай-лама отправил Агвана Доржиева в Петербург с богатыми подарками к царю. Доржиев использовал эту поездку для возбуждения от имени Далай-ламы – без ведома последнего (!) – ходатайства перед царским правительством о разрешении построить в Петербурге буддийский храм. Это ходатайство он впоследствии объяснил Далай-ламе желанием русского царя видеть таковой храм в своей столице. Тем самым Доржиев якобы хотел сохранить свой авторитет перед Далай-ламой, «в связи с несбывшимися его уверениями об активном вмешательстве России в тибетские дела». Добившись разрешения на постройку храма, Доржиев энергично принялся за сбор пожертвований среди бурят и калмыков. В результате им была собрана баснословная сумма – 570 тысяч рублей. Из них 70 тысяч были пожертвованы Далай-ламой, однако фактически эти деньги являлись приношениями («мандалами») тех бурят-паломников, которые посетили Ургу в 1905 году. «Отсюда видно, – заключали Волленберг и Бак, – что храм был построен целиком на средства верующих бурят и калмыков».

Последние события, связанные с передачей храма Монголии, в восточном отделе ОГПУ прокомментировали таким образом:

«В связи с требованием Ленсовета предъявить ему сведения о количестве построек, прилегающих к храму, для обложения

налогом, А. Доржиев решил путем придания храму экстерриториального значения освободиться от уплаты налогов. С этой целью он вел переговоры с монгольским правительством в лице его миссии в Москве, которые, как известно, закончились подписанием договора, по которому храм и прилегающие к нему постройки были признаны достоянием монгольского и тибетского правительства.

Парторганы Бурятии и Калмыкии передачу храма монгольскому правительству считают совершенно недопустимым.

Письмо заканчивалось просьбой ВООГПУ к Наркоминделу принять меры «к оформлению передачи храма и прилегающих к нему построек бурятскому и калмыцкому правительствам, которые уже могут войти в договорные отношения с А. Доржиевым о порядке управления и содержания храма»³¹.

³¹ АВПРФ. Ф. 100г.
Оп. 1. Пап. 4. Д. 36.
Л. 1.

В результате в середине 1927 года бурятами и калмыками – очевидно, с санкции Наркоминдела – был разработан проект нового соглашения, по которому храм признавался достоянием буддистов четырех стран, принимавших участие в его строительстве, – Тибета, Монголии, Бурятии и Калмыкии³². Оформление прав на владение храмовым имуществом по законам СССР и последующее заведение им возлагалось, согласно этому проекту, уже не на полпредство Монголии, а на специально уполномоченное лицо. Остальные статьи договора были также слегка подкорректированы исходя из основополагающего принципа о четырех совладельцах храма. Насколько можно судить, однако, этот новый договор не был подписан сторонами и, следовательно, в силу не вступил. Из доступных нам дипломатических документов этого периода, хранящихся в Архиве внешней политики Российской Федерации (АВПРФ), известно лишь, что заместитель представителя БМ АССР при Президиуме ВЦИК Г. Данчинов 13 сентября 1927 года направил проект договора в отдел Дальнего Востока НКВД, согласно отношению управделами ЦИК и

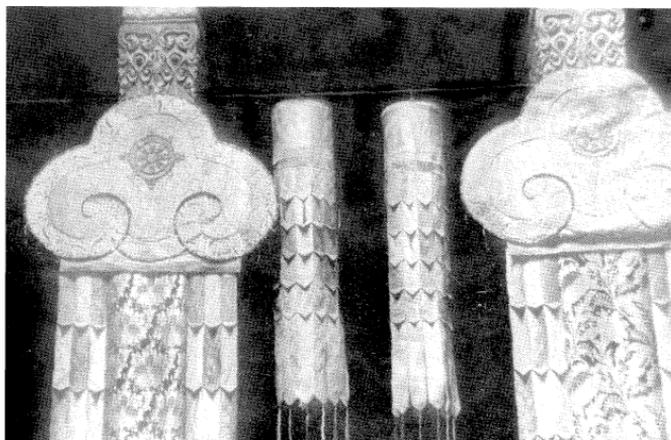
³² Там же. Л. 6.

СНК Бурреспублики от 15 августа того же года. О том, что произошло дальше, можно лишь гадать. Но для нас во всей этой довольно темной истории важно лишь одно – сам факт подготовки нового, четырехстороннего соглашения достаточно убедительно свидетельствует о том, что подписанный Боянчулганом и Доржиевым договор о храме, очевидно, не был легализован Наркоминделом.

В Монгольской Республике, однако, до сих пор считают, что договор 1926 года имел юридическую силу и потому буддийский храм принадлежит Монголии. Монгольский писатель и общественный деятель Л. Дарьсурэн утверждает, что ответы НКИД на посланные ему Боянчулганом документы за № 142 и 172 были «задержаны в посольстве МНР в СССР до 30-го года». Узнав об этом, новый министр иностранных дел МНР Х. Чойбалсан 22 декабря 1930 года распорядился «прислать в Монголию копии документов, но ответа не последовало. Существует версия, что они находятся в архивах МИД СССР»³³. Единственный вывод, который можно сделать из этого несколько путаного объяснения, – что НКИД сознательно блокировал договор Доржиева с монголами.

Как бы то ни было, храмовая усадьба фактически продолжала оставаться резиденцией Монгольской и Тибетской миссий, находившихся под «особым покровительством» НКИД СССР и соответственно пользовавшихся до некоторой степени экстерриториальным статусом, подобно диппредставительствам других зарубежных стран. (Сведения об этих «теневых» миссиях, по понятным причинам, не попали ни в одно из справочных изданий того времени, включая адресный справочник «Весь Ленинград».) По воспоминанию С.Д. Дылыкова (внучатого племянника А. Доржиева), относящемуся, правда, к чуть более позднему времени (начало 1930-х годов), Доржиеву выдавались «охранные» удостоверения (мандаты) и личное оружие; как иностранный (тибетский) подданный он

³³ См. заметку Л. Дарьсурэна о храме в газете «Новости Монголии» от 7 января 1990, которая является репликой на статью Т. Юрьевой «Храм принадлежит Монголии?» (Вечерний Ленинград. 1989. 26 октября. № 246), перепечатанной в том же номере.

был прикреплен к Инснабу, т.е. спецраспределителю для иностранных дипломатических работников. При этом, однако, С.Д. Дылыков утверждает, что «храм юридически никому не принадлежал. Распоряжаться им мог только Агван Доржиев как глава Тибето-Монгольской «миссии» и основатель храма»³⁴. Обследовавшая храмовую усадьбу летом 1932 года техническая инспекция Петроградского райжилотдела оценила стоимость храма в 143 тысячи 538 рублей, а стоимость жилых строений на участке в 377, 01 кв. м. в 89 тысяч 551 рубль. Если верить составленным инспекцией документам, буддийский храм не облагался какими-либо налогами³⁵.

³⁴ Письмо С.Д. Дылыкова автору, 13 ноября 1989.

³⁵ АВПРФ. Ф. 339. Оп. 1. Пап. 24. Д. 188. Лл. 4-6.

*Слева:
Элементы храмового интерьера – матерчатые «баданы» и
«чжалцаны». Фото 1930-х гг. (архив А.Бреславца)*

*Вверху:
Часть ныне снесённого двухэтажного дома, построенного
А. Доржиевым при северном фасаде храма.
Фото О. Полещука, 1981 г. (архив А.Терентьева)*

Глава 8

«Золоченый парадокс на берегу реки»

Храм Будды в Старой Деревне вновь стал действующим только в конце двадцатых (в 1927 или 1928 году). Ежегодно на исходе лета в Ленинград из Улан-Батора приезжала небольшая группа монгольских и тибетских лам для совершения «Яра» или «Ярнай-хурала» (от тиб. *dbuag-gnas*) — «летнего молебствия», сопровождаемого постом, во время которого монахам не позволяется покидать границ монастырской обители. Служение это традиционно относится к числу «великих хуралов». По сведениям А.М. Позднеева, в Монголии оно совершается только в больших, так называемых «хутухтинских», монастырях, исключительно монахами двух высших степеней посвящения (гелонгами и гецулами), в соответствии с требованием церковных правил¹. Содержание «Ярнай-хурала» составляют «покаянные молитвы о сделанных грехах», читаемые монахами непрерывно в течение 45 дней, начиная с 16-го числа последнего летнего месяца. По преданию, начало служению положил сам Будда, который вместе с учениками уединялся на период муссонных ливней в монастыре Джетавана в окрестностях индийского города Шравасты для занятий и медитативной практики.

Посетивший Старую Деревню весной 1929 года журналист Юрий Ардин не застал в храме никого, кроме сторожа-монгола, проживавшего по соседству в общежитии рабфака, «среди бойких юношей с раскосыми глазами». «Сейчас богослужений в буддийском храме нет, — сообщал Ардин в фельетоне, написанном для журнала «Безбожник», — нет необходимых «специалистов» — монгольских лам. Только в августе оживает темное жилище бронзового бога. Приезжают ламы из Монголии и Тибета.

¹ Позднеев А.М. Очерки быта буддийских монастырей... С. 285.

Слева:

А. Доржиев, ок. 1936. Фото из архивно-следственного дела А. Доржиева (архив Министерства безопасности Республики Бурятия)

И тогда почти круглые сутки над мрачными сводами храма звенят удары в медный там-там, клубится синий дым удушливых благовоний, гнусавет дикие напевы лампы в цветистых одеяниях². Из этой же публикации мы узнаем о необычном событии, имевшем место в храме летом 1928 года, – ученый Владимирцов, действительный член Академии наук, принял здесь «под завывание лам» буддийское посвящение, за что получил от Далай-ламы почетную грамоту из Лхасы!

Владимирцов, как мы уже знаем, действительно подерживал тесные контакты со стародеревенскими ламами. По воспоминанию дочери ученого, Л.Б.Владимирцовой, они часто приходили к нему домой, обычно в утренние часы, по обычаю подносили хозяину дома «хадак» – белый шелковый плат. Было в них что-то светлое, какая-то детскость и чистота. При этом они оставались очень «закрытыми», как люди из другого мира. Одним из наиболее частых посетителей русского профессора был ближайший сподвижник Доржиева, 6-ой перерожденец ганжирва-гэгэна из Долоннора³ Данзан Норбоев, переехавший в Ленинград в конце 1928 года. Как и Доржиев, Норбоев долгие годы провел в Тибете, имел ученую степень «лхарампа», на родину – в Цугольский дацан, вернулся сразу

² Ардин Ю. Азия в Новой Деревне // Безбожник. 1929. № 3. С. 7.

³ Перерожденец (хубилган, гэгэн) – «живой бог», воплощение одного из высших буддийских божеств или святого в человека. Титул «ганжирва-гэгэн» – гэгэн, знающий текст всего Ганджура (буддийского канона в 108 томах) – пользовался особенно большим почитанием в Бурятии.

Вверху:

*Вид буддийского храма с Елагина острова, 1930-е гг.
(ЦГАККФД)*

после революции. Владимирцовой также запомнилась поездка с отцом в Александровский сад у Адмиралтейства к памятнику Н.М. Пржевальскому, по-видимому по случаю отмечавшегося осенью 1928 года 40-летия со дня смерти великого путешественника, первого русского исследователя неприступного Тибетского нагорья. Почтить его память пришли многие востоковеды и ... буддийские монахи из Старой Деревни. Что касается «возмутительного», с точки зрения советской морали, поступка Владимирцова, то к нему его подтолкнули не религиозные искания, а соображения сугубо научного характера, ибо буддийское посвящение позволяло сблизиться с ламами, приобщиться к бережно хранимой ими традиции средневековой монастырской учености, дававшей ключ к интерпретации буддийских текстов.

В одной из записных книжек ученого этого периода мы находим строфу из поэмы Дмитрия Давыдова (русского поэта, педагога и краеведа XIX века), проливающую свет на природу кажущегося нам парадоксальным содружества востоковедов и лам:

*Я вспомнил об одном ламе,
к которому ходил нередко
за пояснительной заметкой,
когда поставлен был в тупик
при чтении монгольских книг⁴.*

Приезжая в Ленинград, ламы неизменно селились в доме-общежитии при храме. Здесь они не чувствовали городской суеты; каменная стена, некогда возведенная вокруг храма Берзеном, надежно охраняла их от мирских соблазнов и опасностей. Бок о бок с ламами в небольших комнатах-кельях ютились и студенты ЛИЖВЯ – монголы, буряты, калмыки и тибетцы, нередко заглядывавшие в соседний храм. В нижнем этаже дома помещались два

⁴ Архив СПФ РАН. Ф. 780. Оп. 3. Д. 41. Лл. 3,7. См. также: Давыдов Д.П. Жире гуйлиху или Волшебная скамеечка. Верхнеудинск, 1859. С. 8.

магазинчика, где можно было купить рис, пряности, благовонные свечи, буддийские иконы – «танки» и др. Таким образом, Доржиеву отчасти удалось осуществить свой план и создать при храме некую «базу» для учащихся-буддистов. Известно, что в октябре 1926 года при ЛИЖВЯ был создан Рабфак северных народностей, имевший два отделения: северное и восточное. На восточном учились танну-тувинцы, буряты, монголы, шорцы, уйгуры, казахи, тибетцы, калмыки, якуты и киргизы. Часть из них – в основном выходцы из буддийских стран – зачислялись на Рабфак по ходатайству Тибетского представительства и затем поселялись в восточном общежитии в Старой Деревне. Нельзя сказать, чтобы патронировавший миссию Доржиева НКИД был доволен существованием студенческого общежития «при храме». Так, в 1928 году, обращаясь к ректору ЛИЖВЯ П.И. Воробьеву с просьбой о зачислении в институт на тибетский разряд бурята Чойнжина Балдано, недавно вернувшегося на родину из Тибета, заведующий отделом Дальнего Востока НКИД Мельников писал:

«Человек он (Балдано) даровитый, имеет навыки к книжной работе, может быть и теперь, и в особенности после известной учебы, использован в качестве переводчика, а также для другой работы и поэтому заслуживает с нашей стороны особого внимания. Сообщая об этом к Вашему личному сведению, я просил бы поставить Балдано в такие условия, чтобы он ни в коем случае не жил в Буддийском храме и находился бы в сфере идейного коммунистического влияния»⁵.

И все же руководству Наркоминдела приходилось считаться с Доржиевым, а в ряде случаев и оказывать ему поддержку, например в борьбе с той частью духовенства, которая противилась обновленческим реформам (ламами-«консерваторами»), – до тех пор, пока Тибет оставался заманчивой целью для стратегов Мировой Революции. Со

⁵ ЦГА СПб. Ф. 7222. Оп. 38с. Д. 5. Л. 3 об. Письмо Мельникова Воробьеву от 23 января 1928.

своей стороны, Доржиев в публичных выступлениях всячески подчеркивал лояльное отношение – буддистов-обновленцев и своё собственное – к существующей власти, понимая, что только таким образом он сможет обеспечить выживание «драгоценной буддийской религии» в стране воинствующего атеизма. Впрочем, в своем усердии он иногда явно переигрывал – так, в ноябре 1926 года группа его противников в Бурятии обратилась с жалобой к главе БурЦИКа Ербанову. Доржиева обвинили в том, что он «роняет авторитет» местных партийно-комсомольских организаций тем, что «врет самым нахальным образом про религиозные убеждения руководителей Советской власти» – например, говорит, что «Ленин, Зиновьев и др. [большевики] все верят и что они буддизм признают той религией, которой предстоит освободить человечество. Он утверждает, что 13-ый съезд партии постановил принять буддийскую религию, в доказательство всего этого приводит то, что ему разрешают свободно разъезжать по СССР и вести религиозную пропаганду»⁶.

Следует пояснить читателю, что после начала Доржиевым в 1922-1923 годах обновленческого движения буддийское духовенство в Бурятии и Калмыкии оказалось расколотым на два враждующих лагеря – лам-обновленцев, стремившихся приспособить буддийское учение к новой социально-экономической системе, и лам-«консерваторов», решительно выступавших против какого-либо реформирования буддийской церкви. На практике «ламаистское обновленчество», по словам К.М. Герасимовой, «свелось к признанию церковью Советской власти и попытке провести реформу быта духовенства применительно к принципу трудового самообслуживания и обобществления ламских доходов»⁷. Особый упор при этом обновленцы делали на возвращении к первоначальному «чистому буддизму», в котором они видели зачатки социализма. («Наше учение, – утверждал Доржиев, – учение буддист-

⁶ НАРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 761. Лл. 1, 1 об. Записка харганатской группы верующих М.Н. Ербанову от 12 ноября 1926.

⁷ Герасимова К.М. Обновленческое движение бурятского ламаистского духовенства. С. 11.

тов, находится в полном согласии с недавно введенной коммунистической системой»). Доржиев и его сподвижники – Бандидо Хамбо-лама Данжа Мункужапов и Шараб Тепкин, избранный в 1925 году главой буддийской церкви в Калмыкии – гневно обличали в своих проповедях нарушителей монастырской дисциплины («порочное ламство») и призывали монахов к строгому соблюдению правил монастырского общежития, изложенных в древнем уставе «Винаи».

В январе 1927 года обновленцы, при поддержке властей, созвали в Москве 1-ый Всесоюзный буддийский собор. Его цель состояла в том, чтобы закрепить законодательно, в масштабах всей страны, обновленческие реформы, некоторые из которых явно выходили за рамки традиционного тибетско-монгольского буддизма, например запрет почитания лам-«перерожденцев» и прорицателей. По решению собора храм в Ленинграде был объявлен резиденцией Всесоюзного духовного управления буддистов СССР, в который избрали двух лам-обновленцев – бурята Дагдана Дамбаева и калмыка Арагву Насанкиева.

В то же время Доржиев всячески содействовал научным контактам бурятских дацанских лам и ленинградских востоковедов, талантливых учеников школы академика Ф.И. Щербатского (А.И. Вострикова, М.И. Тубянского и Е.Е. Обермиллера). Тем самым он пытался реализовать одну из оригинальных идей своей большой обновленческой программы – осуществить синтез древней науки Востока (науки буддийской) и передовой науки Запада. В этих планах ленинградскому храму отводилось особое место, как главному центру буддийской учености и культуры на севере России.

В том же 1927 году Щербатской создал в Ленинграде, под эгидой Академии наук, Институт буддийской культуры (ИНБУК), куда пригласил в качестве научных консультантов бурятских лам (Д. Мункуева, а затем

Г. Жамцаранова). Известно также, что в 1927-1928 годах Д. Дамбаев вместе с буддологом А. И. Востриковым, под общим руководством Щербатского, трудились над тибетским переводом сочинений знаменитого буддийского логика средневековой Индии Дигнаги. Лама также давал уроки монгольского языка М. И. Тубянскому, готовившемуся к длительной командировке в Улан-Батор для изучения традиционной монастырской («цаннидской») учебной литературы. Такое сотрудничество западных ученых и лам оказалось необычайно плодотворным, что позволило «школе Щербатского» занять одно из ведущих мест в мировой буддологии.

Узнав о создании института, Доржиев, от лица только что завершившего свою работу буддийского собора, направил в президиум Академии наук телеграмму, в которой выразил глубокую благодарность Щербатскому, Ольденбургу и Владимирцову «за инициативу создания Буддологического института». А также высказал надежду, что «изучение буддизма явится началом правильного понимания такового культурным миром Запада и залогом

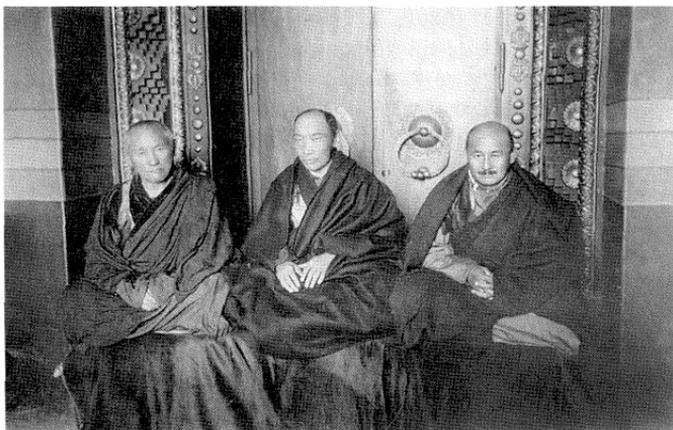
Вверху:

Лама Сергей (Сенге?), 1930-е гг. (архив В.А.Иванова)

⁸ НАРБ. Ф. 643. Д.
11. Л. 207.

дальнейшего процветания нашей драгоценной религии»⁸. В этот короткий период «буддийского ренессанса» в СССР – что, конечно же, было не более чем иллюзией, порожденной вынужденной терпимостью властей по отношению к лидерам обновленчества – Доржиев смог не только возобновить богослужения в буддийском дацане в Ленинграде, но и восстановить, насколько это было возможно, его интерьер. Речь идет прежде всего об украшении большого молитвенного зала множеством – тремя тысячами, если верить рассказам – небольших однотипных металлических статуй-бурханов Будды, установленных вдоль его периметра. Доржиеву также удалось осуществить и свой давнишний замысел – заменить поврежденную гипсовую статую большого Будды Шакьямуни в главном алтаре на металлическую (медную). Изготовлена она была чеканным способом с отливкой отдельных частей (голова, кисти рук и др.) где-то в Европе – то ли в Германии, то ли в Польше. (Привезти статую из Долоннора или Пекина было практически невозможно по причине гражданской войны в Китае.) В той же литейной

мастерской, по-видимому, отштамповали и маленькие бурханы. Глаза большого Будды были сделаны из цветного фарфора на знаменитом Ломоносовском фарфоровом заводе.

Летом 1930 года, по воспоминаниям старожилов, при храме состоялся ваджраянский Цам – пантомимическая мистерия, посвященная Калачакре, ежегодно совершаемая во всех буддийских монастырях. Для устройства её Доржиев пригласил в Ленинград большую группу лам из Агинского дацана. Среди них был лама-зурачин (художник) Осор Будаев, в прошлом принимавший участие в художественном оформлении храма, в том числе его нижнего алтаря. Приехав в Ленинград, Будаев, по просьбе Доржиева, написал восемь больших икон-танка с изображением шестнадцати архатов, а также сделал копию со своей ранней иконы «Сансарын хурдэ» (Колесо сансары). Как отмечает современная бурятская исследовательница С.Д. Цыбиктарова, «таким образом, благодаря изображению предстоящих перед учителем учеников и «Колеса Причины», первоначальная идея алтаря становилась бо-

Слева:

Философский (цаннидский) диспут у входа в храм, нач. 1930-х гг. (архив А.И.Бреславца)

Вверху:

Слева направо: А. Доржиев, Д. Норбоев и Ш. Тепкин у входа в храм, 1931 (архив Музея истории Бурятии)

⁹ Цыбиктарова С.Д. Осор Будаев – мастер Петроградского буддийского храма. С. 46.

лее зримой и доступной молящимся»⁹.

По сведениям Цыбиктаровой, икона-танка «Сансарын хурдэ» была впервые написана Будаевым в 1925 году, по заказу самого Доржиева, и приурочена к открытию 2-го Общебурятского духовного собора в Верхнеудинске. На ней, в секторе мира людей, художник изобразил наряду с традиционными буддийскими странами – Индией, Китаем, Тибетом и Монголией – и Россию. Последнюю символизировали образы деревянной избы с сидящей на ее пороге русской женщиной с ребенком на руках, фабричной трубы с красным флагом и паровоза. Подобная композиция, выходящая за рамки традиционного канона, была, безусловно, новаторской, прежде всего «с точки зрения ее идеи буддийской обновленческой церкви России»¹⁰. Но, с другой стороны, икона имела и явный политический подтекст, намекая на «историческую миссию» Советского государства по освобождению угнетенных восточных народов.

¹⁰ Там же. С. 42.

Утопающий в зелени стародеревенских садов экзотический буддийский храм в конце 1920-х – начале 1930-х годов определенно привлекал к себе внимание ленинградцев. Его двери были широко открыты для всех, в том числе и просто любопытствующих прохожих. Среди тех, кто побывал в эти годы в мрачноватом убежище Будды и оставил нам свои воспоминания, – начинающие литераторы В.А.Каверин, Н.С.Тихонов, С.Н.Марков. Вот как рассказывал о храме, например, В.А.Каверин, устами героев своего романа «Исполнение желаний», случайно забредших сюда во время прогулки:

«Большой Будда сидел в нише на скрещенных ногах, загадочно улыбаясь. Он был молодой, лет семнадцати, нежно-розовый, с ленивыми, раскосыми голубыми глазами. Чашечки с рисом и сахаром стояли перед ним, свет горел в парчовых цветных столбах.

<...> Большие, до самого потолка, картины были прислонены

к стенам в четырех углах храма. Фантастические духи добра и зла были изображены на них, одинаково сердитые, в странных халатах, напоминающих кафтаны древнерусских бояр. Один был весь в бородавках, очень смешной, летевший, как на пожар, в своих расписных ботинках»¹¹.

¹¹ Каверин В.А. Исполнение желаний // Собр. соч.: В 8-ми т. М., 1981. Т.2. С. 240-241.

Не менее поэтично повествует о храме и С.Н.Марков в своём очерке «Гамбургский Будда», из которого мы узнаем немало любопытных подробностей о его реликвиях, обитателях и посетителях. Рассказ молодого журналиста начинался с красочного описания внутреннего убранства храма:

«Золоченый идол высится, как желтая скала, посредине пестрого храма. У ног Будды стоят чаши с жертвенными зёрнами, серебряные колокольчики и длинные молитвы, написанные на полосках бумаги. Эти полосы напоминают пулеметные ленты, пока они не свертываются в короткие трубки.

Страшные изображения злых духов смотрят со стен кумирни, с потолка свешиваются полосы ярких тканей, а на жертвенном возвышении в дыму курений качаются метелки из павлиньих перьев.

Босой монах с желтыми, как лимон, пятками сидит на полу перед медным божеством. Лама, раскачиваясь, читает молитвы, пропуская сквозь пальцы бумажную ленту. Золотая бородавка между бровями Будды похожа на шляпку гвоздя, медный бог сидит с поджатыми ступнями, величаво озирая толпу молящихся.

Где всё это происходит?

В Улан-Баторе, Лхасе, Кобдо, может быть, в Гусиноозерском дацане?

Далеко нет: золоченый храм стоит в Ленинграде, в Новой Деревне, против зеленого Елагина острова, невдалеке от Стрелки, куда по воскресным дням летят вереницы задыхающихся автомобилей»¹².

¹² Марков С. Гамбургский Будда // Красная Нива. 1930. № 2. С. 14.

Говоря о посетителях буддийского храма, стоящего «как золоченый парадокс на берегу реки», Марков рисует

не менее живописную картину:

«Кого тут только нет, в этой пестрой толпе посетителей храма. Здесь китайцы-рабочие, торговцы и бродячие фокусники, темнолицые буряты и монголы, приземистые калмыки, замшевые японцы и, наконец, самый странный люд всех цветов кожи.

Многие из богомольцев живут здесь же, в окрестностях храма. В небольшом доме рядом с двором кумирни обитает сам Агван-Дорджи, буддийский епископ, посланный сюда, на север, самим тибетским Далай-ламой».

«... Вот небольшой белесый человек, финн или эст. У него белые толстые ресницы. Он уже давно принял новую веру, и его знают здесь все. Кто он? Об этом его неудобно спрашивать. Поклоняющиеся гамбургскому Будде люди несомненно имеют довольно сложные биографии.

Может быть, вот этот высокий прямой человек с густыми усами – бывший кавалергард, гость буддийствующих салонов?

Говорят, что среди ленинградских буддистов есть одна русская, уже пожилая женщина, живущая вблизи храма. Она приняла буддизм давно, поставив целью своей жизни обращение в новую религию никого другого, как расстрелянного последнего русского императора. Она говорит, что Николай II благосклонно выслушивал ее проповеди, но буддистом делаться упорно не хотел, предпочитая, очевидно, христианство в распутинском понимании.

Во всяком случае, храм буддистов имеет немало странных гостей».

Знаменитому Агвану Доржиеву, которого Марков впервые увидел два года назад в вагоне маньчжурского экспресса и тотчас же интервьюировал для газеты «Советская Сибирь»¹³, в очерке также отводилось немало места:

«Это очень старый человек, со спокойным до странности лицом. Он одет в фиолетовый хитон, шелестящий, как крылья

¹³ См.: Марков С.Н. Тибетская завеса, в кн.: Марков С.Н. Обманутые скитальцы. М., 1991.

летучей мыши. Он ест ветчину и знает несколько английских фраз. В его поездках его сопровождают рослые телохранители в багровых халатах.

Епархия Агван-Дорджи велика: калмыцкие степи, советский берег Тихого океана, китайские переулки Москвы и Ленинграда. Недавно Агван-Дорджи делал поездки в бурятские дацаны и к астраханским калмыкам.

Агван-Дорджи сам принимает гостей окраин. Паломники-буддисты часты в Новой Деревне».

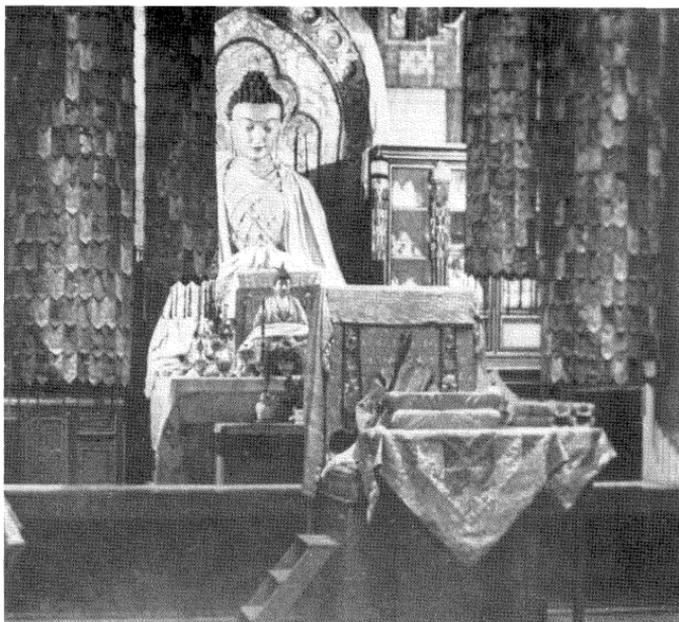
Наконец, сильно увлекавшийся в 1920-е годы Востоком поэт Н.С.Тихонов посвятил буддийскому храму стихотворение под названием «Равновесие». В нем мы встречаем уже знакомый образ – из соседнего общежития в кумирню поздним вечером направляется монгол-рабфаковец («пустынной Монголии желтый студент») – характерная примета того времени. Тихонова, так же как Каверина и Маркова, немало поразило то, что большой Будда в храме был родом из Гамбурга:

*С крылатой улыбкой на тихом лице
Идет монгол от дверей:
Не плохо работает гамбургский цех
Литейщиков-слесарей¹⁴.*

В одном из своих поздних мемуарных очерков С.Н.Марков, между прочим, сообщает, что на согнутой руке «великана» Будды имелась надпись: Гамбург и год изготовления статуи¹⁵. Но какой? Возьму на себя смелость предположить: большого Будду изготовили скорее всего в 1926 году, во всяком случае не позднее этого года. Основанием для такого заключения служит то, что тихоновское стихотворение было впервые опубликовано в подборке стихов 1923-1926 годов в сборнике «Поиски героя» (Ленинград, издательство «Прибой», 1927). И все же остается вопрос – действительно ли статуя

¹⁴ Тихонов Н.С. Собр. соч.: В 7-ми т. М., 1985. Т. 1. С. 141-142.

¹⁵ См.: Марков С. В пещерах у Казанского собора // Нева. 1991. № 2. С. 171-172.

большого Будды была отлита гамбургскими литейщиками, на что единодушно указывают Н.С.Тихонов, С.Н.Марков и В.А.Каверин. Чтобы развеять сомнения, я обратился к немецкой исследовательнице Исрун Энгельхардт. В результате удалось установить, что самые большие литейные мастерские в Германии в 1920-е годы находились в Берлине (где к тому же существовала немецкая буддийская община); художественным литьем занимались и в некоторых других немецких городах – Нюрнберге, Эрфурте, Мюнхене, но не в Гамбурге! Ни один из немецких справочников не приводит сведений о каком-либо гамбургском «литейном цехе» (или цехах). Существует и другая проблема, ставшая под сомнение «свидетельство» С.Н.Маркова. По сообщению моей коллеги, немецкие

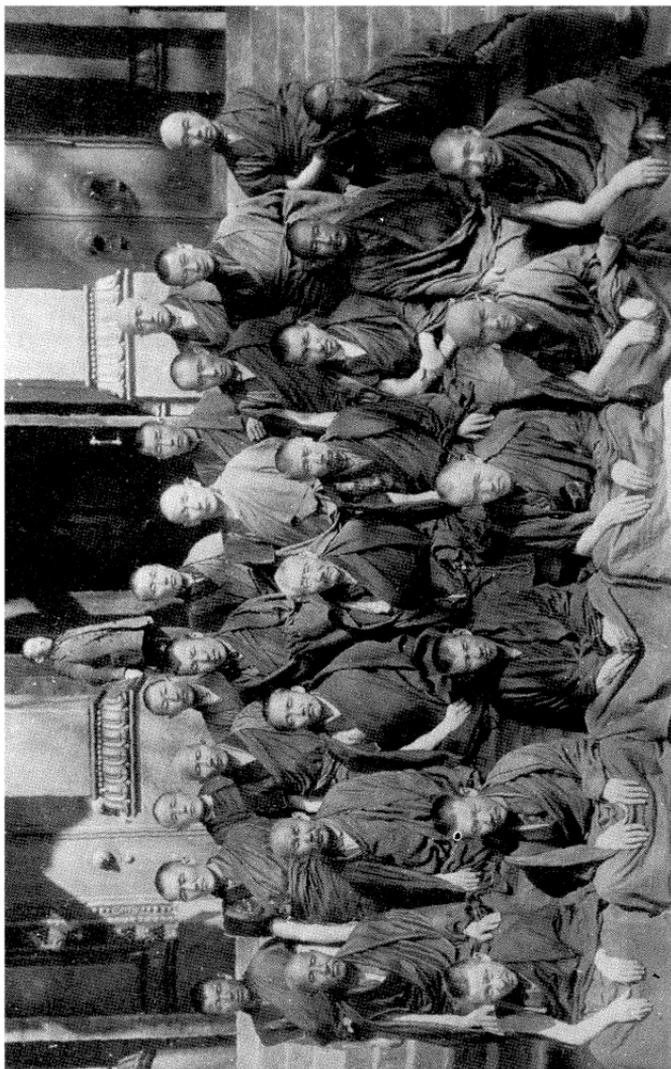
*Слева:
Статуя большого Будды в нижнем алтаре, 1930-е гг.
(архив В.А.Иванова)*

*Вверху:
Ворота буддийского храма. Фото О. Полещука, 1981.
(Архив А.Терентьева)*

литейщики обычно ставили клеймо в нижней части статуи — на постаменте или «троне Будды» (сбоку или с обратной стороны), но не на руке бурхана (!). Это было особое клеймо литейной мастерской, при этом место ее нахождения указывалось крайне редко. Дата же изготовления на продукции немецких литейщиков не ставилась вообще! Но в таком случае С.Н.Марков не мог видеть воочию «гамбургское клеймо» на большом Будде, и, следовательно, его сообщение является, по всей видимости, вымыслом. В лучшем случае, С.Н.Марков, как и его собратья по перу — Н.С.Тихонов и В.А.Каверин, — лишь повторяет слышанную от кого-то легенду.

Таким образом, статуя Будды-великана была скорее всего сделана не в Германии, а в Польше, как об этом свидетельствует автор небольшой заметки о ленинградском дацане в журнале «Религия в СССР»¹⁶. Но что в таком случае могло породить легенду о «Гамбургском Будде»? Единственным разумным объяснением, на мой взгляд, может быть следующее: статуя большого Будды, изготовленная где-то в Польше, была привезена в Ленинград не по железной лороге, а морем, через Гамбургский порт! (В 1920-е годы Ленинград имел пароходное сообщение только с четырьмя европейскими городами — Лондоном, Гавром, Стокгольмом и Гамбургом.) Именно это обстоятельство, возможно, и послужило поводом для слухов о гамбургском «происхождении» большого Будды. Но это, конечно же, не более чем мое предположение.

¹⁶ См.: А.А. Судьба буддийского храма в Ленинграде // Религия в СССР (Бюллетень АПН). 1989. № 4. С. 26.

Группа лам из Агинского дацана - участники ЦАМа, 1930-е гг. (архив А.Б.Бреславца)

Глава 9

Будда уходит из храма, Будда возвращается...

Несмотря на успешное сотрудничество Доржиева с властями, ситуация на «религиозном фронте» в СССР продолжала все более ухудшаться. Причиной тому было ширившееся в стране мощное колхозное движение, которое в 1929 году приняло форму насильственной «сплошной коллективизации». По Бурятии и Калмыкии в 1929-1931 гг. прокатился ряд вооруженных восстаний, поднятых противниками колхозов, при активном участии дацанских лам. Это дало повод местным властям обрушиться с репрессиями на «контрреволюционное» буддийское духовенство наряду с кулаками и нойонами. В конце 1930 года был арестован Бандидо Хамбо-лама Мункужапов и почти полностью бурятский Центральный духовный совет (ЦДС).

Жестокая действительность вмиг развеяла многие иллюзии Доржиева, порожденные эйфорией первых после-революционных лет. В новых условиях возглавляемое им обновленческое движение потеряло всякий смысл. Гармоничное единение учения Будды с учением Маркса-Ленина на практике оказалось невозможным. С начала 1930-х, пользуясь тем, что многие монахи стали снимать принятые на себя обеты и уходить в улусы, власти приступают к «ликвидации» опустевших дацанов и хурулов. Закрытие буддийских монастырей, как правило, сопровождалось их разгромом. Варварски уничтожались ценнейшие памятники буддийской духовной культуры: тибетские и монгольские книги, рукописи и ксилографы, а также ксилографические доски, с которых ламы печатали книги, образцы иконографии и т.д. В 1931 году закрылась знаменитая

Слева:

*Сиамский Будда после реставрации. Август 2003.
(Фото О.Мурзиковой)*

Цаннид чоре – «Буддийская академия» Доржиева. 24 мая в ней произвели опись имущества, жилые дома монахов-гелонгов передали местному сельсовету, деревянную мебель, халаты учащихся и прочее за гроши распродали с торгов, а полученную выручку сдали в госбанк. Персонал этой конфессиональной школы и ее руководитель были арестованы и высланы из пределов Калмыцкой АО.

В июне 1930 года в стенах буддийского храма в Ленинграде Доржиев обсуждает создавшееся положение со своими ближайшими сподвижниками, членами Тибетского представительства, Лувсан-Шарабом Тепкиным, настоятелем храма Доржи Жамцарановым и Данзаном Норбоевым, утвержденным НКВД в 1929 году его заместителем. После чего все отправляются в Москву, где Доржиев и Тепкин посещают Наркоминдел для обсуждения двух вопросов: о выделении средств на ремонт двухэтажного флигеля при буддийском храме и о посылке курьера в Лхасу. Здесь следует пояснить для читателя, что еще в начале 1927 года Доржиев и Тепкин задумали отправить в Тибет делегацию буддистов-обновленцев, которая, как они заявили властям, проинформирует Далай-ламу «о свободе и процветании буддийской религии» в СССР.

В действительности же, по свидетельству Тепкина, «мы имели в виду еще тогда рассказать Далай-ламе о начавшемся нажиме Советской власти на нашу религию», главным образом об установлении 18-летнего возрастного ценза для приема учащихся в монастырские школы¹.

Расчет Доржиева и Тепкина был простым – узнав о гонениях на буддистов в России, Далай-лама выступит в их защиту перед советским правительством, которое вынуждено будет пойти на уступки буддистам, чтобы не портить отношений с Лхасой. Власти – НКВД, Антирелигиозная комиссия ВЦИК и затем Политбюро – дали согласие на такую поездку, которая должна была состояться осенью 1928 года. Однако отправить в Тибет буддийскую миссию

¹ Архив Министерства безопасности Республики Калмыкия (Элиста). Д. 940-р. Л. 55. Допрос Тепкина от 20 июня 1931.

Доржиеву не удалось, ни в 1928, ни в 1929 году. А затем в Наркоминделе произошли радикальные перемены – летом 1930 года ушел в отставку Г.В. Чичерин, главный «архитектор» советско-тибетского сближения, и его место занял М.М. Литвинов, который вскоре положил конец чичеринской антибританской «интриге» в Тибете.

Об этой «смене вех» в советской внешней политике Доржиев едва ли мог знать. Как бы то ни было, его просьбу о разрешении отправить в Лхасу к Далай-ламе уже не делегацию, а лишь одного «нашего человека» в НКВДе летом 1930 отклонили. Отрицательно решился и вопрос о финансировании ремонта флигеля, в результате чего Доржиеву пришлось передать это строение муниципальным властям (ленинградскому Коммухозу).

Весной 1931 года Доржиев устраивает новое «совещание» в храме, в котором участвуют те же Тепкин, Жамцаранов и Норбоев. По словам Тепкина, «Доржиев рассказал, что в Бурятии арест лам продолжается, что арестован весь состав ЦДС во главе с Мункужаповым. Он, Доржиев, все это время не сидел сложа руки, а объезжал все дацаны, служил в них молебны, знакомился с положением духовенства и настроением населения. Впечатление его от поездок такое, что население обеднело на почве коллективизации, мясозаготовок и др. мероприятий власти. Настроение крайне напряженное»².

² Там же. Л. 57.

Еще до этой встречи Доржиев в сопровождении Жамцаранова вновь побывали в Наркоминделе. Там «Тибетских представителей» приняли довольно холодно. Более того, беседовавший с Доржиевым заведующий ДВО С.С. Борисов в ультимативной форме потребовал от него прекратить агитационную деятельность, во избежание нежелательных последствий. Жамцаранов рассказывал об этом так: «В 1931 г. А. Доржиев из Бурятии был приглашен в Москву, в Наркоминдел. В беседе с ним в НКВД, в моём присутствии, ему было указано, что он переходит рамки,

установленные для дипломатов, и занимается восстановлением населения Бурятии против Советской власти, и что в связи с этим ему предлагается переехать на постоянное жительство в Ленинград»³.

³ Архив УФСБ по С.-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-51636. Т. 1. Л. 25. Допрос Жамцаранова от 15 февраля 1937.

Доржиев, разумеется, был вынужден подчиниться. Впрочем, своей деятельности, направленной на сохранение буддизма в СССР, он не прекратил. Напротив, в 1932-34 годах одно за другим следуют его обращения-ходатайства в самые высокие инстанции, включая Президиум ВЦИК СССР, составленные на специальных бланках под грифом «Тибето-Монгольской миссии», как Доржиев теперь подчеркнуто официально называет своё представительство при буддийском храме. Но его послания в большинстве случаев оставались без ответа. В то же время, по инициативе Доржиева, ламы в Бурятии и Калмыкии начали регулярно служить молебны, обращенные к «докшитам» или «гонбо» – божествам-охранителям буддийской веры, главным образом к наиболее почитаемым буддистами Чойжилу и Лхамо. Аналогичные молебствия устраивались и в Ленинградском храме, охранителем которого считалась «сахюсан» Лхамо. В них молящиеся просили о защите буддийской религии и духовенства и о ниспослании мирянам спокойной жизни.

С начала 1930-х вокруг храма группируется небольшая община, состоявшая из бурятских лам, лично приглашенных Доржиевым или бежавших в Ленинград от преследования властей. В основном это были монахи, имевшие высокие ученые степени, полученные в главных монастырях Тибета. Так, Даши Банзаракшеева Доржиев пригласил в 1932 году для совершения ежедневного молебна «сахюсану». Ламы-лекари («эмчи-ламы») Бальжир Зодбоев и Чойни-Дава Томиргонов практиковали при храме традиционную тибетскую медицину. Пациентов они диагностировали по пульсу и радужной оболочке глаза и лечили травами и специально приготовленными порошками. Оба

врача пользовались большой известностью среди окрестных жителей. Томиргонов к тому же тесно сотрудничал с Н.Н.Бадмаевым и созданным им в Москве (в 1934) Всесоюзным Институтом экспериментальной медицины (ВИЭМ). Пытаясь обеспечить опальным ламам безопасность, Доржиев зачислял их сотрудниками Тибето-Монгольской миссии – сторожами, дворниками, завхозами, кочегарами и т.п. и поселял при храме. Чтобы разместить их всех в восьмиквартирном доме, ему пришлось выселить несколько русских жильцов, на том основании, что они «незаконно» поселились в здании «иностранный миссии», что привело к новому конфликту с властями. Правда, удостоверения, выдаваемые Доржиеву НКВД за подписью заместителей наркома Л.М.Карахана, Б.М.Стомонякова и др. до конца 1935 года, еще далеко не гарантировали их предьявителью дипломатическую неприкосновенность – что он «не может быть подвергнут ни обыскам, ни задержанию без предварительного о том уведомления Наркомата по иностранным делам»⁴.

В этом же «буддийском доме» в 1930-е годы жили бурятские и монгольские студенты и аспиранты ЛВИ, а также старые друзья Доржиева, попавшие в опалу за свою «уклонистскую» деятельность, – бывший нарком просвещения Бурят-Монголии Бадзар Барадийн и председатель Монгольского ученого комитета Цыбен Жамцарано.

По воспоминаниям В.А.Иванова, чтобы прокормить себя, ламам приходилось браться за любую работу – пилить дрова и обрабатывать огороды местным жителям, лечить скот, который в то время имели многие, ловить рыбу в Большой Невке – для себя и на продажу, плести корзинки из лозы, за которой ездили в Лахту, и т.д. За небольшую плату ламы также справляли заказные требы – в храм, особенно в 1936-1937 годах, приходило немало русских с просьбами к Будде уберечь от ареста близких.

⁴ АВПРФ. Ф. 100.
Оп. 1. Пан. 1. Д.
11. Л. 2.

В эти тревожные годы храм жил напряженной жизнью. После ареста Мункужапова и Тепкина (последнего «взяли» летом 1931 года, вскоре после визита в НКВД) Доржиев автоматически стал неофициальным главой буддийской церкви России, и в его резиденцию при буддийском храме в Ленинграде устремился поток бурятских и калмыцких «ходоков» с жалобами на притеснения властей, за советом и поддержкой.

17 декабря 1933 года в своем дворце в Лхасе умирает XIII Далай-лама, патрон Доржиева и высокий покровитель храма. В память о нем в 20-х числах декабря ламы, по сообщению С.Д. Дылыкова, устроили богослужение, оказавшееся последним.

Новая волна репрессий, начавшихся в стране после убийства С.М. Кирова, не обошла стороной и буддийскую общину Ленинграда. В самом конце мая – начале июня 1935 года «органы» арестовали группу лам, в основном тех, кто приехал в город недавно, – Д.Д. Банзаракшеева, О.Ж. Жамьянова, Н.Ж. Жалсанова, Б.Ц. Самбуева, Д.С. Дугарова, Т.Б. Батуева, Ц.Д. Гармаева и Д.С. Содномпилова. Это была маленькая струйка огромного «кировского потока» репрессированных ленинградцев. В их следственном деле № 2757 говорилось:

«Следствием установлено, что в буддийском храме в Ленинграде под руководством Доржиева, под видом обедов-чаепитий, систематически проводились собрания-совещания в жилых помещениях храма, на которых присутствовали обвиняемые... Помимо этого, Доржиевым созывались специальные собрания в своем доме в Ольгино в конце 1934 и в начале 1935 г., где присутствовали все ламы и буряты, проживавшие в буддийском храме и жилом доме (при храме)»⁵.

Лам обвинили в контрреволюционной агитации в БМ, КАО и в Ленинграде – «в местной Тибетской колонии» (где они якобы скрывались от преследования и проживали

⁵ Архив УФСБ. Д. П. 63020. Л. 220.

Памятник в виде суббурга-на на могиле гелонг-ламы Янгажинского дацана Дамбы Ирдыниева, скончавшегося в Петербурге в 1910 г. и похороненного на Смоленском лютеранском кладбище (фото А.И. Андреева)

по подложным документам, выданным Доржиевым), а также в том, что они принимали участие в нелегальных собраниях «у главы буддийского духовенства в СССР Агвана Доржиева», были сторонниками Японии и ожидали войны СССР с этой страной, поддерживали тесную связь со ссыльными ламами, оказывая им регулярную материальную помощь. 15 сентября особое совещание при НКВД СССР вынесло приговор ламам, по которому шестерых из них осудили на пять лет, а двоих на три года исправительно-трудовых лагерей, с определением «социально опасный элемент». В том же 1935 году умер (своей ли смертью, неизвестно) заместитель Доржиева, 48-летний ганжирвагээн Данзан Норбоев.

Через полтора года вторая волна арестов завершила разгром буддийской общины в Ленинграде. Сперва (в январе-феврале 1937 года) арестовали управделами Тибето-Монгольской миссии Д.Ж.Жамцаранова, лам-медиков

Ч.-Д.Томиргонова и Б.Р.Зодбоева и ламу-художника О.Будаева. Всех четверых, как участников шпионской организации – сфабрикованного НКВД «Японско-бурятского контрреволюционного центра», Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила к высшей мере наказания – расстрелу (расстреляны в августе того же года). Затем, в ночь на 4 сентября, «взяли» оставшихся 12 человек – Ж.Ц.Цыбикова, Н.Ц.Цыбенова, Д.Ц.Цыденова, Л.Куберлинова, Б.Б.Жигжитова, С.Ц.Топхаева, И.Г.Атанова, Ц.Т.Аюшиева, Ш.Л. Лыгденова, С.А.Баторова, Е.Д.Дандарова и М.И.Дандарову. 11 из них также расстреляли (5 и 15 ноября) по приговору Особой Тройки УНКВД, и лишь М.И. Дандаровой дали 10 лет ИТЛ⁶. Арестованы были и проживавшие при храме Б.Б.Барадийн (вместе с семьёй) и Ц.Ж.Жамцарано. Та же участь постигла и учеников Щербатского, крупнейших в Союзе буддологов А.И.Вострикова и М.И.Тубянского. (Барадийна и Тубянского также расстреляли в 37-ом.) Всех расстрелянных лам захоронили на безымянном кладбище, тайно устроенном НКВД в Левашовской пустоши, где они и покоятся ныне.

Всё то время, пока шли аресты, Агван Доржиев проживал в своем пригородном доме под Ленинградом, в поселке Ольгино, вместе с прислуживавшим ему бывшим ламой Ацагатского дацана Дугаром Жимбиевым, вызванным из Забайкалья. В начале сентября 1936 года Доржиев добровольно сложил с себя полномочия главы Тибето-Монгольской миссии в СССР, уведомив о том Наркоминдел. Этот шаг, впрочем, не означал упразднения Тибетского представительства, поскольку Доржиев оставил вместо себя заместителя – своего ближайшего родственника С.Д.Дылыкова, в ту пору 24-летнего аспиранта Института востоковедения. В своем завещании, составленном в форме письма на имя Дылыкова, второй экземпляр которого он отправил в Наркоминдел, Доржиев писал:

⁶ Архив Министерства безопасности Республики Бурятия (далее АМБРБ). Д. 2768. Л. 248.

«Прошу НКВД СССР считать гр. С.Д. Дылыкова моим преемником по делам Тибето-Монгольской миссии с возложением на него обязанностей по наблюдению за целостностью и сохранностью буддийского храма в г. Ленинграде, со всеми прилежащими к нему постройками, впредь до приезда официального представителя из Тибета, и единственным моим наследником всего моего личного имущества»⁷.

⁷ АВПрФ. Ф. 100.
Оп. 19. Пап. 19. Д.
26. Л. 8. Письмо датировано 1 сентября 1936.

Завещание Доржиева поставило НКВД в довольно щекотливое положение, ибо речь шла об утверждении Дылыкова главой – хотя бы и временно – миссии иностранного государства (Тибета), не состоящего в дипломатических отношениях с СССР. Правда, Дылыков совсем не горел желанием вступать в свои законные права наследника-преемника Доржиева. Напротив, летом 1937 года, в самый разгар арестов, он попытался избавиться от явно компрометировавшего его «наследства» и передать храм в ведение Комитета по делам искусств в Москве с целью превращения в музей. Комитет, однако, ответил ему отказом.

Тем временем престарелый и тяжело больной Доржиев в конце октября 1937 года навсегда покинул Ленинград. Его путь лежал в Забайкалье, в Ацагат – местность в 50 км от Улан-Удэ, где находился Ацагат-Шелутаевский дацан, в котором он когда-то учился. Здесь, вблизи недавно закрытого Ацагатского аршана – ламской лечебницы-школы, у Доржиева было свое «убежище» – скромный одноэтажный деревянный дом-пятистенки, в котором он собирался провести остаток дней, в молитвах и медитации, как подобает благочестивому буддийскому монаху. Однако судьба распорядилась иначе, – 13 ноября Доржиев был арестован и препровожден в тюрьму в г. Улан-Удэ. Согласно документам НКВД, на единственном допросе, состоявшемся 26 ноября, Доржиев, «лицо без гражданства», якобы сознался в том, что является одним из руководителей «контрреволюционной, панмонголистской,

террористической, повстанческой, шпионской организации, конечной целью которой было свержение Советской власти»⁸. (Уже очень скоро журнал «Антирелигиозник» заклеят его «агентом японской разведки», по причине тесной связи ламаизма с японским фашизмом, что поразительно напоминает обвинение, некогда выдвинутое против Доржиева царской охранкой.) На следующий день после допроса Доржиева перевели в тюремную больницу, где он и скончался от паралича сердца 29 января 1938 года. Таким было официальное медицинское заключение. Однако многие буддисты в Бурятии считают, что Доржиев не умер, а «ушел в Нирвану», несущую человеку полное избавление от страданий этого мира – мира сансары.

Смерть Доржиева сделала неизбежным закрытие буддийского храма в Ленинграде. 21 марта 1938 года, воспользовавшись своими правами наследника, С.Д. Дылков – номинальный глава и единственный член уже не существующей миссии – обратился в Ленгорсовет с предложением о передаче в госфонд буддийского храма и находящихся при нем жилых строений. И уже через неделю (27 марта) президиум Приморского райсовета рассматривает вопрос «об изъятии домов бывшей так называемой Тибето-Монгольской миссии в СССР, находящихся в частном владении». Принимая во внимание, что Тибето-Монгольская миссия «фактически давно ликвидирована» и ее имущество, состоящее из двух каменных домов, находится в бесхозном состоянии – «разрушается и создает угрозу общественной безопасности» (!), – Приморский райсовет без колебаний принял решение о муниципализации этих строений и в то же время просил Ленсовет «обсудить вопрос о включении в музейный фонд бывшего буддийского храма, расположенного на территории этого участка»⁹. 22 апреля президиум Ленсовета на своем заседании утвердил решение нижестоящей инстанции в отношении двух домов бывшей миссии по Стародеревенской ул. № 13 и 15, одна-

⁸ АМБРБ. Д. 2768. Л. 31, 31 об. См. также: Андреев А.И. Уход Агвана Доржиева // Orient. 1998. С. 99.

⁹ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 18. Д. 671. Л. 224.

ко просьбу о передаче храма в музейный фонд отклонил. Вместо этого было принято следующее постановление: «Передать здание бывшего буддийского храма со всеми строениями облкому Профсоюза рабочих жилищного хозяйства по договору аренды для использования здания под спортивные цели»¹⁰. Более конкретно – «под физкультурную базу», как говорилось в постановлении Ленсовета от 15 июня, по которому храм окончательно стал народным достоянием в лице названного выше профсоюза¹¹.

¹⁰ Там же. Л. 222.

¹¹ Там же. Оп. 33. Д. 39.

С.Д. Дылыков в одном из писем к автору этой книги вспоминал, что 22 апреля храм осматривала специальная комиссия Ленсовета и затем её председатель и он, Дылыков, как законный наследник Доржиева, подписали «акт о передаче в Госфонд буддийского храма со всеми внутренними принадлежностями культа». После чего Дылыков вручил комиссии ключи от храма. «Культовое имущество», правда, еще долго продолжало оставаться в храме, пока не решили передать его Музею истории религии. В результате 16 августа заведующий отделом фондов музея К.Ф. Воронцов принял от завхоза добровольного спортивного общества «КИМ» (Коммунистический интернационал молодежи) К.И. Гассара, согласно составленному акту, следующие предметы:

- «1) 34 части одеяний лам;
- 2) 12 головных уборов лам;
- 3) 23 иконы;
- 4) колесо жизни в раме под стеклом;
- 5) 15 музыкальных инструментов (2 трубы, 12 тарелок и барабан);
- 6) 48 жалсанов;
- 7) 5 шире (жертвенных столиков);
- 8) 2 шкафа-шире;
- 9) 134 книги на тибетском и монгольском языках;
- 10) фигура Будды с тронem;
- 11) Амитаюс – подарок сиамского короля;

- 12) 12 покровов на шире;
- 13) два комплекта наалтарного имущества (261 предмет);
- 14) 74 хадака (грязные)¹².

¹² Акт № 1189 от
16 августа 1938.
Хранится в секторе
учета ГМИР.

«Фигура Будды с тронem» – это, по всей видимости, сидящий Будда Шакьямуни, подаренный храму сиамским королем. Что касается статуи большого Будды из главного алтаря, то ее первоначально также намеревались передать Музею истории религии. Статуя была демонтирована, но в музей, увы, так и не попала. Существует несколько версий гибели этого Будды. По одной из них, статуя была сильно повреждена во время демонтажа; по другой – её уронили на землю во время транспортировки через Елагин остров; по третьей – Будду попросту разломали, а «останки» выбросили в Большую Невку напротив храма и в один из соседних прудов. (В.А.Иванову довелось видеть, как весной 1980 года – перед Олимпиадой – во время очистки реки и водоёмов парка со дна были подняты искореженные фрагменты этой статуи и, естественно, отправлены рабочими в металлолом, на переплавку.)

Через год – в конце 39-го, вскоре после начала финской кампании, с башни храма сняли позолоченный ганжир, который мог стать ориентиром при обстреле города. Тогда же с фасада здания удалили блестящие позолотой большие и малые диски («толи») и щиты с монограммой Калачакры, а также покрасили позолоту на капителях колонн портика.

С началом Великой Отечественной войны северная окраина Ленинграда становится прифронтовой полосой. По воспоминанию Г.Ефремова, многие деревянные дома были разобраны для строительства оборонительных сооружений и на дрова. «Сразу же за Старой Деревней проходила граница внутренней обороны города. Там находился контрольно-пропускной пункт со шлагбаумом и дзотом, контролировавший движение по шоссе и Приморской

железной дороге. Поезда тогда ходили только до поселка Лисий Нос, который служил перевалочным пунктом на пути из Ленинграда в Кронштадт и на «Малую землю» у Ораниенбаума¹³.

В 1942 году – после начала блокады Ленинграда – у буддийского храма появились новые хозяева – военные. Командование Ленфронта решило построить на территории бывшей храмовой усадьбы мощную длинноволновую радиостанцию для связи осажденного города с «Большой землей». Она же должна была служить и станцией наведения для советских самолетов. В результате в здании храма разместили радиопередающую станцию (передатчик длинных и средних волн в диапазоне 200-2000 м), источник его питания, основную часть силового оборудования и другую аппаратуру. В качестве антенны использовался металлический трос, один конец которого цепляли за грузовик во дворе храма, а второй поднимали в воздух на аэростате. Технический проект уникальной аэростатной антенны – «антенны без мачт» – был разработан группой ленинградских инженеров во главе с В.А. Хацкелевичем¹⁴. Скрытая в стенах буддийской обители радиостанция, разумеется, являлась совершенно секретной и именовалась в документах как «объект № 46». По-видимому, именно после передачи храма военным из плиточного пола в главном зале молебствий была выдолблена «крамольная» свастика. Имеются также сведения о том, что в годы войны в подвалах здания делались ручные гранаты.

Аэростатная антенна проработала всю войну, вплоть до 1952 года, когда её заменили сравнительно простой длинноволновой антенной, подвешенной на двух 75-метровых мачтах. С этой новой антенной радиостанция проработала еще несколько лет, а затем в 1957 году она была закрыта и полностью демонтирована. (Рассказывают, что в годы «холодной войны» станция использовалась в качестве «глушилки» западных «голосов».)

¹³ Ефремов Г. Приморский проспект // Блокнот агитатора. 1983. № 35. С. 53.

¹⁴ См.: Хацкелевич В.А., Полторак Э.С., Спиров С.В. Аэростатная антенна // Бюллетень электропромышленности Ленинграда. 1945. № 4-5. С. 21-29.

Почти сразу же после окончания войны встал вопрос о более целесообразном использовании здания буддийского храма. В 1947 году академики-востоковеды С.А.Козин, И.И.Мещанинов и В.В.Струве энергично ходатайствовали в высоких инстанциях (в Совете по делам религиозных культов при Совмине и в президиуме Академии наук СССР) о его передаче ленинградскому филиалу Института востоковедения. Идея ученых состояла в том, чтобы организовать в стенах храма Музей истории религии и быта монголов, для чего предполагалось разместить в нем ряд ценных коллекций из других музеев города. В том числе такой уникальный экспонат, как гигантскую (почти 15-метровую!) статую Майдари – Будды Майтреи – из Агинского дацана, хранившуюся в разобранном виде в Музее истории религии и атеизма в Казанском соборе. (Эту статую еще до войны хотели установить внутри собора, напротив статуи Ленина!) Кроме музейных коллекций, в храме также намеревались сосредоточить богатейшее собрание тибетских рукописей и ксилографов, вывезенных в 1938–1940 годах из дацанов Бурят-Монгольской АССР и Читинской области и переданных институту, что позволило бы ученым вести здесь научно-исследовательскую работу. В соседних домах собирались поселить научно-технический персонал музея и лиц, приглашенных из Бурят-Монгольской АССР и МНР в качестве консультантов. «Как внешний вид, так и внутреннее устройство этого здания, – писал В.В.Струве в президиум Академии наук, – в точности воспроизводят все особенности буддийского храма, ввиду чего оно является в высшей степени подходящим для размещения в нем многочисленных предметов буддийского культа, имеющихся в Музее истории религии, Музее этнографии и Институте востоковедения АН СССР. Все эти предметы, будучи помещены в обстановку буддийского храма, «выиграют» и будут давать вполне ясное представление об их культовых целях и назначении,

чего они не могут дать, находясь в помещениях случайных и не приспособленных для их хранения и экспозиции»¹⁵. Инициатива ведущих востоковедов, хотя и поддержанная рядом научных учреждений, таких как Бурят-Монгольский НИИ культуры и экономики, Государственный университет им. Чойбалсана в Улан-Баторе и Комитет науки МНР, не была одобрена руководством АН, которое устами академика А.И. Волгина вынесло следующую резолюцию: «Считать нецелесообразным организацию нового музея по истории религии»¹⁶.

¹⁵ Архив СПФ. РАН. Ф. 152. Оп. 1а. Д. 923. Л. 6. Письмо В.В. Струве датировано 18 февраля 1947.

¹⁶ Там же. Л. 12.

Десять лет спустя, уже в годы хрущевской оттепели, востоковеды возобновили свои ходатайства перед Академией. Особенно настойчиво звучал голос Ю.Н. Рериха, которому очень хотелось вернуть жизнь в десакрализованый и давно не действующий храм, превратить его в «храм-музей буддизма», подобно тому, как это в свое время пытался сделать Агван Доржиев. Л.С. Митусова (двоюродная племянница Е.И. Рерих) вспоминает о своем посещении храма в конце 1950-х, в компании Ю.Н. Рериха и И.В. Сахарова (индолога, ставшего впоследствии одним из ведущих специалистов по российской генеалогии):

«Внизу, в самом храме, было какое-то учреждение. Там стояли машины или пульта, покрытые чехлами. Все довольно чисто и отремонтировано... Поднялись вверх – бывшее помещение храмовой библиотеки и ряд комнат (очевидно, небольших). В них, как нам сказал сторож, останавливались какие-то командировочные, имеющие отношение к учреждению, занявшему храм. И.В. спросил, не хотел бы Ю.Н. жить и работать в этих комнатах: тут его библиотека хорошо поместилась бы, и прекрасное уединенное место. Это, конечно, была шутка. Но Ю.Н. сказал, что он вообще хотел бы жить в Ленинграде, но его работа и «начальство», и все организации, к которым по ряду вопросов приходится обращаться, находятся в Москве и для дела ему нужно жить там, ибо его во многом поддерживал Никита Сергеевич Хрущев»¹⁷.

¹⁷ Митусова Л.С. Из воспоминаний, в кн.: Воспоминания о Ю.Н. Рерихе. М., 2002. С. 56.

Действительно, стремясь к укреплению советско-индийских связей, Н.С.Хрущев проявлял особое внимание к сыновьям Н.К.Рериха – востоковеду-буддологу Юрию (вернувшемуся в 1957 году на родину) и остававшемуся в Индии художнику Святославу и до некоторой степени протезировал им обоим. Благодаря Хрущеву Ю.Н.Рерих смог без досмотра ввезти в СССР свой багаж, включая большую востоковедную библиотеку и коллекцию картин Н.К.Рериха. А весной 1960 года генсек оказал услугу С.Н.Рериху – возвращаясь после очередного визита в Индию, он захватил с собой отобранные художником картины для экспонирования в Музее изобразительных искусств в Москве¹⁸.

Пристальный интерес Ю.Н.Рериха к буддийскому храму был тесным образом связан с его более широким интересом к буддизму вообще и стремлением возродить прервавшиеся в конце 1930-х буддологические исследования в СССР под эгидой Академии наук, чему в немалой степени мог бы способствовать задуманный востоковедами храм-музей. (О передаче храма верующим в ту пору, разумеется, не могло идти и речи.) Испытывая беспокойство за судьбу уникального памятника, Ю.Н. неоднократно обращался в самые высокие инстанции – вероятно, даже к самому Хрущеву, который, по воспоминаниям, однажды лично посетил храм-радиостанцию. «Буддийский храм в Ленинграде в запущенном состоянии, – писал в своем дневнике в феврале 1959 года тесно общавшийся в эти годы с ученым Р.Я.Рудзитис. – Юрий просил высшее начальство, чтобы реставрировали. Сказали, пусть прошение подпишет Юрий и еще какой-то сотрудник из Института [востоковедения]. Последний очень перепугался, что надо подписывать. Это услышал и упомянутый начальник». «Начальство», впрочем, обещало Рериху убрать из здания радиостанцию, как только для неё найдется другое помещение¹⁹. (Демонтаж её фактически начался в год воз-

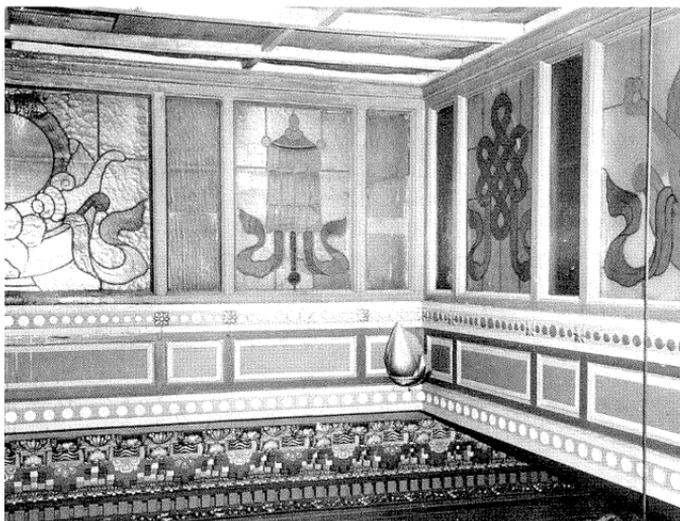
¹⁸ См.: Рудзитис Р.Я. Встречи с Юрием Рерихом. Минск, 2002. С. 154.

¹⁹ См.: Там же. С. 115, 124.

вращения Ю.Н.Рериха.)

Усилия востоковедов во главе с Ю.Н.Рерихом в конце концов увенчались успехом. Весной 1960 года – гораздо скорее, чем они думали – «учреждение» окончательно освободило храм. А затем 9 июня Ленсовет официально передал здание храма (которое в конце 40-х получило свой нынешний адрес: Приморский пр. 91) Академии наук на правах долгосрочной аренды. (Это произошло две недели спустя после скоропостижной кончины Ю.Н.Рериха.) 20 октября того же года новым владельцем храма стал Институт востоковедения (в ту пору называвшийся Институтом народов Азии), в штатном расписании которого появились две новые должности – комендант и вахтер буддийского храма. Однако вскоре выяснилось, что помещения храма совершенно непригодны для хранения памятников тибетской письменности, за что особенно ратовал Ю.Н.Рерих. Поэтому 14 июня 1962 года президиум Академии наук решил – передать здание бывшего буддийского храма в пользование Зоологического института для размещения в нем Музея функциональной морфологии и нескольких институтских лабораторий, помещавшихся в здании Института цитологии²⁰. В результате Зоологический институт в том же году разместил в стенах храма многочисленное и довольно громоздкое оборудование трех своих лабораторий. (Задуманному музею в храме опять как-то не нашлось места.) Как бы ни относиться к такому решению сегодня, надо признать, что передача здания храма академическому институту в целом способствовала его сохранности, так как если бы оно оставалось пустым или было превращено в склад или фабричный цех (как соседняя с ним Благовещенская церковь), то пострадало бы несравненно в большей степени. Хотя, с другой стороны, нахождение зоолабораторий в храме-монастыре не могло не оскорблять чувств верующих. Достаточно сказать, что в конце 1960-х годов в подвальных помещениях хра-

²⁰ См.: Архив СПФ РАН. Ф. 152. Оп. 1. Д. 1502. Л. 8.

ма – там, где некогда монахи готовили себе еду – зоологи препарировали труп африканского слона, привезенного из Рижского зоопарка.

16 ноября 1970 года здание храма было взято под государственную охрану «как памятник архитектуры местного значения»²¹. Это событие дало повод представителям научно-художественной интеллигенции города, обеспокоенным судьбой храма, вновь поднять вопрос о том, как его лучше использовать. Так, архитектор Г.В.Пионтек считал, что «ансамблю Буддийского храма нужно вернуть его первоначальное назначение: служить центром пропаганды и показа великих достижений духовной и материальной культуры стран Востока, а возможно, и их истории». С этой целью он, в частности, предлагал сделать свободную, примыкающую к храму территорию «местом историко-этнографических выставок»²². Голоса энтузиастов, подобных Пионтеку, в конце концов были услышаны городскими

²¹ Потемкин В.К. Буддийский храм. Первичный паспорт на памятник архитектуры. 1969 г. // Объединенный ведомственный архив ГИОП. СПб. С. 1.

²² Пионтек Г.В. Самый северный памятник тибетского зодчества // История и культура Востока Азии. Т.1: Центральная Азия и Тибет. Материалы конференции. Новосибирск, 1972. С. 97.

Вверху:

*Витражи светового фонаря над залом молебствий. 1989 г.
(фото А.В.Усова)*

властями – в начале 1980-х Ленгорисполком принял решение о передаче здания храма в аренду Музею истории религии и атеизма. Но музеем храм так и не стал, вернее не успел стать. Лаборатории Зоологического института не торопились выезжать из занимаемых помещений, а тем временем в стране уже занималась заря горбачевской перестройки.

С конца 1970-х годов в течение почти 10 лет храм-лабораторию регулярно посещали экскурсионные группы, которые водил член Приморского районного отделения общества «Знание» уже упоминавшийся нами старожил Старой Деревни В.А.Иванов. Он увлеченно рассказывал своим слушателям об истории постройки буддийского храма и его нелёгкой судьбе в послереволюционные годы – то немногое, что знал и о чем в ту пору было невозможно прочитать ни в каких книгах. А в 1974 году в ходе поездки в СССР храм посетил С.Н.Рерих, проявивший, как и Ю.Н., большую озабоченность судьбой этого памятника. Рассказывают, что во время встречи с главой города, 1-ым секретарем Ленинградского обкома КПСС Г.В.Романовым, С.Н.Рерих передал ему чек в 100 000 долларов на восстановление храма²³. (О том, как были потрачены эти средства, мы можем лишь догадываться.)

²³ Устное сообщение В.А.Росова.

В 1987 году буддийский храм посетил во время своего неофициального визита в СССР Его Святейшество XIV Далай-лама Тензин Гьяцо. Произошло это 10 сентября, в пасмурный, непогожий день, запомнившийся многим необычным атмосферным явлением – яркой радугой, неожиданно вспыхнувшей над гостиницей «Ленинград», где остановился высокий тибетский гость. Далай-лама был крайне удручен лицезрением почти что орвелловской картины – молитвенный зал, наполненный гулом и вибрациями от работающих приборов, с электронным микроскопом в алтарной нише за занавеской вместо статуи Будды, насквозь пропитанный каким-то неприятным, совсем не

лабораторным, запахом. А уже в июле следующего года в Ленинград прибыл тибетский лама Кушог Бакула Ринпоче, неофициально курировавший буддийскую конфессию в СССР и Монголии. Он встретился с группой буддистов-европейцев и провел службу на частной квартире.

Это событие, несомненно, всколыхнуло ленинградских буддистов, которые впервые заговорили о возвращении храма верующим. Здесь необходимо пояснить читателю, что, несмотря на разгром буддийской «сангхи» в СССР в конце 1930-х, буддизм не исчез навсегда с невских берегов. Три десятилетия спустя, в конце 1960-х, в городе образовалась маленькая буддийская община – это были в основном молодые люди интеллектуального склада, окончившие различные ленинградские вузы, – ученики известного бурятского ламы Бидии Дандарона, которые стали активно заниматься тибетскими буддийскими практиками. Собираясь на частных квартирах, они совершали

Вверху:

Визит Далай-ламы XIV в Ленинград, лето 1987 г. Посещение Эрмитажа. Слева направо: Б.М. Нормаев, Г.А. Леонов, Его Святейшество Далай-лама XIV, Б.Б. Пиотровский, Н.В.

Дьяконова, М.Л. Пчелина.

(Архив В.М.Монтлевича)

Вверху:
Дост. Кирти Ценшаб Ринпоче, один из почтеннейших тибетских лам, на протяжении двух месяцев преподавал в Петербургском храме наиболее сокровенное учение буддизма – Калачакру. Фото 2003 г. (архив А. Терентьева)

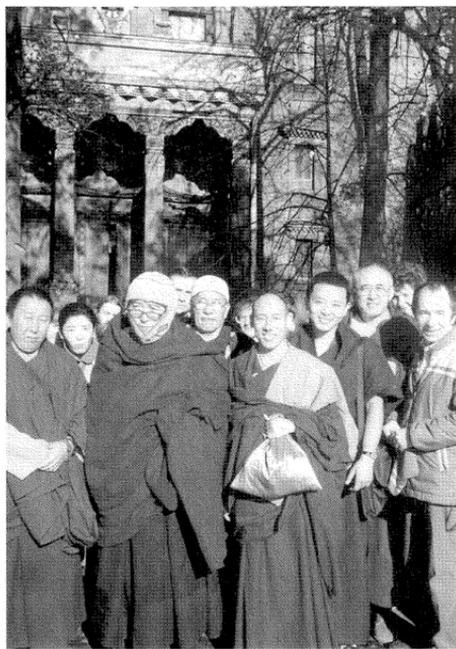

ритуал поклонения Учителю (так наз. «согшод»), за что впоследствии и обрушились на них репрессии властей²⁴. Работа этой группы, называвшей себя «мирской сангхой» (термин Б.Д. Дандарона), дала толчок к возрождению буддийской традиции в Ленинграде. Позднее, в 1970-е – 1980-е гг., появились группы европейских буддистов «второй волны» (не связанные с «сангхой» Дандарона), также подпольно практиковавшие тибетский буддизм. В сентябре 1988 года инициативная группа ленинградских буддистов (В.М. Монтлевич, А.Ю. Матвеев и А.Б. Болдин) обратилась с письмом в Совет по делам религий при Совмине СССР (непосредственно к его главе К.М. Харчеву) с призывом вернуть храм Буддийской церкви и начала

²⁴ См.: Дело Дандарона. Флоренция, 1974.

Вверху:

Лама Кушог Бакула Ринпоче с Общиной ленинградских буддистов на ступенях храма, июль 1989. (Фото А. Сурагина)

с этой целью сбор подписей среди постоянно проживающих в городе буддистов. Затем, 1 февраля 1989 г., на имя председателя Ленгорисполкома Совета народных депутатов В.Я. Ходырева было подано еще одно заявление с просьбой официально зарегистрировать вновь сформировавшуюся общину буддистов Ленинграда. (По советскому законодательству только такой общине и мог быть передан храм.) К заявлению прилагался список 117 членов-учредителей с их подписями (30 бурят, 38 монголов, девять шриланкийцев, один татарин и 39 европейцев). В ожидании решения властей члены-учредители избрали Совет общины, в состав которого вошли два бурята и 12 европейцев. Этот Совет развернул затем активную де-

Вверху:

Официальная делегация, посланная Его Святейшеством Далай-ламой в ответ на письмо Ленинградского буддийского общества. Октябрь 1990. Слева направо в первом ряду: Содо-лама, представитель Центрального духовного управления буддистов СССР; настоятель личного монастыря Его Св. Далай-ламы Дэнмо Лочо Ринпоче; Верховный оракул Тибета из монастыря Нейчунг; (между ними, сзади) Кхамтул Ринпоче (лама, посещавший Шамбалу); Карма Пунцог, секретарь монастыря Нейчунг; помощник Дэнмо Лочо Ринпоче; А. Терентьева. (Фото из архива А. Терентьева)

тельность по установлению контактов с правительством города и прессой. Общину и храм в этот период посетили многие зарубежные гости – буддисты из Японии, Кореи, Шри Ланки, Таиланда.

28 июня 1989 года Совет по делам религий в Москве зарегистрировал новую буддийскую общину – Ленинградское общество буддистов (ЛОБ). Община эта состояла в основном из прежних «подпольных» буддистов-европейцев, а также буддистов традиционных – бурят. Почти год потребовался инициаторам возвращения храма и затем Совету общины, чтобы добиться своей цели. Не исключено, что определенную, если не решающую, роль в этом сыграло обращение за помощью к С.Н.Рериху в Индию, направленное через его родственницу Л.С. Митусову одним из буддийских активистов А.А.Терентьевым. Вполне возможно, что С.Н.Рерих смог довести просьбу ленинградских буддистов посодействовать им в деле возвращения храма до сведения М.С.Горбачева, и последний (которому в то время очень хотелось вернуть знаменитого художника на родину) согласился пойти им навстречу. Как рассказывали впоследствии А.А.Терентьеву, Совет по делам религий принял свое решение после телефонного звонка Р.М.Горбачевой! А две недели спустя Ленинград вновь посетил тибетский лама Бакула Ринпоче. 15 июля он в сопровождении группы членов-учредителей общины совершил ритуал очищения пространства внутри и вокруг храма. Во время этого визита Бакула Ринпоче также «дал прибежище» 170 мирянам (т.е. обратил их в буддизм) и провел ряд буддийских посвячительных ритуалов.

27 мая 1990 года – в день 287-летия города – в храме состоялось первое публичное богослужение, которое совершил бурятский лама Туван Дорже, настоятель незадолго до того открывшегося Элистинского хурула. На этой службе присутствовала небольшая группа буддистов (всего около 40 человек), в основном европейцы. Зако-

чилась она чтением главной буддийской молитвы-«мани»: Ом-мани-падме-хум.

Дальнейшие события вокруг храма продолжали развиваться столь же стремительно. Месяц спустя – 9 июля – исполком Ленгорсовета народных депутатов принял долгожданное постановление о передаче здания бывшего буддийского храма религиозному обществу буддистов «для молитвенных целей»²⁵. Осенью того же года три иерарха буддийской церкви, делегированные Далай-ламой, – тибетские ламы Дэнмо Лочо Ринпоче, Кхамтул Ринпоче и государственный оракул Нейчунга – совершили очистительные ритуалы в храме путем чтения особых молитв-«дхарани» и сутр Праджняпарамиты. Затем при участии тех же лам состоялась трехдневная служба, на которой присутствовали несколько сот человек. Через 50 с лишним лет после закрытия храма под сводами зала молебствий вновь зазвучали распевные буддийские молитвы.

Летом 1990 года председатель Ленинградского буддийского общества Ц.Чемитов и зам. председателя В.М.Монтлевич были направлены общим собранием об-

²⁵ См.: Бюллетень Исполнительного комитета Ленинградского городского совета народных депутатов. 17 сентября 1990. С. 7

Вверху:

Нейчунг-кутенла, Верховный оракул Тибета, проводит очистительный ритуал в буддийском храме. Октябрь 1990. (Фото из архива А. Терентьева)

шества в Бурятию для приглашения в храм настоятеля. С благословения хамбо-ламы они обратились с просьбой возглавить храм к почтенному агинскому гелонгу Жимбе-Жамсо Цыбену. Он благосклонно принял хадак и просьбу делегации и обещал приехать в Ленинград, однако вскоре верующим было возвращено одно из немногих уцелевших в Бурятии зданий – Цугольский дацан, – и Ж.-Ж.Цыбену отправился туда, чтобы возглавить восстановление и возрождение этого крупнейшего бурятского монастыря. В Ленинград же по поручению Бандидо Хамбо-ламы М.З.Цыбикова в качестве настоятеля был направлен лама Эрдем Цыбикжапов. Однако вскоре Э.Цыбикжапов стал депутатом Государственной думы, и 20 ноября 1990 года решением Центрального духовного управления буддистов (ЦДУБ) настоятелем (ширетуем) Ленинградского буддийского храма был назначен 37-летний лама-гелонг Данзан-Хавзун (Ф.Самаев). Годом ранее он принял полный свод монашеских обетов от Его Святейшества Далай-ламы. (В 1997 г. его сменил в этой долж-

Слева:
Эрдем Цыбикжапов, первый настоятель храма, и Том
Рабданов, официальный представитель ЦДУБ СССР,
на балконе храма. 1990. (Фото из архива А. Герентьева)

Вверху:
Статуя большого алтарного Будды, 2003 г. (Фото В. Куренного
и П. Цветкова)

ности нынешний настоятель лама-гецул Б.Б. Бадмаев.) 14 февраля 1991 года Данзан-Хавзун совершил свою первую службу в храме по поводу наступления нового года – года Белой Овцы по восточному лунному календарю. Прошла она при стечении значительного числа верующих и тех, кто проявляет интерес к учению Будды. Перед началом службы настоятель зачитал краткое обращение XIV Далай-ламы к буддистам СССР:

«Я посылаю вам свои самые теплые пожелания. Буддисты СССР и Монголии – наши братья. Вы всегда близки нам,

Вверху:

Настоятель храма лама-гелонг Данзан-Хавзун (Ф. Самаев) участвует в ритуале освящения статуи большого Будды, 20 мая 1994. (Фото А.И. Андреева)

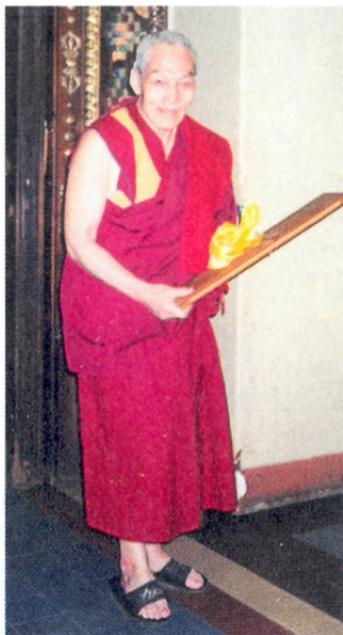
тибетцам, и постоянно находитесь в наших мыслях, особенно в эти волнующие дни перемен – перемен к лучшему. Меня вдохновляют эти перемены, потому что они сулят не только большие возможности для буддистов, но также и большую свободу и счастье для народа СССР».

День 14 февраля ознаменовался и другим радостным для буддистов событием – официальной регистрацией устава дацана Гунзэчойнэй. Именно такое название получил буддийский храм и религиозное объединение буддистов в городе. Гунзэчойнэй – сокращенная форма того тибетского имени, которое в 1915 году дал храму Доржиев.

Сразу же после возвращения храма его законным владельцам встал вопрос о проведении в нем ремонтно-реставрационных работ. Вопрос этот был более чем актуальным, ибо здание храма изрядно обветшало за долгие годы эксплуатации государственными учреждениями. Согласно упомянутому выше постановлению Ленгорисполкома от 9 июля 1990 года, такие работы, равно как и разработка проектно-сметной документации, должны были производиться исключительно «за счет средств и силами религиозного общества», что поставило перед последним немало проблем.

Реставрационный проект был разработан в 1989-1990 годах ведущим архитектором института «Ленпроектреставрация» Т.В.Леонтьевой. Этим проектом предусматривалось «восстановление архитектурно-художественного облика храма в историческом виде путем освобождения его от более поздних наслоений, не имеющих ценности и искажающих облик памятника, восполнение утраченных элементов декора на основе обоснованных научных данных и по сохранившимся образцам»²⁶. Состояние памятника в целом Леонтьева охарактеризовала как «удовлетворительное», вместе с тем ею приводился длинный список выявленных повреждений памятника. Более всего пострадали световой фонарь («рабсал») и портик, в меньшей

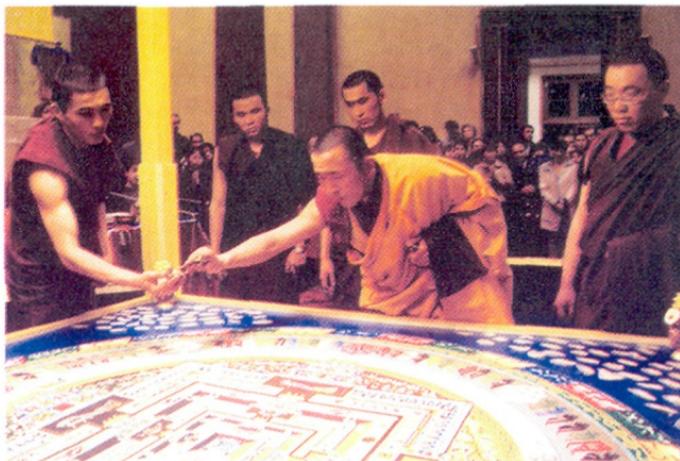
²⁶ Леонтьева Т.В. Пояснительная записка к проекту реставрации бывшего буддийского храма. Том IV. Часть I А. С. 1. Хранится в архиве ГИОП.

степени – отделка главного зала молебствий. Элементы навесного декора, такие как диски («толи»), щиты с монограммой Калачакры, накладные детали дверей и порталов и др., частично сохранились, что, конечно же, облегчало работу реставраторам, в то же время многие другие украшения, например наддверники с надписями-мантрами на трех восточных языках, накладные дверные розетки с кольцами, детали в круглых окнах над входными дверьми, были безвозвратно утрачены. Некоторые декоративные элементы Леонтьевой, правда, удалось

восстановить, в том числе наддверные надписи, для чего потребовалась кропотливая исследовательская работа и консультации с востоковедами.

К реставрационным работам приступили в начале 1990-х годов, однако велись они довольно бессистемно и сумбурно, а вскоре и вовсе были приостановлены по причине отсутствия у заказчиков необходимых средств. В результате портик храма до сих пор (конец 2003 года) остается одетым в леса и продолжает медленно разрушаться. Правда, буддийской общине удалось изыскать средства для изготовления статуи большого Будды для главного алтаря храма. Делали Будду из папье-маше с последующим покрытием сусальным золотом три монгольских мастера и один русский в строго монгольской традиции.

Все работы велись прямо на месте – внутри храма и во дворе – с ноября 1993 по май 1994 года. Высота туловища Будды – два с половиной метра, вместе с мандорлой²⁷ и пьедесталом – около пяти метров. После помещения статуи в алтаре, 22 мая – за три дня до большого буддийского праздника, Дня рождения Будды, – было совершено ее освящение рамней (тиб.: *gab gnas*), которым руководили настоятель Калачакра хурэ из монастыря Гандан в Улан-Баторе, Бандидо Хамбо-лама Бардуев и ширетуй храма Данзан-Хавзун. Ритуал этот состоял из нескольких частей, как то: «омовение» Будды через посредство зеркального шара, в котором отражается его образ, огненное подношение и др. Конечная цель всего обряда – «оживление» статуи Будды.

В августе 2003 года в Петербургский храм вернулась еще одна реликвия – сиамский «стоящий Будда», подаренный в начале XX века русским консулом Г.А.Плансоном-Ростковым. Эта статуя (с отбитой головой и многочисленными вмятинами на туловище), долгие годы пролежавшая на чердаке в Музее истории религии, была

²⁷ Мандорла (ит.: *mandorla* - миндаль; санскр.: *prabhamandala*) - нимбообразное украшение статуи Будды в форме миндального ореха, символизирующее радужное сияние - огненную ауру - вокруг тела вероучителя.

Слева:

*Дост. геше Чжамьян Кьенце после лекции в храме, 1997 г.
(Из архива А.Терентьева)*

Вверху:

Создание песочной мандалы в честь 300-летнего юбилея города. (Из архива дацана Гунзэчойнэй)

отреставрирована тайскими мастерами и перенесена в храм во время празднования дней Тайланда в Петербурге. После ритуала освящения её установили, в соответствии с традицией, справа от алтарной статуи большого, «монгольского», Будды.

Возвращение храма верующим дало мощный толчок распространению буддийского учения – Дхармы – в возрождаемом С.-Петербурге. К началу 2002 года в городе насчитывалось не менее десятка буддийских групп, представляющих различные, в том числе и не тибетские, буддийские традиции. Их членами в основном являются европейские «новые буддисты», для которых ценность и смысл Учения состоят преимущественно в трансформирующих психику человека («просветляющих») буддийских практиках, а не в традиционной догматично-церковной обрядности. Кроме того, регистрация буддийской общины Ленинграда стала важным юридическим прецедентом, и буддийские общины стали регистрироваться по всей стране.

Своим высшим духовным авторитетом большинство петербургских буддистов считают XIV Далай-ламу, выступающего, как и его предшественник, в роли духовного владыки – покровителя Петербургского храма. В одной из бесед с буддистами из Петербурга, приехавшими для учебы в Дхарамсалу в начале 1990-х годов, Далай-лама, говоря о будущем храма, подчеркнул важность того, чтобы он был доступным для всех исповедующих буддизм, независимо от их узкой конфессиональной принадлежности к той или иной буддийской школе. В то же время, поскольку храм является тибетским – и по архитектурному стилю и потому что тибетские Далай-ламы традиционно выступают в роли его покровителей, – в нем должны быть представлены четыре основные школы тибетского буддизма – гелуг, кагью, ньингма и сакья.

Эту точку зрения Далай-ламы в целом разделяют и

сами буддисты. Таким образом, благодаря буддийскому храму восстанавливается историческая связь Петербурга с Тибетом, и наш город вновь становится главным форпостом индо-тибетской духовной культуры на западе России, как этого и хотели его создатели, Агван Доржиев и XIII Далай-лама.

Эту книгу хотелось бы закончить поэтическими строками А.А.Санниковой, навеянными посещением храма уже в наше время, когда он вновь стал живым магнитом для всех петербуржцев, ищущих духовного совершенства и гармонии:

*Зов раковины отпер двери
В гудящий благовонный полумрак,
Где в бронзовой улыбке явлен знак
Входящим – боги, люди, звери...*

*Как лотос, отраженье на воде –
Буддийский храм в белёсой невосковой мгле,
И светится средь русских слов и дум
Ожившее Ом мани падме хум.*

Вверху:
«Намчу-вандан» – накладная деталь с фасада храма
(см. с. 77). (Фото П.Цветкова)

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Штат бурятско-калмыцкого духовенства, служившего в Петербургском буддийском храме в 1914-1917 гг.*

(Утвержден Высочайшим повелением 2 мая 1914)

Командированные из Забайкальской области:

1. Гылык-Чжамцо Цыбаков (р. 1868), гелонг Сартольского дацана. Выбыл 26 июля 1915 вследствие расстройств здоровья.
2. Дамдин-Бадма Доржиев (р. 1857), гелонг Загалаевского дацана.
3. Содном-Чжамцо Жигжитов (р. 1875), банди, Агинский дацан.

Из Ставропольской губернии:

4. Церен Аненов (р. 1873), гелонг 4-го малого хурула Большедербетовского улуса.
5. Церен Доржиев (р. 1885), манджик 3-го малого хурула Большедербетовского улуса.

Из Астраханской губернии:

6. Берик Омучиев (Омаров) (р. 1873), гелонг 1-го Сангак-Чонкорлинг большого хурула Малодербетовского улуса.
7. Манжи Манджиев (р. 1870), гелонг 11-го Чонкорлинг большого хурула Икицохуровского улуса.
8. Халга Линджиев (р. 1895), гецул 1-го Серетекчелинг большого Эрдениевского хурула (в качестве прислужника).
9. Кичик Антунов (р. 1882), гецул 6-го Доджид-Рацинг большого хурула Манычского улуса (в качестве прислужника).

(РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 448. Л. 247)

* Духовные степени монахов (зависящие от числа принятых на себя обетов) даются в современном написании: «гелонг» (253 обета) вместо «гелюнг», «гецул» (36 обетов) вместо «гешюль» и «банди» (10 обетов) вместо «баньдий». Приведенные даты рождения заменяют указанный в документе возраст священнослужителей. - А.А.

Приложение 2

Письмо А. Доржиева в Восточный отдел НКВД РСФСР, 1 октября 1920г.

*Заведующему отделом Востока Народного Комисса-
риата Иностранных Дел РСФСР
тов. Янсону
представителя Тибета
Агван Доржиева*

заявление.

Петроградский буддийский храм был построен на средства главы Тибета Далай-ламы и средства, пожертвованные Внутренней и Внешней Монголией, бурят-монголами и калмыками.

До мировой войны при храме жили тибетские, монгольские, бурят-монгольские и калмыцкие ламы, которые во время войны, ввиду чрезвычайной дороговизны жизни, временно разъехались по своим странам. За отъездом монахов, заведующим храмом, библиотекой и храмовыми имуществами был назначен проф. санскритолог Щербацкой. Но в 1919 г. в доме при храме была расквартирована красноармейская часть, командир которой, уверив г-на Щербацкого, что храму не грозит никакой опасности, запечатал его двери, а самого Щербацкого выселил из его квартиры. Таким образом, ответственность за целостность храма и храмового имущества взяла на себя данная воинская часть или её командир, выселивший и отстранивший г-на Щербацкого от заведования и охраны храма. Вскоре за выселением г-на Щербацкого храм подвергся, как выяснено расследованием чрезвычайной комиссии, задержавшей семерых красноармейцев и отстранившей от должности

их командира, неслыханному осквернению, погрому и разграблению. У центральной статуи Будды из гипса, в сажень вышиной, оторвана голова и пробито большое отверстие в груди, из которого были вытащены свитки священных изречений и молитв, написанных на тонкой бумаге, которые потом продавались на рынках на папиросную бумагу. Похищены из храма следующие священные вещи:

1. 20 крупных и мелких из бронзы и позолоченных индийских и тибетских статуэток, изображающих тех или иных божеств.
2. 60 таких же из меди и позолоченных статуэток китайской и монгольской работ.
3. Серебряных жертвенных ваз и чашек, весом 910 лан (лан – 10 зол.)¹.
4. Храмовых украшений и драпировок из китайской парчи – 882 арш.
5. 18 малых священных зеркал из золоченой меди, в диаметре в 1 арш., украшающих внешний фасад храма.
6. 7 таких больших зеркал в полтора арш. в диаметре.
7. 1 металлическая подставка для священных часов.
8. 2 вызолоченных металлических завитка от священного цилиндра на крыше храма.
9. 26 священных изображений на полотне.
10. Расхищены все дверные и оконные металлические ручки, украшения и замки, причем двери и ставни были изрублены и иссечены.
11. Расхищены все клетки стеклянной крыши храма, благодаря чему дожди и ветры производят разрушение храма изнутри.
12. Библиотека, состоящая из ценных и редких книг, на европейских, тибетском и монгольском языках, истреблена вся; книги на европейских языках расхищены, а на тибетском и монгольском языках разорваны в клочья и потреблены на домашние и ватерклозетные нужды; той

¹ 1 лан - 31, 27 г.

же участи подвергся чрезвычайно ценный архив секретных и не секретных документов и писем, обрисовывающий взаимоотношения России, Англии, Тибета и Китая за последние 30 лет.

13. Из обстановки храма и квартир монахов при нем похищены: вся фарфоровая и медная посуда, шкафы, 3 дорожные кровати и 8 простых железных кроватей, 2 дюжины мягких дубовых стульев, 2 оттоманки и т.д.

14. Из храмовой казны: мехов рысских – 25 шт., лисьих – 18 шт., барсовых [мехов] и тибетских суконов – 36 шт., пожертвованных Тибетом на завершение внешних украшений храма; на ту же цель от бурят-монголов – 3 шт., медвежьих, и от монголов – 11 кусков синего и коричневого шелка, полушелка и чесучи.

15. 80 сажень дров и 500 пудов антрацита, заготовленных на топку храма и квартир при нем, и лес для завершения постройки храма.

16. Кроме того, похищены принадлежащие лично мне европейские, тибетские и монгольские меховые и не меховые костюмы и все белье, в силу чего я остался совершенно раздетым, не имея никаких средств на новые.

Такое надругательство и разграбление храма и дома при нем я считаю совершенно и абсолютно недопустимым со всяких точек зрения. Во-первых, храм представляет единственный в России и Европе редкостный образчик и памятник индо-тибетского творчества и архитектуры; во-вторых, в настоящий момент, когда у Советской России завязываются более или менее тесные связи... с огромным и многомиллионным Буддийским Востоком чрез бурят-монголов, калмыков, коренных монголов и даже тибетцев, разгром и надругательство над Петроградским буддийским храмом, несомненно являющимся общепобуддийской святыней, находящейся под особым покровительством Далай-ламы, на почве примитивности и политической отста-

лости народов Буддийского Востока и исключительного господства среди них пока что религиозных начал... будут иметь несомненно и определенно отрицательное значение для укрепления налаживающихся связей между Советской Россией и Буддийским Востоком. <...> И, в третьих, [храм] со всем его содержимым и находившимися [при] нем постройками является достоянием бурят-монгольского народа на основании постановления июльского 1917 года Общенародного съезда на Гусином озере², коим храм был взят в ведение бурят-монгольского народа на предмет обращения жилых его помещений и дома при нем в общежитие для учащихся бурят-монголов, общенародных стипендиатов в петроградских учебных заведениях. При храме петроградском имеются два дома, принадлежащие бурят-монгольскому народу. В этих домах в настоящее время расквартирована воинская часть, которая почему-то беспощадно истребляет деревянную ограду вокруг храма и домов и деревянные части зданий, вплоть до дверей, на топку, что угрожает совершенным приведением в негодность этих домов. Между тем в связи с открытием в Петрограде Восточного института³ и решением направить для обучения в институте учащихся бурят-монголов, тибетцев, монголов и калмыков, указанные выше дома понадобятся под общежитие для сих учащихся. Кроме того, на соседнем участке, принадлежащем частновладельцу Исаеву, ныне неизвестно куда скрывшемуся, находится дом, который перешел в ведение государства и временно занят под приют, а на задней стороне усадьбы храма находится пустой неиспользованный участок, который можно обработать в огород, на котором имеется в виду построить крематорий.

На основании вышеизложенного, я прошу и настаиваю во имя общих интересов Советроссии и народов Буддийского Востока:

1 на отпуске средств и реставрации Петроградского

² Речь идет о 2-ом Общебурятском съезде, который проходил 10-15 июля 1917 г. в Гусиноозерском дацане.

³ Основан декретом СНК от 7 сентября 1920 г. под названием Петроградский институт живых восточных языков (ПИЖВЯ). В 1927 г. переименован в Восточный институт. Находился в Ленинграде по адресу: Максимилиановский пер. д. 7 (совр. переулок Пирогова). Закрыт в 1938 г.

храма и назначении охраны его, до момента взятия его в свое ведение заинтересованными буддийскими народами: бурят-монголами, монголами, калмыками и т.п. и превращения его в революционный центр для этих народов;

2 освобождении указанных домов от воинской части, с тем чтобы эти дома можно было немедленно отремонтировать и привести в жилой вид, и

3 передаче пустого участка земли на задней стороне храмовой усадьбы под огород для общежития и постройки крематория и бывш. дома Исаева с усадьбой на нужды буддийского общежития.

Представитель Тибета

Хамбо Доржиев

1 октября 1920

(ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 2567а. Лл. 4-7)

Приложение 3

Текст проекта договора о буддийском храме, 1927 г.

СОГЛАШЕНИЕ

1927 г. июля дня. гор. Ленинград.

Мы, нижеподписавшиеся представители буддистов:

от Тибета - Хамбо Агван Доржиев,
от Монголии
от Бурятии
от Калмыкии

заключили настоящее соглашение в следующем:

1. Находящийся в г. Ленинграде СССР в Старой Деревне, по Благовещенской ул. на участке под №№ 13 и 15 и по Липовой аллее № 4, Буддийский храм с жилыми домами, надворными постройками и усадебным местом, согласно [плана], приложенного к сему соглашению, настоящим соглашением признается общим достоянием буддистов Тибета, Монголии, Бурятии и Калмыкии, поскольку он сооружен на средства этих стран.

Примечание: Тибет, Монголия, Бурятия и Калмыкия не имеют права разделить между собою это более общее имущество, а также одна из сторон не имеет права без согласия других передавать свое право на общее имущество третьей стороне.

2. Со дня заключения настоящего соглашения для управлением указанным в 1 п. имуществом назначается уполномоченное лицо, на которое возлагается: а) оформление, согласно законам СССР, прав на владение вышеупомянутым имуществом и б) заведование, охрана, ремонт, содержание и наблюдение за таковым.

3. Все расходы по заведованию, охране, ремонту и содержанию храмовых домов, участка принимают на себя вышеупомянутые совладельцы и им же предоставляется право эксплуатации указанного имущества и получения всех доходов, могущих поступить от такового.

4. Имея в виду, что задачей храма является содействие к сближению буддистов Буддийского Востока с буддистами СССР, храм должен быть доступен для всех верующих буддистов указанных стран, для изучения в нем учения Будды и совершения богослужения и обрядов, а также предоставляется возможность временного или постоянного проживания при храме буддийских монахов, причем уполномоченное лицо не может требовать платы за пользование храмом и принимает на себя все расходы по содержанию храма, как-то отопление, освещение и пр.

5. Все находящиеся на участке храма жилые дома могут эксплуатироваться по усмотрению совладельцев. Для обеспечения жильем помещением представителей буддистов Тибета, Монголии, Бурятии и Калмыкии отводится соответствующая часть помещения, за установленную плату для поддержания владения.

6. Все расходы по оформлению, содержанию и ремонту помещений несут пропорционально договаривающиеся стороны - Тибет, Монголия, Бурятия и Калмыкия.

7. Настоящее соглашение, написанное на соответствующих языках, в 4-х экземплярах, хранится у сторон, заключающих соглашение, и вступает в силу со дня подписания его сторонами.

(АВПРФ. Ф. 100. Оп. 1. Пап. 4. Д. 36. Л. 6)

Приложение 4

Письмо-завещание Агвана Доржиева, 1 октября 1936 г.

Многоуважаемый Дылыков Сандже Данцикович!

Тибетским правительством и верховным правителем Тибета Далай-ламой я, хамбо Агван Доржиев, был официально назначен в 1901 г. полномочным представителем Тибета при правительстве великой России, а после революции 1917 г. продолжал свою деятельность как дипломатический представитель при правительстве Союза Советских Республик.

Моя сорокалетняя государственная деятельность была направлена к установлению наилучших отношений между Тибетом и великой Россией – СССР, но благодаря создавшемуся за последние годы исключительно напряженному положению на Дальнем Востоке и в Европе, а в связи с этим международному положению Тибета, мне не удалось претворить в жизнь многое для создания действительной национальной независимости великого тибетского народа, пользуясь содействием великого Советского Союза.

В настоящее время мне, в столь преклонном возрасте, уже не приходится думать о какой-либо государственной, политической деятельности, а остается надеяться, что ответственная и благодарная работа по установлению действительно дружеских отношений между Тибетом и великим Советским Союзом в целях обеспечения независимого процветания тибетского народа будет возложена на будущего официального представителя Тибета в СССР.

Теперь, заботясь лишь о будущей судьбе буддийского храма в Ленинграде со всеми постройками при нем, а также имуществ и средств, предназначенных к отправке

в Тибет, и своего личного имущества, находящегося на территории СССР – в поселке Ольгино Лен. области, в Бурят-Монгольской республике и в Калмыцкой республике, считаю своим долгом перед своей смертью назначить Вас, Дылыкова, Санджея Данциковича, как близкого родственника, пользующегося полным моим доверием, своим преемником по делам Тибето-Монгольской миссии и единственным наследником моим всего моего личного имущества, как движимого, так и недвижимого.

В отношении моей миссии и перспективы ее деятельности в дальнейшем, Вы, Дылыков С.Д., уполномочены мною и обязаны вступить в переговоры с Н.К.И.Д. СССР, прося содействия и покровительства до приезда официального представителя Тибета. Будучи заранее уверен в том, что Наркоминдел СССР пойдет навстречу Вам, надеюсь, что Н.К.И.Д. СССР после моей кончины не допустит вмешательства с чьей бы то ни было стороны в дела Тибето-Монгольской миссии и распоряжения моим личным имуществом помимо Вас, являющегося моим доверенным лицом, и официального представителя Н.К.И.Д. СССР.

Наконец, надеюсь, что Н.К.И.Д. СССР создаст Вам все необходимые условия для исполнения Ваших обязанностей после моей смерти, как по владению, распоряжению и пользованию моим личным имуществом, движимым и недвижимым, по Вашему усмотрению, так и по управлению делами Тибето-Монгольской миссии, наблюдению за целостью и сохранностью Буддийского храма с прилежащими к нему постройками и по хранению средств, предназначенных к отправке в Тибет, впредь до приезда официального представителя Тибета или специального решения Советского правительства о снаряжении экспедиции в Тибет, в состав которой должны быть включены и Вы, Дылыков Сандже Данцикович.

Настоящее письмо за моей подписью и печатью, жалованной мне верховным правителем Тибета Далай-ламой,

является официальным моим завещанием и вступает в силу с момента его подписания мною.

Завещание составлено в двух экземплярах на русском языке, один для Дылыкова, Сандже Данциковича, другой для Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР. (квадратная печать)

*1 сентября 1936 г.
Город Ленинград, поселок Ольгино.
Подпись по тибетски
(Хамбо Агван Доржиев)*

(АВПРФ. Ф. 100. Оп. 19. Пап. 19. Д. 26. Лл. 9-10)

Приложение 5

Письмо С.Д. Дылыкова в президиум Ленсовета, 21 марта 1938 г.

*В Президиум Ленинградского Совета РК и КД
[от] научного сотрудника
Института востоковедения АН СССР
Дылыкова С.Д.*

заявление.

Прошу обратить Ваше внимание на нижеследующее: в Старой Деревне, по Стародеревенской ул. № 13 и 15, находятся владения бывшей так называемой «Тибето-Монгольской миссии СССР» – официально не признанной Советским Союзом, состоящие из буддийского храма и двух каменных зданий – 4-х этажного и 2-х этажного. Храм со всеми внутренними музейными и культовыми редкостями выстроен в период с 1909 по 1916 г. по инициативе тогдашнего посланника Далай-ламы при царском правительстве хамбо А. Доржиева, на средства, в основном собранные среди бурят и калмыков, а также в Монголии. Указанные дома выстроены в 1916 г. тем же А. Доржиевым на те же средства как общежитие для лам буддийского храма и приезжающих из Бурятии, Калмыкии и Монголии. В 1924-29 гг. были общежитием для студентов Ленинградского Восточного института. После этого были заселены русскими жильцами и отчасти бурятами и монголами, преимущественно ламами. В 1933-34 гг. вышеупомянутая «миссия», предъявив довольно сомнительные права перед судебными органами, выселила часть русских жильцов и заселила «сотрудниками миссии», состоявшими главным образом из лам, кулаков и др. темных лиц, бежавших с мест ссылки. Часть из них была выселена в период пас-

портизации, а остальная часть арестована органами НКВД в 1937 г. Таким образом, «миссия» фактически ликвидирована. Еще до ликвидации «миссии» в конце 1936 г. по договоренности с нашими советскими органами, а также с «согласия» самого руководителя «миссии» хамбо А. Доржиева, управление «делами миссии», домами с храмом было возложено, наряду с моей аспирантской учебой в АН СССР, на меня. Мое положение – исключительно номинальное и никакой зарплаты за эту работу я не получал. Нужно было в свое время воспользоваться «доверием» руководства «миссии», в особенности А. Доржиева, с целью осуществления некоторого контроля за деятельностью «миссии», по существу контрреволюционной организации. Дома эти находятся на хоз. расчете и поступающий доход от кварт. платы едва покрывает текущие расходы. О капитальном ремонте говорить не приходится, впрочем, с 1916 г. никакого ремонта не производилось. В дальнейшем в таком положении [дело] оставаться не может.

Исходя из всего вышеуказанного прошу Президиум Ленсовета вынести решение о признании Ленинградского буддийского храма с двумя домами как гос. собственности СССР и принятия их в ведение Ленсовета.

Краткий очерк истории постройки храма и домов с перечислением ценностей храма, а также мотивировки для вынесения такого решения, именно органами Советской власти, прилагается особо.

21 марта 1938 г.

С. Дылыков

P.S. Прилагаемая докладная записка была подана мною в Комитет по делам искусств при СНК летом 37 г., но ответ был получен такого характера, что Комитет считает в данное время нецелесообразным принятие в свое ведение буддийского храма и превращения его в музей.

С. Дылыков

(ЦГА Спб. Ф. 7384. Оп. 18. Д. 671. Лл. 225-226)

Приложение 6

Первое обращение ленинградских буддистов к властям, 1988 г.

*В Совет по делам религий
при Совете Министров СССР
(тов. К.М. Харчеву)*

В СССР официально действует Буддийская церковь. Её глава – Далай-лама. В СССР его представляет Банди-до Хамбо-лама, который руководит Буддийской церковью нашего государства и проживает в Иволгинском дацане.

В 1910-1915 гг. в Ленинграде было открыто представительство Буддийской церкви – дацан и каменный храм на Приморском проспекте, дом 91. Его обслуживал штат лам. Они отправляли религиозные обряды, удовлетворяя нужды верующих. Земля храма является собственностью Далай-ламы.

В 1932 г. храм был незаконно отобран у буддистов и использовался произвольно.

В настоящее время проживающие в Ленинграде буддисты не имеют возможности совершать положенные религиозные обряды и получать разъяснения и духовную поддержку священнослужителей Буддийской церкви и вынуждены регулярно по каждому вопросу посещать Иволгинский или Агинский дацаны, расположенные в БурАССР и в Читинской области, в семи тысячах километрах от Ленинграда. Кроме того, при посещении дацанов приезжие с Запада встречают препятствия со стороны местных органов Советской власти. Такое положение является нарушением статьи 52 Конституции СССР по отношению к буддистам г. Ленинграда.

Мы, ленинградцы, больше не можем терпеть подобную дискриминацию и требуем вернуть Ленинградский дацан

с храмом Буддийской церкви и её главе Далай-ламе и создать необходимые условия для свободного исповедания Буддийской религии.

Ответ просим прислать по адресу:
671210 БурАССР, г. Улан-Удэ, Улан-Удэнский район, село Верхняя Иволга, Дацан, Бандидо Хамбо-ламе Жимба Жамцо Эрденееву.

*А.Ю. Матвеев
В.М. Монтлевич
А.Б. Болдин
Е.Е. Беднягин
С.Ю. Носков
Сентябрь 1988 г.*

(Из архива В.М. Монтлевича, копия)

Приложение 7

В.А. Иванов. Из воспоминаний о Старой Деревне

По месту своей основной работы в ВНИПИЭТ (Всесоюзный проектный и научно-исследовательский институт комплексной энергетической технологии) я, в порядке общественной нагрузки, возглавлял историческую секцию. Моей целью было воспитание молодого поколения инженеров-специалистов в духе лучших традиций старых петербуржцев, возрождение культуры и исторического значения нашего города. Боролся за восстановление и усиление охраны архитектурных и исторических памятников. Сначала читал лекции по истории Приморского района только коллективу института, впоследствии лекции стал сопровождать экскурсиями по памятным и историческим местам Приморского района и Каменного острова.

В число осматриваемых объектов попал и Буддийский храм. С середины 70-х годов, будучи членом Приморского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) и лектором-экскурсоводом Приморского районного отделения общества «Знание», я начал проводить целенаправленные экскурсии отдельно только в Буддийский храм с чтением там лекций об истории появления этого здания в Петербурге и его перипетиях в дни Советской власти.

Лекции были оценены слушателями, и количество экскурсий в храм росло с каждым годом. По ходу своей пропагандистской работы тщательно собирал все сведения о здании от оставшихся в живых, но малочисленных жителей довоенной Старой и Новой Деревни. От них я уже давно знал, что после разрушения первой алтарной статуи Будды была в 20-х годах установлена новая, привезенная верующими буддистами из Монголии⁴. Слышал я и о том,

что впоследствии, после разгрома храма в 1937 г., ареста и расстрела последних буддийских монахов, статуя Будды была разрушена и выброшена в Большую Невку, прямо напротив парадных ворот храма. В 1980 г. город Ленинград готовился к проведению Олимпийских игр. Приводили в порядок и берега Большой Невки. Устанавливался небольшой гранитный поребрик вдоль реки. Одновременно чистились пруды в ЦПКиО на Елагином острове.

Однажды, подойдя к 3-му Елагину мосту, я увидел какие-то темные куски металлолома, лежащие на берегу. Среди обломков виднелась рука с хорошо сохранившимися пальцами. Естественно, вспомнив о том, что мне рассказывали старожилы, я решил, что это фрагменты реквизита Буддийского храма. Так при ближайшем рассмотрении и оказалось. Рабочие во время дноуглубительных работ вытащили их на поверхность и, убедившись, что материал этих фрагментов медь, решили сдать в металлолом.

Удивительно, что я оказался там именно в то время, когда после окончания своего рабочего дня нашедшие поджидали прибытия грузовика, на котором собирались отвезти металл в пункт приема утильсырья. Во время разговора с рабочими я узнал, что на берегу одного из чистящихся прудов на Елагином острове лежат еще несколько таких же фрагментов. Сходил, посмотрел – действительно, на берегу пруда, первого от мостика, напротив здания кафе, стоявшего на другом берегу, лежали такие же куски разрушенной фигуры. Вернулся к рабочим и объяснил им, что это куски фигуры Будды из стоявшего перед их глазами вблизи Буддийского храма. Просил их перенести в храмовый двор найденные куски. Говорил, что они представляют историческую ценность. В ответ – грубая брань и полное непонимание. Гегемон готовился выпить и с нетерпением ждал прибытия их товарища на грузовике. Денег у меня не было и я не мог компенсировать работягам стоимость найденного металла. Вскоре приехала машина,

⁴ В действительности статуя алтарного большого Будды была изготовлена в одной из европейских стран. - А.А.

и обломки были брошены в кузов. Куда их отвезли, – я не узнал.

Впоследствии, когда в 1991 г. меня выбрали депутатом Приморского районного совета, я возглавил комиссию по культуре. Воспользовавшись указом о передаче национализированных зданий и территорий, принадлежавших прежде религиозным учреждениям, я передал в руки буддийской общины г. Ленинграда здание Буддийского храма, Благовещенскую церковь и церковь Святого Петра в Лахте – в православную Епархию. Был очень рад, просто счастлив, когда вместо английского электронного микроскопа я снова увидел [в алтаре] статую Будды, уже третью по счету, за время существования храма.

Среди осколков памяти детских лет у меня сохранились наиболее яркие события, к каковым относятся и походы с моей бабушкой в Старую Деревню. В ограде Благовещенской церкви, что на Приморском проспекте, напротив Елагина острова, находилось старое кладбище, на котором в 1925 г. похоронили моего дедушку. (В свое время это кладбище воспел А. Пушкин в элегии «Когда за городом, задумчив, я брожу».) Вот сюда на могилку к дедушке мы и ездили. Трамвайный путь был однопутный с разъездами на остановках. Были мы там, по-видимому, осенью 1936 года или весной 1937-го. Снег еще не выпал, кладбище утопало в зелени, дорожки были посыпаны желтым песком. Вскоре по распоряжению властей кладбище было закрыто. Тем, кто хотел и имел документы на погребение [родственников], предложили произвести их перезахоронение на ближайшем Серафимовском кладбище. Так мой дедушка и был переправлен на новое место. Остались лишь не востребовавшие могилы и брошенные склепы. Каменные надгробия из гранита, габбро и мрамора беззащитно, под руководством органов НКВД, свозились с кладбища на отделку строящихся в городе новых зданий. Например, Дома культуры промкооперации на Кировском

проспекте. Помню, что на краю кладбища стояли два, резко выделяющихся своей необычной формой, надгробия, из камня серого цвета. Моя бабушка объяснила мне, что под этими камнями лежат «нехристи», но хорошие люди, которые приехали к нам издалека, из другой страны, которая расположена высоко в горах. Зовут этих людей ламами, и оставшиеся в живых обитают совсем недалеко от этого места, в Буддийском храме. Так я запомнил с раннего детства это название.

Бабушка вместе со мной заходила сначала в рядом стоящее здание, в котором, как об этом я узнал позже, жили буддийские монахи. Мы заходили в магазинчик, расположенный на первом этаже этого дома. Посередине практически пустой комнаты на кипе из маленьких матрасиков восседал удивительный человек – поджав под себя ноги, в очень странной одежде, совершенно не реагирующий на звон колокольчика над входной дверью, когда приходили покупатели. Вдоль стен стояли шкафы. Их нижние части были заняты выдвижными ящичками, похожими на ящики домашнего комода. Верхние этажи шкафов занимали ящички поменьше. В магазине стоял потрясающий, ни на что не похожий запах. Приятный, но очень сильный. Из дверей, уводящих в глубь помещения, выходил на звук колокольчика другой человек с акцентом и спрашивал у моей бабушки и других проходящих покупателей, что им надо. Оказывается, в маленьких ящичках шкафов были разложены разных сортов целебные травы и всякие благовонные порошки. В нижних больших цуклядках, как их называла бабушка, находился особый товар – саго. Мелко нарезанные и высушенные кусочки сердцевин сагового дерева. Дерево это у нас не растет, и зернышки саго привозят из дальних стран. Вот и приезжали за этим товаром покупатели со всего города, так как в пустых городских магазинах натурального саго купить было нельзя. Покупала саго и бабушка специально для особого «празднично-

го» пирога, начинка которого состояла из предварительно размоченных кусочков саго и мелко нарубленной вязиги. Пирог из саго и вязиги был необычайно вкусным.

Так вот, монах упаковывал купленное саго и заодно какие-то целебные травы и также принимал от посетителей просьбу еще на одну услугу, которой не преминула воспользоваться и моя бабушка. На специальной бумажной ленте, сложенной в толстую пачку, предварительно оторвав от неё фрагмент стандартной величины, монах писал какими-то непонятными знаками просьбу, с которой обращались к нему посетители. Можно было попросить, что угодно. У кого болят зубы, чтобы прошла боль. У кого плохо с деньгами, чтобы появились в ближайшее время. Можно было попросить здоровье родственникам и друзьям. Просьбы записывались на бумажках, монах протягивал красивый подносик и заказывающий клал в кулечке из ткани (просто небольшого платка) деньги. Кто сколько мог. По мере своих экономических возможностей и лично оцениваемой величины стоимости «заказа».

Дальше происходили совсем удивительные события. Вытаращив глаза, я смотрел, как монах, который записал на бумажке нужную потребу, скатал её в небольшой шарик и... положил себе в рот. Встал с пола (писал он сидя, поджав ноги, за маленьким, но очень красивым столиком-скамеечкой) и пригласил нас последовать за собой. Мы пошли по направлению к главному входу в Буддийский храм. Поднявшись по ступенькам, мы вошли через огромные, тяжелые двери внутрь здания и остановились перед другими большими дверями в помещении прихожей. В стенных нишах находились шкафы с застекленными дверцами. На полках стояли какие-то замысловатые фигурки, сделанные из металла и дерева. Глаза разбегались при виде содержимого шкафов. Все это меня очень удивляло, и возникало множество вопросов к бабушке, которая меня дергала за руку, шепотом говорила – молчи, потом все расскажу. Не

долго задерживаясь перед вторыми дверьми, мы вошли в огромный полутемный зал с холодным, но пропитанным благоуханием воздухом. Стояла таинственная тишина, но неполная. Откуда-то из-под колонн зала доносилось монотонное, очень низкое гудение... Прямо перед нами, в глубине зала, из окружавших сумерек высветилась статуя Будды. Огромная, поблескивающая золотом, с большими открытыми глазами. Будда сидел точно в такой же позе, как и монах в магазине. То есть, наоборот, монах сидел, как Будда.

Наш сопровождающий, продавец-монах, повел нас через зал, по его периметру, не через центр, по часовой стрелке и остановился перед фигурой Будды. Прямо перед нами находилась еще одна статуя какого-то другого святого. (Потом я узнал, что это Цзонхава). Монах подошел прямо к Будде и... плюнул разжеванным во рту бумажным шариком. Шарик, вернее то, что от него осталось, прилип к металлической поверхности статуи. Это означало, что Будда принял просьбу бабушки! Вот если бы шарик отвалился, то это значило бы, что бабушка пожадничала и мало заплатила за свою просьбу. Это она уже объяснила мне потом...

Звуки, которые, глухо вибрируя, раздавались из-под колонн, исходили от сидящих на маленьких скамеечках, таких же, как и та, что я видел в магазине, мерно покачивающихся монахов. Было их немного – три, четыре, не больше, но звуки, которые они издавали, соединялись в тот странный, не сливающийся с тишиной гул.

Осенью 1937 года опять вместе с бабушкой я оказался у ворот Буддийского храма. Не помню, по какой причине, но мы дошли до уже знакомого мне, манящего своей необычностью и таинственностью здания. Зрелище погрома обоих зданий – и храма и дома, в котором жили монахи, потрясло меня. На окнах магазинчиков уже не было красивых штор, двери были закрыты. Кусты, кажется акаций,

посаженные вдоль главной дорожки, ведущей к храму, были поломаны и частично вытоптаны. Металлические ворота в ограде храма – распахнуты настежь. В садике зияли ямы черной земли на месте, где еще недавно росли цветы и где поражали радугой красок привязанные к веткам диковинных растений цветные тряпочки. По всему саду, вперемешку с падающими осенними листьями, шелестели ворохи бумажных листков с загадочными письменами. Более тяжелые листки, из картона или какой-то твердой бумаги, исписанные теми же знаками, лежали втоптанymi в перекопанную землю и на каменных плитках из ракушечника, которыми была вымощена дорожка от входной калитки ворот до ступенек храма. Двери Буддийского храма были тоже закрыты. Вокруг стояла зловещая тишина.

Мы зашли во двор жилого монашеского дома – кругом следы погрома. Прежде внутри двора стоял аккуратный двухэтажный флигель, первый этаж которого использовался монахами для хозяйственных нужд. В прошлые посещения мы с бабушкой были внутри этого флигеля и пили чай на втором этаже с каким-то очень большим стариком-монахом. У него были ужасно толстые, опухшие ноги. Он еле передвигался по комнате, в которой стояли обычный столовый стол, стулья и на особом маленьком, специальном столике – пыхтящий самовар. Бабушку он встретил очень любезно. Обслуживающий старика другой монах поставил перед нами красивые чашки и большую пеструю мисочку с очень вкусными «турецкими сухариками». Я очень их любил, так как иногда мои родители покупали их тоже в больших булочных и угощали в виде особого лакомства. О чем тогда говорила моя бабушка с этим старцем, я, конечно, не помню. Потом, уже будучи взрослым, я понял, что это был настоятель храма – знаменитый Агван Доржиев.

Так вот, в этот наш приход во дворе царил хаос из опрокинутых и поломанных бочек, от которых шел ужасный запах протухшей рыбы, повсюду валялись фрагменты стен

и сеток летнего курятника, в котором ламы держали кур и впервые увиденных мною индюков. Никакой живности, кроме бродячих кошек, сейчас здесь не было. Из флигеля, из помещений первого этажа, были вытащены и брошены около дверей большие деревянные чаны. В таких чанах тогда стирали белье. Весь двор был усеян осколками битой посуды, какими-то деревянными колотушками и остатками поломанной мебели. Некоторые обломки были очень красиво расписаны китайской (или японской) лаковой живописью. Пропали и заготовленные на зиму поленницы дров. Я так любовался ими прежде. Дрова были сложены в виде очень аккуратных круглых курганчиков – широких внизу и постепенно сходящихся на конус вверх. Теперь их не было. И лам не было. «Господи, что сделали супостаты, – тихо бормотала бабушка. – Не ведают, что творят, окаянные». По опыту, приобретенному мной летом, когда в нашей коммунальной квартире была арестована семья инженера-механика, работавшего до революции в Харбине на КВЖД и объявленного японским шпионом, я знал, что супостатами бабушка называет военных, одетых в форму НКВД.

Так и осталось в моей детской памяти – буйство осенней природы в лучах солнца, висящего над Финским заливом, запах тухлой рыбы и шелест выброшенных листков с загадочными надписями в храмовом садике.

Последний раз перед войной я видел Буддийский храм 5 декабря 1939 года. Я хорошо запомнил дату, потому что это день смерти моего дедушки. Днем мы отправились на Серафимовское кладбище и помолились на могиле перенесенного с одного кладбища на другое моего деда, а потом пешком отправились к зданию Благовещенской церкви и снова помолились у дубка, который был посажен на могиле деда моим старшим двоюродным братом еще в 1925 году. Дубок на зиму так и не скинул листьев и грустно стоял среди разрушенных и занесенных снегом могил.

Потом мы отправились на остановку трамвая у ЦПКиО по Благовещенской улице. Как все вокруг изменилось! Тихая, мощенная булыжником улица, шедшая вдоль берега Большой Невки, ожила. По ней нескончаемым потоком двигались войска на Финский фронт. Колонны грузовиков, танков, лошадиных упряжек с пушками и бесконечная лента идущих пешком солдат. Улица была начисто вытоптана от снега, укатана и покрыта слоем перемолотого колесами и ногами лошадиного навоза.

Проходя мимо каменных стен, окружающих территорию Буддийского храма, мы увидели много походных кухонь. От котлов шел пар, из труб валил дым, а вокруг – толпы стоящих и сидящих прямо на снегу солдат, которые ели горячую пищу и пили то ли кипяток, то ли чай. Тут же и оправлялись. Солдат было очень много и занимали они всю территорию Буддийского храма, внутреннего двора жилого дома, где прежде жили монахи, и все свободное пространство вблизи. Мы еле добрались до трамвайной остановки, пробираясь через двор, заполненный походными кухнями. На что я обратил тогда внимание, так это на дом. Он был заселен! В окнах, которые выходили на северную сторону, горел свет. По тропинке, вытоптанной в снегу к черному ходу дома, ходили штатские люди – мужчины, женщины, дети – новые жильцы. Что в это время происходило в самом храме, я не знаю. Потом было 21 июня 1941 года – день, когда окончилось мое детство. Блокада. Учение в школе и в институте. В суете будней Буддийский храм забылся как-то сам собой. Стоял он такой же таинственный, охраняемый вооруженными матросами. Что в нем было, никто толком не знал, а кто знал, не говорил.

(Неопубликованная рукопись. 2000 г. Семейный архив В.А. Иванова)

Хронология публикаций о храме

1972

Г.В. Пионтек. Самый северный памятник тибетского зодчества // История и культура Востока Азии. Т.1: Центральная Азия и Тибет. Материалы конференции. Новосибирск. С. 95-97.

1975

А.Н. Петров и др. Буддийский храм в Старой Деревне // Памятники архитектуры Ленинграда. Л. С. 466-467.

1985

Л.К. Минерт. Буддийский храм в Петербурге // Рериховские чтения. 1984 год. Материалы конференции. Новосибирск. С. 332-344.

О.В. Таратынова, В.С. Горюнов. Новое о творчестве архитектора Г.В. Барановского // Вопросы истории, теории и практики архитектуры. Л. С. 83-88.

1989

А.А. Судьба буддийского храма в Ленинграде // Религия в СССР (бюллетень АПН). №4. С. 25-27.

1990

А.И. Андреев. Из истории петербургского буддийского храма // Минувшее (Париж). Т.9. С. 380-405.

1991

A. Andreev. Agwan Dorjiev and the Buddhist Temple in Petrograd // Cho Yang. Year of Tibet edition. Dharamsala. Pp. 214-222.

J. Snelling. 'Kuntsechoinei Datsan, Leningrad - St.Petersburg // The Middle Way. Vol.99. №3. Pp. 161-165.

1992

А.И. Андреев. Буддийская святыня Петрограда // The Buddhist Shrine of Petrograd (на рус. и англ. яз.). Улан-Удэ.

А.И. Андреев. Из истории петербургского буддийского храма // Orient (СПб.). Вып. 1. С. 6-37. (Перепечатка статьи из альманаха «Минувшее»: 1990, Т.9, с исправлениями и дополнениями.)

А.И. Андреев. Петербургский буддийский храм // Рериховский вестник. Вып. 4. С. 87-94.

С.Д. Цыбиктарова. Осор Будаев - мастер Петроградского буддийского храма // Orient. Вып. 1. С. 38-50.

J. Snelling. A Heathen Temple in Christian Petersburg 1908-1910, глава из кн.: J. Snelling. Buddhism in Russia: The Story of Agvan Dorzhiev, Lhasa's Emissary to the Tsar. Shaftesbury. Dorset. Pp. 129-141.

1993

В. Иркут. Калачакра в Петербурге // Буддизм. М. №1 (2). С. 10-12.

А.И. Андреев. Буддийские ламы из Старой Деревни // Невский архив (М; СПб.). С. 314-349.

1994

A.I. Andreyev. Buddhist Temple in Petersburg and the Russo-Tibetan Rapprochement // Tibetan Studies. Proceedings of the 6th Seminar of the International Association for Tibetan Studies. Fagernes 1992. (Ed. by Per Kvaerne.) Vol. 1. Oslo. Pp. 1-6.

[Е.Ю. Харьковца]. Освящение большой алтарной статуи Будды в дацане Гунзэчойнэй 22 мая 1994 // Гаруда (СПб.). №3 (8). С. 1-3.

1995

А.И. Андреев. Об авторе проекта буддийского храма в Петербурге // Краеведческие записки. СПб. Вып.3. С. 44-51.

О.С. Хижняк. Освящение алтарной статуи Будды в дацане Гунзэчойнэй // Сакральное в культуре. Материалы конференции. СПб: ГМИР. С. 97-98.

С.Д. Цыбиктарова. Храма Шамбалы строитель // Священный Байкал (Улан-Удэ). Спецномер. С. 16-17.

1997

О.С. Хижняк. Возрождение буддийской культуры в Петербурге // Петербург в русской культуре. Тезисы докладов на научно-практической конференции. СПб. С. 89-90.

И.И. Ломакина. Из истории Петербургского храма // Буддизм России (СПб.). №27. С. 39-41.

2001

Б.М. Кириков. Архитектура петербургских храмов периода модерна: Буддийский храм // Краеведческие записки. Вып. 8. С. 53-55.

И. Игорев. Буддийский храм - «под крылом могучего орла?» // Национальный Петербург (СПб.). Май. С. 14-15; Ноябрь. С. 22.

2003

О.С. Хижняк. Буддийский храм в С.-Петербурге в эпоху перестройки: Проблема взаимодействия общин // Религия и гражданское общество: Проблема толерантности. Материалы круглого стола, Спб. С. 69-74.

Указатель имен

А

Агвандорж, см.: Доржиев А.Л.
Алексеев В.М. **113, 118**
Амитабха **57**
Амитаюс **163**
Амор **121**
Амур-Санан А. **100**
Анненский И. **20, 27**
Ардин Ю. **135, 136**
Арнольд Э. **19, 20**
Атанов И.Г. **160**
Аюка (Хан) **13**
Аюшиев Ц.Т. **160**

Б

Бадмаев Б.Б. **180**
Бадмаев Н.Н. **157**
Бадмаев П.А. **62**
Бадмажапов Ц. **90, 91**
Бак Б.А. **129**
Бакула Ринпоче **172, 174-176, 222**
Балдано Ч. **138**
Балинов Ш. **16**
Бальди К.В. **47**
Банзаракшеев Д.Д. **156, 158**
Барадийн Б.Б. **34, 45, 157, 160**
Барановский Г.В. **59-61, 67-69, 75**
Бардуев, Бандидо Хамбо-лама **183**

Барченко А.В. **124**
Баторов С.А. **160**
Батуев Т.Б. **158**
Белл Ч. **64**
Березовский Н.М. **41, 42, 43, 45-47, 49, 51, 56**
Березовский М.М. **41**
Берзен Р.А. **45, 61, 69, 89, 90, 94, 109, 137**
Берлин Л.Е. **18, 23, 117, 118, 149**
Блаватская Е.П. **18, 19**
Богдо-гэгэн, Богдо-хан; см.:
Джебзун Дамба Хутухта
Болдин А.Б. **174, 201**
Борис Владимирович, вел. кн. **86**
Борисов С.С. **155**
Боянчулган **9, 125, 126, 128, 131**
Бригер А.М. **17**
Бригер К.А. (Тундутова К.А.) **17, 89**
Брониковский Г. **66-67**
Брусов И.Н. **102, 114**
Будаев О.Б. **70, 73, 143, 144, 160, 212**
Будда Гаутама **3, 9, 13, 15, 18-20, 27, 44, 76-78, 82-86, 89, 180, 189, 202-204, 207, 213**
Будда Майтрея **17, 83, 87, 88, 90**
Бурдуков А.В. **91, 92**

В

Вампилов Б.В. **60**
Васильев В.П. **17**
Вачиравуд, Мага Вачиравуд;
см.: Рама VI
Вебер Ф.-Х. **16**
Верен Вирчжи **82**
Владимирцов Б.Я. **9. 91. 93.**
94. 113. 118. 123. 124. 136. 141
Владимирцова Л.Б. **9. 136. 137**
Волгин А.И. **167**
Волконская, кн. **67**
Волленберг Н.Л. **129**
Воробьев П.И. **113, 138**
Воронцов К.Ф. **113, 138**
Востриков А.И. **140, 141, 160**
Вырубова А.А. **67**

Г

Галзотов Г. **107**
Гармаев Ц.Д. **42, 158**
Гассар К.И. **163**
Гейслер **65**
Герасимова К.М. **92, 118, 139**
Горбачев М.С. **176**
Горбачева Р.М. **176**
Горбунов Н.П. **98**
Граббе 2-ой М.Н. **94**
Гурсэд **124**

Д

Давыдов Д. **137**
Далай-лама 13-ый (Тубтэн Гья-
цо) **16, 26, 31, 34, 35, 41, 43,**
55, 62, 82, 129, 158, 185

Далай-лама 14-ый (Тензин Гья-
цо) **171-173, 200, 222**
Далай Таши Хан **16**
Дамбаев Д. **140, 141**
Дандаров Е.Д. **160**
Дандарова М.И. **160**
Дандарон Б.Д. **172, 174, 176**
Данзан-Хавзун; см.: Самаев Ф.
Данчинов Г. **130**
Дарьсурэн Л. **119, 131**
Де Рони Л. **18-19**
Десницкая Е.И. **83**
Дешпанде О.П. **88**
Джебзун Дамба Хутухта 8-ой
121
Дигнага **141**
Доной **62**
Доржиев А.Л. **8, 9, 13, 23,**
25-29, 31-36, 39-43, 45-47,
50-57, 59-65, 67-76, 78, 81,
88-90, 92-94, 96, 99, 100, 101,
103, 104, 107-110, 112-115, 117-
119, 121-132, 135, 136, 138-144,
147, 153-163, 167, 181, 185,
188, 192, 193, 195, 197-199,
208
Драчевский Д.В. **47, 48**
Дугаров Д.С. **158**
Дундукова, кн.; см.: Тундутова
К.А.
Дылыков С.Д. **9, 78, 131, 132,**
158, 160-163, 195-199
Дэнмо Лочо Ринпоче **175, 177**

Е

Екатерина II, царица **29**
Ербанов М.Н. **127, 139**
Ефремов Г. **164, 165**

Ж

Жалсанов Н.Ж. **158**
Жамбалон С. **102**
Жамцарано Ц. **120, 122, 157, 160**
Жамцаранов Г. **141**
Жамцаранов Д.Ж. **154, 155, 156, 159**
Жамьянов О.Ж. **158**
Жахве (Л. Жабэ) **91**
Жигжитов, см.: Содном-Джамцо
Жигжитов Б.Б. **160**
Жимбиев Д. **160**

З

Занхатов Р. **70**
Зиновьев Г.И. **101, 139**
Зодбоев Б.Р. **156, 160**

И

Иванов В.А. **9, 107, 141, 149, 157, 164, 171, 202, 210**
Извольский А.П. **35, 63, 64**
Ирдыниев **159**
Иролтуев Ч.-Д. **84, 86, 92**
Исаев И.А. **39, 40, 94, 112, 113, 192**
Исаева Е.А. **39**
Итигелов Д.-Д. **72, 81, 83, 90, 123**

К

Каверин В.А. **144, 145, 148, 149**

Казнаков А.Н. **26**
Карахан Л.М. **95, 101, 107, 113, 114, 157**
Киров С.М. **158**
Клемансо Ж. **27**
Клеменц Д.А. **55**
Козин С.А. **166**
Козлов П.К. **17, 26, 56, 81, 82, 89**
Корф С.Н. **67**
Котвич В.Л. **41, 93, 94, 96, 123, 124**
Котляревский С.А. **92**
Крыжановский С.Е. **55, 56**
Кричинский С.С. **102, 109, 110, 114**
Куберлинов Л. **160**
Кхамтул Ринпоче **175, 177**

Л

Ленин В.И. **94, 153**
Леонтьева Т.В. **181-182**
Линден Н. **62**
Литвинов М.М. **155**
Лхамо **78, 156**
Лыгденов Ш.Л. **160**
Лыконин А. **56**
Люстиг Ф. **67, 115, 117**

М

Майдари; см.: Будда Майтрея
Макаров **113**
Маклаков Н.А. **74**
Манджушри **77**
Марков С.Н. **7, 90, 145-149**
Матвеев А.Ю. **174, 201**
Матвеев С. **103**

Махакала **90**
Мельников Б.Н. **129, 138**
Мельников В.Л. **10**
Мерген-гун **123**
Мещанинов И.И. **166**
Минаев И.П. **17, 52**
Минерт Л.К. **45, 46, 57, 211**
Митусова Л.С. **9, 167, 176**
Михайлов А. **32**
Михайлов Э.М. **102**
Монтлевич В.М. **9, 172, 174, 177, 201**
Мункуев Д. **140**
Мункужапов Д. **140, 153, 155, 158**
Мюллер М. **17**

Н

Намнансурэн (Сайн-Ноён Хан) **62**
Намсараев **92**
Насанкиев А. **140**
Нацов Г.-Д. **61**
Никитин А.П. **40**
Николай II, царь **26, 30, 36, 54, 56, 73, 147**
Николай Николаевич, вел. кн. **17**
Норбоев Д. **136, 143, 154, 155, 159**

О

Обермиллер Е.Е. **140**
Оболенская, кн. **67**
Оларовский **86**
Ольденберг Г. **17**
Ольденбург С.Ф. **20, 26, 27, 34, 41, 46, 52, 93, 94, 96, 102, 114, 115, 118, 120, 141**

Олькот Г. **19**
Орлов М.Я. **91**
Орлов-Денисов Ф.В. **40**
Очиров Б.Н. **113, 122**

П

Пагба-лама **78**
Певцов В.М. **55**
Петр I **13, 14, 114**
Петров П.Н. **13**
Петров С.В. **11**
Пинкус Г.Л. **103**
Пионтек Г.В. **7, 170, 211**
Пия Ваджираван **84-86**
Плансон-Ростков Г.А. **9, 78, 85-89, 183**
Позднеев А.М. **17, 40, 44, 93, 135**
Покотилов Д.Д. **34**
Потанин Г.А. **26**
Пра Висан-Бочанокут **88**
Пржевальский Н.М. **26, 63, 137**
Пушкарева-Козлова Е.В. **81, 82, 89**

Р

Рабданов Б. **26, 27, 29**
Рабданов Т. **179**
Радлов В.В. **41, 52, 54, 56, 59, 61, 68**
Рама VI Вачиравуд **78, 84**
Рерих Е.И. **167**
Рерих Н.К. **52, 70, 72, 168**
Рерих С.Н. **171, 176**
Рерих Ю.Н. **167, 168, 169**
Рис-Дэвидс Т.В. **17**
Розенберг О.О. **94, 118**

Романов Г.В. **171**
 Рудзитис Р.Я. **168**
 Руднев А.Д. **41, 82, 89, 90, 93**

С

Сайн-Ноён Хан, см.: Намнансурэн
 Самаев Ф. **178, 180, 183**
 Самбуев Б.Ц. **158**
 Санжиев **92**
 Санникова А.А. **185**
 Сахаров И.В. **167**
 Сахьянова М.М. **127**
 Семенов (Тян-Шанский) П.П. **26, 27**
 Синицын **46**
 Содном-Джамцо (Жигжитов) **88, 89, 91, 118**
 Содномпиллов Д.С. **158**
 Соктоев **42**
 Столыпин П.А. **31, 35, 41, 48, 52-56**
 Стомоняков Б.М. **157**
 Струве В.В. **166, 167**

Т

Тара Белая, см.: Цаган Дара-Эхе
 Теннисон К.-А. **75, 101, 103, 108, 115-117**
 Тепкин Л.-Ш. **122, 140, 143, 154, 155, 158**
 Терентьев А.А. **9, 78, 175, 176**
 Термен А. **68**
 Тихонов Н.С. **145, 147-149**
 Томиргонов Ч.-Д. **156, 157, 160**
 Топхаев С.Ц. **160**

Трепов А.Ф. **67**
 Тубянский М.И. **140, 141, 160**
 Туван Дорже **176**
 Тундутов Д. **17, 39, 81, 82, 89**
 Тундутов Ц.-Д. **15-17, 33**
 Тундутова, кн., см.: Бригер К.А.
 Тундутова Э. **16**
 Тюмень С.Д. **15, 16, 34**

У

Ункриг В. **122, 123**
 Унгерн Штернберг Р.Ф. **90**
 Урусов Н.П. **67**
 Ухтомский Э.Э., кн. **26-28, 52, 55, 67, 93**

Ф

Фаберже А. **90**
 Фаберже К. **9, 67, 84**
 Фредерикс В.Б., бар. **27**

Х

Хамбо-лама, см.: Доржиев А.Л.
 Ханда Дорчжи **81-83**
 Ханхасаев Н.А. **92**
 Харчев К.М. **174, 200**
 Ходырев В.Я. **175**
 Харузин А.Н. **48**
 Хацкелевич В.А. **165**
 Хомутников В.А. **112**
 Хрущев Н.С. **167, 168**

Ц

Цаган Дара-Эхе **29**
 Цзонхава **15, 44, 207**

Цыбенов Ж.-Ж. **178**
Цыбенов Н.Ц. **160**
Цыбикжапов Эрдем **178, 179**
Цыбиков Ж.Ц. **160**
Цыбиков М.З. **178**
Цыбиктарова С.Д. **212, 213, 143, 144**
Цыденов Д.Ц. **160**
Цэвэгийн (Цыбаков) Г.-Ч. **70, 187**
Цэрэндорж **62**

Ч

Чакрабон, принц **83-86**
Чемпли Э. **20, 62**
Ченкиров **127**
Чернышев Ф.С. **40**
Чжебзун Дамба Хутухта, см.
Джебзун Дамба Хутухта
Чичерин Г.В. **94, 99, 108, 109, 110, 113, 155**
Чойбалсан Х. **131, 167**
Чойжил **156**
Чулалонгкорн, король **83, 84**

Ш

Шифнер А.А. **18**
Шишмарев В.М. **40**
Шишмарев Я.П. **40**
Шмидт Я.И. **18**
Шнейдер А.П. **52**
Шнейдер В.П. **52**
Штюмер Б.В. **67**

Щ

Щегловитов И.Г. **67**

Щербатской Ф.И. **17, 31, 40, 51-56, 64, 89, 90, 94-96, 98-100, 106, 118-121, 140, 141, 160**

Э

Энгельхардт И. **9, 149**
Эрднеев Ж.Ж. **201**
Эрдени-Дамдин **82**

Ю

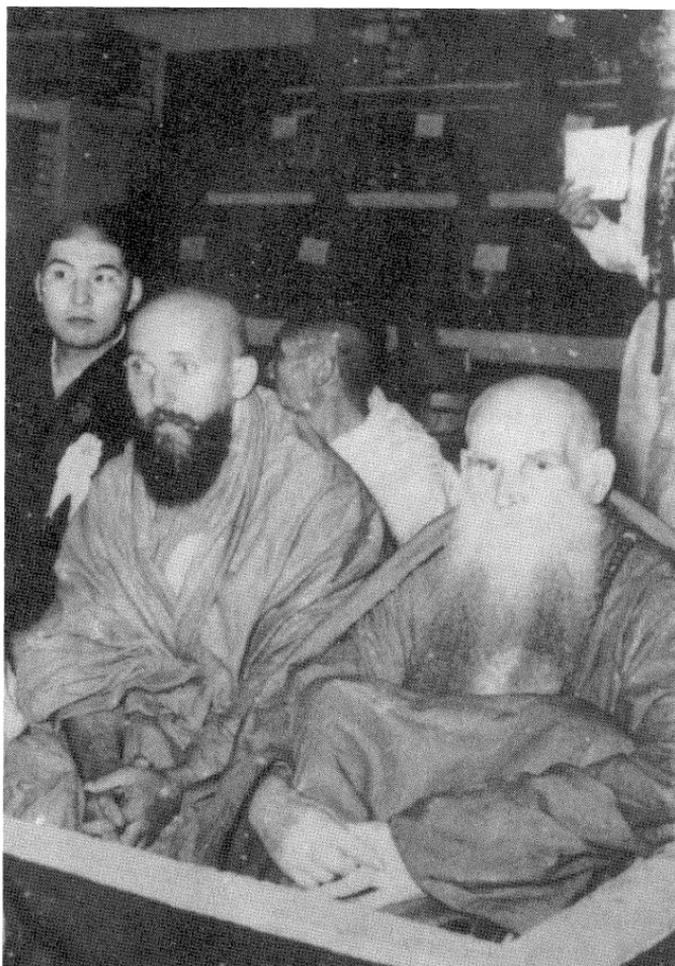
Юденич **100**

Я

Яковенко **131**
Янсон Я.Д. **101, 106, 188**
Янушкевич Н.Н. **10**

С

Soubhadra Bhikshou **19**

*Вверху:
Бывший «заведующий» буддийским храмом Карл Теннисон и
его ученик Фридрих Люстиг как представители Латвии на
конференции Всемирного братства буддистов в Коломбо (ок.
1960 г.) (Архив А. Терентьева)*

НАШ АДРЕС:

Санкт-Петербург,
191123 а/я 135,
А. Терентьеву
(812) 110 0012
Narthang@Buddhism
ofRussia.ru

Книги издательства «Нартанг»

Лицензия ИД № 05332 от 10.07.2001

- Далай-лама.** Буддизм Тибета. 1991.
- Далай-лама.** Свобода в изгнании. 1992.
- А. Берзин.** Общий обзор буддийских практик. 1993.
- Чже Цонкапа.** Большое руководство к этапам Пути Пробуждения. Тома I–V. 1994–2000.
- Лама Сопа.** Преобразование проблем в радость. 1995, 2001.
- Далай-лама.** Сострадание и всеобщая ответственность. 1995.
- Далай-лама.** Мир тибетского буддизма. 1996, 2002.
- Лама Сопа.** Вкус Дхармы. 1996, 2001.
- Тубтен Чодрон.** Открытое сердце, ясный ум. 1999.
- Духовное родство.** 1999.
- Далай-лама.** Моя страна и мой народ. 2000.
- Дилго Кхенце.** Отвага прозрения. 2000.
- Далай-лама.** Этика для нового тысячелетия. 2001.
- Далай-лама.** Союз блаженства и пустоты. 2001.
- Слово Будды.** Обзор учения Будды словами Палийского канона. 2002.
- Лобзанг Чойки Гьялцен.** Ритуал почитания Учителя.
- Шестиразовая йога.** 2002.
- А. Берзин.** Опора на духовного учителя. Построение здоровых отношений. 2002.
- А. Берзин.** Принятие посвящения Калачакры. 2002.
- Дхарма в Австрии.** 2002.
- Повесть об Учителе:** Бакула Ринпоче в России. 2003.
- Шакабпа.** Политическая история Тибета. 2003.
- А. Терентьев.** Определитель буддийских изображений. 2004.
- А.Г. Сазыкин.** Видения буддийского ада. 2004.
- Далай-лама XIV.** Ответственность и добросердечие. 2004.

*С порядком заказа книг можно ознакомиться на сайте
издательства www.buddhismofrussia.ru, а также по
телефону: (812) 110 0012.*

Внимание библиотек, востоковедных организаций, всех исследователей и любителей Востока! Новая услуга!

Индология, буддология, тибетология, тибетская медицина, священные тексты, языкознание, история и культура стран Востока – более 2000 наименований зарубежных книг можно теперь приобрести в Петербурге.

Вы можете заказать у нас за рубли книги американских издательств **Serindia**, **Wisdom** и **Snow Lion**, индийского **Motilal Banarsidas** и других зарубежных издательств.

Для этого:

- зайдите на сайты www.serindia.com, www.wisdompubs.org, www.snowlionpub.com, www.mlbd.com, www.wisdom-books.com, www.newagebooksindia.com;
- выберите интересующую Вас книгу;
- переведите её цену в рубли по курсу Центробанка;
- вышлите почтовый или банковский перевод, сообщив нам выходные данные книги (включая номер по каталогу) и Ваш точный почтовый адрес.

Почтовый перевод:

Россия, 191123, С.-Петербург, а/я 135, Терентьеву А.А.

Банковский перевод:

ПБЮОЛ Терентьеву А. А. на расчетный счет № 4080281020000003889 в ЗАО «Петербургский социальный коммерческий банк»: 191123, Санкт-Петербург, Шпалерная, 42, корр. счёт № 3010181000000000852 в ГРКЦ ГУ ЦБ по Санкт-Петербургу БИК 044030852 ИНН 7831000965

Стоимость пересылки в Россию (книги обычного формата):
книги до 450 г до 250 стр. – **150 р.** или **600 р.** (авиапочта)
книги от 251 до 500 стр. – **300 р.** или **750 р.** (авиапочта)
книги от 500 стр. и альбомы – **400 р.** или **1000 р.** (авиапочта)

При посылке простой почтой Вы получите заказанную Вами книгу ориентировочно через месяц со дня получения нами Вашего перевода.

А.И. Андреев
Храм Будды в Северной столице

Макет М. Щедрина
Редактор Г. Разумова
Тех. редактор Д. Липатов
Отв. редактор А. Терентьев
Фото на обложке Р. Кузнецов

Сдано в набор 17.11.2003
Подписано к печати 27.04.2004
Гарнитура «Антиква»
Печать офсетная, бумага офсетная, формат 60x84x1 / 16
14 условных печатных листов
Тираж 1000 экз.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО ИПП «Искусство России»,
198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, д. 38, к. 2.
Заказ № 683.

ISBN 5-901941-14-4

© А.И. Андреев

Издательство А. Терентьева «Нартанг» лиц. НД № 05332 от 10.07.2001
Санкт-Петербург, 191123, а/я 135

Андреев

Александр Иванович

Родился в 1949 г. в Ленинграде. Закончил филологический факультет ЛГУ (1971). Имеет степень кандидата исторических наук. С 1995 г. работает в Санкт-Петербургском филиале Института истории, естествознания и техники РАН.

Автор книг:

Буддийская святыня Петрограда (1992), От Байкала до священной Лхасы (1997), Время Шамбалы (2002), Soviet Russia and Tibet (2003).

Храм Будды в Северной столице

Книга повествует об одном из уникальных памятников петербургского зодчества – буддийском храме в Старой Деревне, построенном в начале XX века по инициативе посланника XIII Далай-ламы, бурятского ламы Агвана Доржиева. Подробно рассказывается о всех этапах строительства храма, его реликвиях и нелегкой судьбе в годы советской власти. Закрытый в 1938 г. храм был возвращен верующим лишь на исходе горбачевской перестройки, в 1990 г. В Приложении приводится ряд архивных документов, а также воспоминания стародеревенского старожила В.А.Иванова. Издание иллюстрировано множеством редких архивных и современных фотографий.

Санкт-Петербург
2004

ISBN 590194114-4

Храм Будды в Северной столице.
Андреев

320 руб

18357